

СЕРИЯ

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ВЫПУСК XXIII

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
Учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Социологический факультет

**Интеллигенция:
поиск ответов на вызовы времени**

Сборник научных статей

МОСКВА 2022

ББК 60.54 я 43

УДК 316.344.32 (061.3)

ISBN

Редколлегия: Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, Е.А. Колосова, А.В. Кученкова, Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, И.О. Шевченко. Рецензенты: Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор; Н.Е. Покровский, доктор социологических наук, профессор; И.П. Попова кандидат социологических наук Верстка и препресс: Е.В. Зверев

Интеллигенция: поиск ответов на вызовы времени: сб. научных статей / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований ; Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С. Цапко, Е.А. Колосова; РГГУ, – М.: РГГУ, 2022. – 281 с.

Данный выпуск продолжает традицию ставить в центр анализа такое понятие как «жизненный мир», который позволяет оперировать в структуре доказательств не только одним фактором или условием, а совокупностью взаимосвязанных и смежных обстоятельств, что способствует более глубокому проникновению в суть рассматриваемых вопросов. Такой подход позволяет дать анализ и обсудить деятельность интеллигенции в критически-созидательном аспекте, когда наряду с отвержением устаревшей или неправомерной практики формулируются предложения, те или иные меры по рациональному решению общероссийских, региональных и местных проблем, в том числе и тех, что порождены пандемией.

Для исследователей многообразия жизненного мира интеллигенции в России, преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов, для всех интересующихся судьбами российской интеллигенции.

На обложке: Джорджо де Кирико. Метафизический натюрморт с бюстом. 1973. Холст, масло. Фонд Джорджо и Изы де Кирико, Рим

© Авторы, 2022

© Российский государственный гуманитарный университет, 2022

© А. Пушина, оформление

ISBN 978_5_6047749-0-8

обложки, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	8
РАЗДЕЛ I. Интеллигенция о состоянии и способах решения общественных проблем	
Ж.Т. ТОЩЕНКО Интеллигенция: социально-технологическое измерение профессий	11
А.А. ЗВОНКО Гуманитарные науки в новой реальности: философия образования и интеллигенция в XXI веке	21
И.И. ОСИНСКИЙ Интеллигенция и некоторые проблемы национальных отношений	28
А.В. САФРОНОВ П.Б. Струве о государстве и культуре: взгляд представителя интеллигенции XX века	34
А.С. СИДОРОВА Идеи инновационного развития экономики в работах В.Н. Тенишева	41
Г.В. ТАРТЫГАШЕВА Будущее России в представлениях экспертного сообщества	48

РАЗДЕЛ II. Особенности трудовых и социально-политических отношений современной интеллигенции

И.В. ВОРОБЬЕВА Прекарные черты трудовой занятости интеллигенции (на примере сфер науки, образования и здравоохранения)	59
Е.А. КОЛОСОВА Черты прекарной занятости среди работников сферы общего образования	66
Н.И. БЕЛОВА Социально-трудовые конфликты в российском здравоохранении в период пандемии COVID-19	72
Е.В. ФАДЕЕВА Средний медицинский персонал в период пандемии: трудовой энтузиазм и финансовые стимулы	79
С.И. БОЙКО Развитие мотивации и самоидентификации в процессе обучения будущих интеллектуалов – профессионалов сферы государственного управления	85
И.А. ГАЗИЕВА Ценностные критерии выбора места трудоустройства будущих выпускников вузов	92
В.Ф. ЛЕВИЧЕВА, С.Л. ДИМАНС Общественные (экспертные) советы: между экспертизой и лоббизмом	102
А.А. ХОХЛОВ Приватизация традиционных ценностей и религиозных ритуалов в общественно-политическом дискурсе современной России	113
С.А. ДЕНИСОВ Задачи конституционалистов на современном этапе развития российского общества	120

РАЗДЕЛ III. Проблемы интеллигенции в сфере образования и культуры

М.Б. БУЛАНОВА Преподаватели высшей школы в поисках новых смыслов работы и жизни	132
О.Б. ИСТОМИНА Педагогическая интеллигенция и профессиональные экспектации	141
В.Ф. ПУГАЧ Преподаватели вузов в постсоветской России: социальная травма	147
А.М. ОСИПОВ, А.Г. КУКУШКИНА Работники образования под бюрократическим бумажным прессингом	156

А.А. БУРАШНИКОВА Перспективы ротации профессорско-преподавательского состава вуза путем привлечения талантливой студенческой молодежи: социализирующий аспект (на материалах всероссийского исследования)	165
--	-----

Е.Н. НАРХОВА, Д.Ю. НАРХОВ Дифференциация студенчества в аспекте цифровизации актуальной культуры	177
---	-----

М.В. АМГАЛАНОВА Роль интеллигенции в формировании отраслей профессионального искусства Бурятии	188
---	-----

Е.И. ПАШИННИНА, И. В. БАБАЯН Проводники перемен и агенты исторической памяти: интеллигенция в системе воспроизводства социокультурных смыслов	196
--	-----

Е.А. ГРИШИНА Проблемы формирования культурной и гражданской идентификации российской молодежи	204
--	-----

КАЛЕЙДОСКОП

Б.Г. НАГОРНЫЙ Искусственный интеллект и его влияние на функционирование интеллигенции	213
--	-----

В.В. СОЛОДНИКОВ, И.В. СОЛОДНИКОВА Случай А. Тепляковой: образовательная траектория и ее акторы	218
---	-----

В.Н. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА, Е.Р. ЯРСКАЯ Интеллигентность в практиках заботы: по материалам интервью с социальными работниками	227
--	-----

Г.А. КУЗЬМИНА Психологическая безопасность личности в контексте современных условий неопределенности	238
---	-----

М.А. ПИЛЬГУН Коммуникативные особенности цифрового поведения в период пандемии	246
---	-----

Т.Э. ПЕТРОВА Деятельность студенческих добровольческих (волонтерских) объединений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции	257
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	263
--------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ. Перечень публикаций научной школы «Интеллигенция и современность»	267
--	-----

Статьи авторов, написанные Беловой Н.И., Булановой М.Б., Воробьевой И.В., Колосовой Е.А., Тартыгашевой Г.В., Фадеевой Е.В. написаны в рамках выполнения проекта РНФ № 18-18-00024

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Настоящий выпуск является очередной публикацией статей по научно-исследовательскому проекту «Интеллигенция и современность», результаты которого нашли отражение в ежегодных сборниках, которые издаются с 2000 года (их перечень и аннотация содержится в приложении). В них анализировались различные проблемы теоретического и прикладного характера, в том числе посвященные деятельности интеллигенции в экономике, политике, социальной и культурной сферах. Все они так или иначе затрагивали различные аспекты жизненного мира интеллигенции. Многие из них рассматривались на базе всероссийских, региональных или локальных социологических исследований. Но ряд из них были посвящены философским, историческим, психологическим и политологическим проблемам, что несомненно обогащало наши представления о том, как живет интеллигенция, каковы ее ценностные ориентации, с какими проблемами она сталкивается, какие меры она предпринимает для решения возникающих перед ней проблем.

Данный выпуск продолжает традицию ставить в центр анализа такое понятие как «жизненный мир», который позволяет оперировать в структуре доказательств не только одним фактором или условием, а совокупностью взаимосвязанных и смежных обстоятельств, что способствует более глубокому проникновению в суть рассматриваемых вопросов. Такой подход позволяет дать анализ и обсудить деятельность интеллигенции в критически-созидательном аспекте, когда наряду с отвержением устаревшей или неправомерной практики формулируются предложения, те или иные меры по рациональному решению общероссийских, региональных и местных проблем, в том числе и тех, что порождены пандемией.

В соответствии с этим подходом, в первом разделе дается анализ некоторых назревших проблем так теоретико-методологического, так и прикладного характера, которые направлены на поиск резервов по повышению эффективности интеллектуальной деятельности. Наш взгляд, здесь органически присутствуют тексты исторического характера – как эти проблемы решались в творчестве представителей интеллигенции других эпох в развитии России как П.Б. Струве и В.Н. Тенишев.

Второй раздел представлен анализом трудовой и общественно-политической деятельности интеллигенции, статьи о которых основаны на данных представительных социологических исследований и прежде всего тех, которые реализовывались в рамках проекта РФФ «Прекариат: Новое явление в социально-экономической структуре общества», выполняемых коллективом социологов РГГУ.

Третий раздел продолжает ранее начатый анализ проблем жизненного мира интеллигенции в сферах образования и культуры. Эти статьи в своем большинстве посвящены рассмотрению продолжающихся быть турбулентными вопросы перестройки образования и особенно высшей школы, роли и места преподавателей в поиске способов и методов решения назревших проблем прежде всего социального характера.

В заключение дается ряд материалов, которые рассматривают смежные с заявленной темой проблемы, но представляющих интерес при раскрытии отдельных социальных проблем, волнующих российское общество.

Ж.Т. Тощенко

член-корреспондент РАН

научный руководитель соцфака РГГУ

РАЗДЕЛ I.
Интеллигенция о состоянии и
способах решения общественных
проблем

Интеллигенция: социально-технологическое измерение профессий

Ж.Т. Тощенко

член-корреспондент РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

В современной научной литературе, когда речь идет о классификации профессий, мало или совсем не используется один, на наш взгляд, принципиально важный подход – их измерение в социально-технологическом разрезе, в основе которого лежит принципиально иное функциональное измерение трудовой деятельности.

Исключением из этого утверждения является анализ, сделанный советским психологом Е.А. Климовым, который, поставив во главу угла такое ключевое понятие как предмет труда, обосновал типологию профессий, характеризующих взаимоотношения человека с природой, техникой, а также, с таким объектами, взаимодействия, как художественный образ и знак. Особо он выделил такой тип профессий как человек-человек [Климов, 1993].

Именно такой подход нам представляется принципиально важным, рациональным и наиболее адекватным потребностям IV промышленной революции и новому VI технологическому укладу. Именно такой подход открывает новые возможности в осмыслении тех кардинальных изменений, которые происходят в мире профессий. В данной статье мы применяем его к анализу профессий интеллигенции, выполняемыми лицами умственного труда, что имеет свои особенности и отличия.

Этот подход, который мы называем социально-технологическим, связан, с одной стороны, с насущной потребностью увязать социальные аспекты труда с кардинальными изменениями в жизни общества и производства, которые требуют учета именно принципиально новых тенденций и изменений в достижении новых целей. С другой стороны, такой подход требует рассмотрение проблем совершенствования

деятельности интеллигенции с технологическими требованиями, обуславливающими особые характеристики, присущие определенной группе профессий, которыми обладает часть людей общественно значимого труда, относимая нами к интеллигенции.

Опираясь на теоретические выводы о ходе кардинальных технологических изменений и данные социологических исследований в сфере труда, мы попытаемся охарактеризовать социально-технологический подход, который позволяет сгруппировать все профессии по следующим блокам: человек-техника, человек-природа, человек-человек, человек-творчество.

Рассмотрим это подробнее.

Человек-техника

В самом общем виде, «человек — техника» - это использование технологий, связанных с созданием, обслуживанием и эксплуатацией техники. Тип профессии «человек - техника» ориентирован на создание, применение и обслуживание технических механизмов и конструкций, которые применяются человеком для ускорения и облегчения своей трудовой деятельности [Забродин, 2002].

Отметим сразу, что в профессиях «человек-техника» решается более широкий круг проблем, чем в профессиях «человек-машина», которые по сути являются производной от более объемной проблемы. «Человек-техника» касается всех видов механизмов, оборудования и машин, в том числе и предназначенных для решения более простых задач во взаимоотношениях человека с простейшими механизмами или просто их сосредоточением в определенном месте или в отдельном производственном подразделении. В профессиях типа «человек-машина» профессионал вовлечен в большинстве случаев в решение технологических задач в процессе функционирования автоматизированных и полуавтоматизированных производств, гибких производственных систем.

Если эту проблему рассматривать с точки зрения высококвалифицированного интеллектуального труда, то, на наш взгляд, профессии типа «человек-техника» в наиболее полном виде олицетворяет инженерный труд (фр. *ingenier*, от лат. *Ingenium* – способность, изобретательность), в основе профессии которого лежит четкий алгоритм, предполагающий достижение высокого эффекта от выполнения и соблюдения определенных структурированных функций. В настоящее время инженерная деятельность представляет собой сложный комплекс различных видов труда – технологический, изобретательский, конструкторский, проектировочный,

управленческий, исследовательский и др.

Но абсолютно буквальное выполнение только этих зафиксированных функций может привести к рутине, к консервации прошлого опыта. Так как в основе совершенствования этой системы находится постоянная «достройка» деятельности инженера новыми потребностями совершенствования трудового процесса, это требует умения решать разнообразные специфические и особые задачи, возникающие в процессе функционирования производства. Поэтому требуется учет и использование индивидуальных социальных и психофизиологических характеристик деятельности, различия между которыми носят, как правило, случайный характер; подбор тех, кто обладает необходимыми качествами для работы на конкретных объектах производства. Особое значение имеет выявление творческих способностей для осуществления постоянной рационализации как техники, так и технологий, а также совершенствования управления в рамках своей компетенции [Горелов, 2015].

Конечно, применительно к разным профессиям (например, инженер, конструктор, пилот, космонавт и др.) эти требования серьезно различаются и варьируются. Но вместе с тем их объединяет соблюдение схожих социально-психологических требований: внимательность, рациональность, развитое техническое мышление, наблюдательность, умение сосредотачиваться и быстро переключать внимание.

Слабость рационализации системы «человек-техника» заключается в трудности учета многообразия психофизиологических особенностей (реакция на изменяющуюся ситуацию, способность принимать оперативные решения, а также умение критически оценивать результаты с одновременным поиском формулировок по выходу из создавшегося положения [Забродин, 2010].

Эти требования обостряются в новых условиях, когда решение социально-технологических задач значительно усложняется в связи со все более широким распространением и использованием робототехники, цифровизации, внедрением требований искусственного интеллекта, вытеснением ими существующего набора машин и механизмов, хотя последнее, на наш взгляд, будет иметь долгосрочную перспективу своего существования. Эксперты утверждают, что внедрение искусственного интеллекта не гарантирует быстрого и успешного решения проблем, что упирается в несовершенство существующих социально-технологических решений. Так, в 2009 г. в Массачусетском университете была создана на то время самая совершенная модель нейронной сети в 1 млн нейронов, но что равно 4% человеческого мозга или мозгу кошки. К 2025 г. теоретически будет создан суперкомпьютер

– аналог человеческого мозга, но он будет потреблять электроэнергию трех Саяно-Шушенских ГЭС и физически располагаться в здании размером 300x300x50 м. [Поиск. 2021, 24 июня].

Вместе с тем, для системы «человек-техника» огромное значение имеют социальные факторы: социальное положение, социальный статус и престиж, адекватное вознаграждение, наличие социальных гарантий и признание социально-экономической значимости профессии. Разве можно согласиться с тем, что, по данным Росстата, среди 20 наиболее высокооплачиваемых интеллектуальных профессий в стране значится только одна инженерная профессия – «инженер по авиационному оборудованию» с оплатой труда в диапазоне 37 тыс. – 42 тыс. рублей. Или вот свежее объявление Нижнеомовского электромеханического завода о приглашении на работу инженера по труду с оплатой 28 тыс. руб. и инженера по автоматизированной системе управления технологическими процессами с оплатой в 45 тыс. [Jobeka (дата обращения -10 февраля 2022 г.).

Отметим также, что для профессий инженерного труда особое значение приобретают их подготовка в вузах по эффективному сочетанию обучения и производственной практики. И из-за того, что инженерный труд имеет невысокую престижность среди молодежи, то и инженерные вузы не всегда комплектуются отличившимися и продвинутыми выпускниками средних школ.

Человек-природа

Направление «человек-природа» охватывает широкий круг профессий, в основном занятых в сфере сельского, лесного, рыбного хозяйства, а также ряд других специальностей, связанных с экологической тематикой, в том числе и в организациях системы «человек-машина». Иначе говоря, «человек - природа» - это профессии, связанные с использованием, изучением, охраной и преобразованием природы и всей окружающей среды.

Профессии типа «человек - природа» можно представить в виде трех групп: 1) профессии природопользования; 2) профессии природоохранения; 3) профессии преобразования природы [Мир профессий, 1987].

При описании профессий типа «человек - природа» мы выделяем в качестве главного профессионального интереса естественную систему (растительный и животный мир, природные богатства).

Что касается профессий природопользования, то они включают в себя широкий круг работников физического и умственного труда

- десятки профессий, обеспечивающих снабжение людей всем многообразием потребляемых продуктов и материалов. Что касается интеллектуальных профессий этой системы, то они в большинстве случаев связаны с высококвалифицированным применением различных видов технологий. И соответственно этому главные их усилия сосредотачиваются на научно-обоснованной ориентации в природной среде, понимании ее особенностей.

Что касается группы профессий, связанных с охраной природы, то они стали востребованы в современной эпохе в результате вмешательства человека в природную жизнь. Его деятельность может привести к изменению структуры воздушного и водного режимов. Кроме того, происходящие экологические изменения неблагоприятно влияют на здоровье людей. Основным предметом труда этой группы профессий является знание природной среды, понимание того, что ее особенностью является изменчивость и неповторимость. А это определяет специфические требования к интеллектуальной деятельности специалистов этих профессий, которые должны проявлять большую самостоятельность в осуществлении своей деятельности.

Говоря о группе профессий, связанных с преобразованием природы, нельзя забывать, что преобразование природы, приумножение ее богатств за счет правильного и рационального использования — важнейшая их обязанность и ответственность за судьбы будущего страны.

Взаимоотношения человека и природы имеют давнюю историю. Длительное время попытки изменить природу и властвовать над ней ощутимо не влияли на жизнь человечества и не оценивались в связи с целесообразностью и опасностью для планеты. Но экологические катастрофы и природные аномалии, которые начали сопровождать нас повсеместно, доказали, что ни одно серьезное вмешательство в дела природы не может пройти бесследно и опасные изменения могут произойти по вине близорукой и недальновидной политики и безответственной деятельности самих людей.

Именно такие факторы могут привести к далеко идущим последствиям, например, в сфере продовольственной безопасности. Импорт продовольственных товаров еще велик: 28% говядины, 34% сыров закупается за границей. Значительна доля закупок овощей и плодов. По данным эксперта А. Деева, для посадки кукурузы закупается 90% от потребности, инкубационных яиц – 80%, не говоря о сельскохозяйственной технике, ветеринарных препаратах, пестицидов и т.п. [Цит. По: Соловьева, 2021].

Как показывает анализ способностей и возможностей человека, для того, чтобы работать в системе «человек-природа», необходимо обладать такими качествами как эмоциональная устойчивость, наблюдательность, способность к поисковой деятельности, так как психофизиологические требования, предъявляемые к работникам этих профессий, несколько иные. Здесь требуется достаточная физическая выносливость, приспособление организма к изменчивости внешних условий, быстрая ориентация при меняющихся условиях внешней среды.

Особенности профессий «человек-человек»

Система «человек — человек» охватывает профессии, связанные с воспитанием, обслуживанием, обучением людей, общением с ними, правовой защитой. Особое место занимает деятельность человека в сферах здравоохранения и управления, где взаимодействие между людьми подвергается специфическим правилам и нормам.

В настоящее время число этих специальностей чрезвычайно обширно и многообразно, в результате чего происходит стремительная перестройка профессиональной деятельности во многих сферах жизни людей для решения профпригодности многих ее форм и видов.

При анализе содержания интеллектуальных видов профессиональной деятельности этой системы можно выделить несколько компонентов, разделяющих специальности на те, где критическими являются следующие профессиональные качества: личностный компонент деятельности (эмоциональной, волевой и мотивационной); организаторские способности; интеллектуальный компонент деятельности, т.е. характеристики процесса обработки информации, принятия решения и т.п. Психологи выделяют характеристики психомоторных качеств и речи. (Шадриков, 1996).

Профессия (специальности), где взаимодействие происходит в системе «человек-человек» в решающей степени обусловлена сформированностью таких качеств как восприимчивость, сотрудничество, стремление к общению; доброжелательность, отзывчивость; способность анализировать поведение окружающих, понимать намерения и настроения других людей, умение преодолевать разногласия, организаторские навыки; умение слушать, учитывать мнение другого человека; способность владеть речью, мимикой, жестами; аккуратность, пунктуальность, собранность; знание психологии людей [Мир профессий, 1987].

Профессионально важными качествами специалиста в системе «человек-человек» являются также прежде всего личностные компоненты

деятельности. То есть для составления прогноза в этой системе необходимо оценить эмоционально-волевую сферу, коммуникативную и организаторские способности [Ползунова, 2006].

Если обобщить требования к профессиям «человек-человек», то прежде всего их представители должны обладать определенными профессиональными и личностными качествами. Среди них принципиальное значение приобретают внимание к другому человеку - стремление уделять первостепенное внимание его проблемам, предлагать и оказывать помощь и пути решения, оставаясь неизменно дружелюбным и искренним. Инициативность - стремление выдвигать идеи, браться за их исполнение и воплощать в реальность. Делать все для выполнения и перевыполнения задач, не дожидаясь дополнительных указаний. Умение работать в команде - стремление эффективно выполнять задания вместе, помогая и поддерживая друг друга. Стремление к успеху - неудовлетворенность существующим положением дел, стремление к новому, установление высоких стандартов и сложных задач и постоянное стремление к их перевыполнению.

Профессии системы «человек-творчество»

Во многих профессиях есть элемент творчества. Но существует целая группа профессий, которые относятся к так называемым свободным профессиям или творческим. Для таких специальностей очень важен талант, без которого в этой области невозможно развиваться. Задача творческих специалистов - создание чего-то нового, и не только на основе уже существующих научных и культурных ценностей. Человек, который трудится в этих сферах, должен полагаться больше на свою интуицию и внутренние ощущения, а не только на рациональное мышление. Стать представителем творческой профессии непросто, для этого нужны задатки. Хотя считается, что результатов в этих видах деятельности можно добиться, если упорно стремиться к поставленной цели, не считаясь ни с каким регламентированным временем. Избравшие данные профессии люди могут создавать принципиально новые вещи.

Люди творческих профессий обладают особым чувством: они имеют личностный подход, видят все происходящее в особом свете и главное они умеют самовыражаться при помощи своих способностей. Сегодня эти профессии насчитывают множество направлений творческого поиска, и всех их объединяет одно качество - созидательная деятельность с применением личного творческого потенциала, а также особого видения и мышления. Профессии данной сферы включают в

себя работу в сфере науки, в сфере искусства и литературы и некоторых других специфических каналов, что предполагает создание условий для этих профессий по реализации имеющегося потенциала.

Прежде всего это создание среды (условий), которая очень часто должна быть весьма индивидуализирована с учетом потребностей каждой профессии. Эта территория творчества предполагает, что ее заполняют люди с богатым внутренним миром, которые делают выбор в пользу творчества как занятия на всю жизнь. Особо отметим, что среди тех, кого называют людьми творческих профессий, не всегда (это бывает, но нечасто) встретишь человека, уставшего от профессиональной рутины. Возможность творить, создавая нечто новое, принципиально важное, необычное, сама по себе является наградой. А если результат творчества признается другими, это становится для людей этой профессии самой высокой оценкой их труда.

Однако ценность и результативность этого труда нередко не являются очевидным и сразу признанным результатом, в отличие от труда в сфере материального производства, во взаимоотношениях с техникой, природой или в процессе обучения. На этом пути возникает немало коллизий, противоречий. Потому и государство, и общество должны всегда идти на определенный риск, поддерживая стремление людей проявить себя в этих видах деятельности. Это даже касается и науки, финансирование которой в большинстве случаев нацелено на получение конкретного результата. Хотя и в ней имеются фундаментальные исследования, которые не всегда гарантируют успех. Но не всегда и учитывается тот факт, что отрицательный результат – это тоже результат, который отвечает на вопрос «а следует ли в этом направлении осуществлять поиск?» Еще сложнее работает этот принцип, когда речь идет о литературе и искусстве, где требуются гораздо более длительные отрезки времени, которые приводят к реальной оценке полученных результатов. Но даже посредственные результаты не должны быть укором для их создателей. Это всегда поиск истины, которая не может быть с абсолютной точностью гарантирована. Именно в такой ситуации и порождаются многочисленные конфликты, которые так характерны для этих профессий, особенно в сфере искусства и литературы.

Особо отметим, что выбор творческой профессии влияет на состоятельность человека на протяжении всей его жизни. Если человек занимается комфортной для себя деятельностью, то она будет максимально эффективна, будет приносить удовлетворение. Однако при одном важном условии – отношении к ней со стороны внешней среды (государства и общества), готовых пойти на риск - обеспечить

достойную жизнь тем, кто занимается этой деятельностью.

Вместо заключения

Данная классификация по социально-технологическому принципу в наибольшей мере соответствует современному этапу развития общества. Когда на первый план выходят именно потребности, связанные с научно-технологическим и научно-техническим решением назревших социально-экономических проблем.

Конечно, существуют и другие предложения по дополнению или изменению данной классификации. Так ряд исследователей (в т.ч. Ю.Г. Климов) настаивают на обязательном включении в эту классификацию профессий системы «человек-знак». Главная особенность профессий в системе «человек - знак» - умственный труд, с помощью которого происходит создание и использование различных зрительных обозначений. Задачи, стоящие перед этими профессиями – освоение, воспроизведение, перевод знаково-символьной системы в доступную человеческому пониманию форму. Эти профессии имеют и обратную сторону – зашифровка данных для передачи их с помощью электронных носителей.

Но, на наш взгляд, такое выделение этих профессий в самостоятельный вид неточен даже исходя из того, что у всех профессий, связанных как с техникой и природой, так и с человеком используются эти критерии - формулы, схемы, числовые обозначения и т.д., причем достаточно разнообразно, что позволяет говорить об их большем различии, чем однородности.

В заключение, нужно сказать, что между этими классификациями существуют определенные взаимодействия. Они не отделены непреодолимыми границами. Более того, имеют вполне обоснованные взаимосвязи, которые могут обогащать и способствовать развитию друг друга.

Литература

- Горелов Н.А. Инновационный аспект развития экономики и ее кадрового обеспечения (на примере Санкт-Петербурга) // Креативная экономика. (№ 9 / 2015).
- Забродин Ю. М. Психодиагностика / Ю. М. Забродин, В. Э. Пахальян ; под общ. ред. Ю. М. Забродина. М.: Эксмо, 2010. 447 с.
- Забродин Ю. М. Психология личности и управление человеческими ресурсами. М.: Финстатинформ, 2002.
- Климов Е.А., Развивающийся человек в мире профессий, Обнинск, 1993.
- Мир профессий: Человек – техника / Сост. В.Е. Гаврилов. М., 1987. Поиск. 2021, 24 июня.
- Ползунова, Н.Н. Исследование систем управления (диагностика). М.: Академический проект. 2006. 234 с.
- Соловьева О. Россия сохраняет высокую зависимость от импорта // Независимая газета. 2021. 17 ноября.
- Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека : Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М: Издательская корпорация «Логос», 1996. 320 с.

Гуманитарные науки в новой реальности: философия образования и интеллигенция в XXI веке

А.А. Звонок

кандидат философских наук, доцент Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск)

Считается, что сегодня философия образования, являясь наукой, близкородственной общетеоретической педагогике, должна вырабатывать ответы на три ключевых вопроса: «чему учить?», «как учить?», «для чего учить?» На эти вопросы можно дать разные ответы, которые и продуцируются на основе использования знаний из областей собственно философии, а также психологии, педагогики и политики (реализующей определенную идеологию) [Сидоров, 2007: 7].

В последние годы в университетах, традиционно являющихся «кузницами» интеллигенции, эти три ключевых вопроса изменили смысл обучения: гуманитарные науки фактически «зачахли». Исследователи в целом негативно оценивают «революцию», которую произвели университеты в подходе к гуманитарным наукам. Условно ее называют «крипто-индустриальной»: «Внутри гуманитарных наук была создана система оценки знаний, близкая к производственным процессам в промышленности, нормам выработки и вообще конгениальная индустриальному массовому производству. В то время как модели мышления, которые возникли на основе индустриального производства, постепенно вытеснялись в более важных для общества и экономического роста областях, в сфере гуманитарных наук разные традиционные индустриальные показатели вроде количества статей в год, количества обслуженных студентов, процента студентов, нашедших работу в полезных областях как раз впервые в истории этих наук заняли самое видное и почетное место» [Россман, 2021].

Со времени своего зарождения в Средние века университеты решали две основные задачи: первая – обеспечение кадрами востребованных

для своего времени наук и вторая – воспитание духовной элиты общества (чем и занимаются гуманитарные науки). Сегодня вторая задача университетов фактически сведена «на нет». Исследователи подчеркивают неразрывную связь уровня развития гуманитарных наук и духовности: наблюдающаяся тенденция сокращения количества учебных часов общественно-гуманитарных наук в мировом масштабе и приоритет узкопрофессиональных дисциплин, что может привести к искаженной мировоззренческой системе (проблема узкой специализации). Как отмечает М.К. Трифонова, данная проблема характерна для всех уровней образования, «...современная школа не учит детей элементам общечеловеческой и национальной мудрости, т.е. самым простым, но фундаментальным понятиям и установкам. В итоге, ученик знает вроде очень многое, он знает формулу бензола, количество ножек у многоножек, но не знает самого главного в жизни, например, того, что всякое учение начинается с умения делать добро, что следует уважать старших и опекать младших, защищать и отстаивать свою честь, заботливо относиться к окружающей среде...» [Трифопова, 2012: 116]. Следует заметить, что, вопреки высказываниям критиков отечественного образования, данные проблемы присущи не только образовательным системам в постсоветских и развивающихся странах. Сходные тенденции в сфере западного образования еще в 1990-х годах упоминались Б. Ридингсом (в отношении университетов) [Ридингс, 2010] и А. Димиевым (в отношении общеобразовательных школ) [Димиев, 2008].

Исследователи подчеркивают двойственный характер данной проблемы. С одной стороны, каждое государство стремится сохранить культурно-национальную самобытность, формируя свою философию образования на основе собственных культурных традиций. С другой стороны, главным фактором модернизации высшего образования становится подготовка конкурентоспособных специалистов – внедрение инновационных технологий в образование [Шермухамедова, 2020]. При уходе от академизма получаем университеты в виде предпринимательских структур, отсюда классические академические дисциплины и исследования (в большинстве случаев фундаментального характера) со временем меняются «рыночно обусловленными направлениями деятельности, способными привлекать нужные ресурсы...» [Николаева, 2015: 108].

Как результат, страдает гуманитаристика, т.е. гуманитарные знания. Так, в университете Восточной Англии (2021) предложили отказаться от произведений знаменитого драматурга У. Шекспира. Теперь там будут рассказывать студентам, что английский – язык

колонизаторов. Университет обвинен в поддержке «патриархальных, гетеронормативных стандартов превосходства белых» [Harriet, 2021]. Когда мировая классическая литература заменяется на изучение подобного «расового и гендерного равенства», результат быстро скажется на культурном уровне эпохи.

Вывод, к которому приходят современные исследователи, неутешителен: «Высоко-конкурентная среда современных университетов глубоко чужда самой сути гуманитарных наук и является прямым антиподом философского или любого другого здорового гуманитарного мышления и образа жизни. Лучам солнца и духу вольности все сложнее проникать в казенную, замурованную и поросшую мхом среду гуманитарных факультетов. В результате философия и другие гуманитарные науки неизбежно чахнут и деградируют, оказываясь в зиндане корпоративного мышления и прочей индустриальной муштры» [Росман, 2021].

Иначе говоря, главной проблемой современного образования, особенно в высшей школе, является ситуация, когда университет выпускает (в лучшем случае) хороших узкопрофильных специалистов, являющихся профанами в большинстве сфер, не связанных с их профессиональной деятельностью. Высококласные инженеры и лабораторные ученые, не разбирающиеся в политике и геополитике и предпочитающие лечиться гомеопатией (и даже обращаться к гадалкам и экстрасенсам), в полной мере описывают данную проблему. Даже наличие в учебных планах таких дисциплин как «Философия», «Этика» или «Социология» не гарантирует того, что студент научится философствовать, познает разницу между добром и злом или поймет закономерности функционирования общества, ведь остается фундаментальная проблема понимания и осознания получаемого материала. Причина тому – типичная ограниченность и зарегулированность учебного курса, когда та же «Философия» для нефилософов на бакалавриате обычно представляет собой банальную историю философии, сопровождающуюся краткими биографиями известных философов и небольшими выжимками их идей (вместо, скажем, бесед со студентами в стиле сократических диалогов). Как заставить студента-не-историка не механически заучивать даты исторических событий для экзамена, а понимать историю во всей ее исторической целостности и взаимосвязи с социальными и политическими условиями, если учебной нагрузки едва хватает на обзор основных исторических событий?

Одной из лучших книг в истории философии до сих пор является «История западной философии» Б. Рассела, которую в равной

степени можно назвать не только философской, но и исторической и социологической: автор не просто рассказывает хронологию развития философских идей, но описывает состояние обществ, культуру и политические предпосылки, которые дали возможность зародиться той или иной философской идее [Рассел, 2001]. Разумеется, не-философы имеют крайне мало шансов ознакомиться с данной работой (хотя бы из-за ее громадного объема). Но именно междисциплинарное видение, умение рассматривать явления как целостные во всем богатстве их взаимосвязей, способность к познанию и самопознанию, понимание и осмысление национальных культурных традиций, а не навыки решать сложные математические задачи, делают образованного человека частью интеллигенции.

В дельфийском храме Аполлона находилась надпись неизвестного философа «Познай самого себя», которую избрал своим девизом Сократ, а другой древнегреческий философ Хилон эту же мысль развил так: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную». Этот завет, по мнению ученых, вероятно, можно считать самой первой версией антропологического принципа и именно эта установка знаменует фактическое начало собственно всей мировой философии. При этом духовную элиту невозможно воспитать без философского осмысления мировой и отечественной культуры. Так, философия образования занимает особое место в ряду направлений философского осмысления культуры. Для того, чтобы обучающийся мог выработать самостоятельную философско-мировоззренческую позицию и творчески реализовать ее в определенной сфере деятельности, он должен «ознакомиться с уже имеющимися соответствующими образцами и освоить концептуальные средства мировоззренческого самоопределения, выработанные предшествующим развитием философии» [Вишневский, 2020: 2412].

В каком-то смысле деятельность образования в попытке охватить «мир человеческого бытия» близка философии: образование связано с передачей новым поколениям людей накопленного культурного наследия и подготовкой их к активной работе по использованию и дальнейшему его развитию. Для решения данной задачи необходимо производить и постоянно совершенствовать упорядочение, систематизацию всего совокупного богатства культуры. Настоятельно нужно также осуществлять своеобразную адаптацию и уплотнение данного богатства, а также некоторую его дифференциацию с учетом особенностей различных уровней, профилей образования и ряда других, значимых для образования социальных и личностно-индивидуальных моментов [Вишневский, 2020: 2412]. Педагогику как науку об

образовании, с учетом особой социально-культурной значимости ее проблемного поля, исследователи справедливо называют, по примеру С.И. Гессена, прикладной философией. Ученые подчеркивают ведущее значение в современном образовании наполнения содержания знаний культурным, этическим, мировоззренческим смыслом преподаваемых дисциплин на всех уровнях образовательного пространства, чем занимаются в основном гуманитарные науки [Шермухамедова, 2020].

Поиски большинства людей направлены на насущные, материальные, а не на духовные ценности, обеспечивающие экзистенциальную целостность. И в то же время исследователи отмечают особенность русской философии, развивающей религиозные традиции, которая, опираясь на духовную диалектику, всегда базировалась на принципе единства и синтеза (а не борьбы) подобного, тождественного, сродственного. Таким образом, духовная диалектика выступает в качестве основания для формирования и развития традиции в России, как уникального способа гармонизации и социальной регуляции взаимоотношений личности и общества, государства и народа. «Духовность очевидным образом не сводится к культуре, поэтому возникает вопрос о соотношении данных понятий. Культура является лишь средством выражения духовности, ее проявления в общественной и личной жизни человека. В рамках традиции как сложного социального отношения, в котором духовность и социальность переплетены, выражение духовной составляющей посредством культуры выступает одновременно и средством преобразования, совершенствования социального содержания традиции» [Шабатура, 2010: 354].

Исследователь В.Ю. Бельский отмечает, что образование в своём подлинном понимании этого многогранного явления подразумевает единство опыта духовной, культурной и воспитательно-просветительской деятельности, смыслом и назначением которой является, во-первых, «воспроизводство устоявшихся идеологий, смысловой ориентации и оптимальных моделей социально одобряемого поведения человеческого индивидуума в обществе» (а «пустота» в духовно-идеологической сфере усиливает дезорганизацию государства и травмирующее воздействие на человеческий потенциал и социальный капитал, согласно Ж.Т. Тощенко: «если цели нет - любое образование становится бессмысленным» [Тощенко, 2019: 229]), во-вторых, осознанное освоение существующих базовых технологий жизни и удовлетворения разносторонних потребностей человека, «включая создание, производство, распределение и потребление любого вида духовных и материальных благ», и, в-третьих – «формирование

условий дальнейшего совершенствования и развития имеющегося в распоряжении человечества совокупного потенциала духовных и материальных ценностей». Другими словами, образование неразрывно связано с традициями как неисчерпаемыми, первозданными источниками не только всего того духовного и материального багажа, которых был накоплен предшествующими поколениями, но и той вековой мудрости предков, которая достигнута нашими предшественниками на тернистых путях человеческой истории и которая оставлена нам в наследство [Бельский, 2020: 24].

В итоге остается только согласиться с мнением исследователей: гуманитарные науки относятся к «высшим благам» (Генри Сиджвик), формирующим духовную элиту общества, отражающим вековую мудрость народа и его культуру, поэтому если уровень развития цивилизации зависит от технических наук, уровень развития духовной культуры зависит от гуманитарных наук, в частности, вся образовательная система зависит от выбранной обществом философии образования. Важнейшей необходимостью является соблюдение баланса между гуманитарными и техническими науками в образовании, т.к. в данный момент сохраняется перекос в области как гуманитарной, так и технической подготовки. Пока техноэлита, двигающая вперед технический прогресс, настроена на построение карьеры и достижение успеха, оставаясь слепой и глухой по отношению к глобальным проблемам современности и социума, представители гуманитарных наук подвержены другой напасти. Они вынуждены, по представлению Б.Г. Нагорного, довольствоваться ролью «Кассандры XXI века» (по аналогии с героиней из древнегреческой мифологии, чьи пророчества всегда сбывались, но им никогда не верили), иначе говоря, интуитивно чувствуя и понимая пути и тенденции, которыми идет современное общество, они выражают свои предчувствия в публикациях и на международных конгрессах, но никто к ним не прислушивается [Нагорный, 2009]. Возможно, освоив в достаточной мере точный язык цифр, трендов и гистограмм, им удастся достучаться до общественности (впрочем, многолетний опыт исследователей из области прикладной социологии заставляет сомневаться в этой возможности).

Литература:

- Бельский В.Ю. Модерн и традиции в современном образовании // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (II). Сборник научных статей. М.: М.: РФО – ИФРАН – МГУ; Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии», 2020.
- Вишневский М.И. Культуротворческий аспект философии образования // Там же.
- Димиев А. Классная Америка. Казань: Парадигма, 2008.
- Нагорный Б.Г. Нужна ли Кассандра в XXI веке? // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. №2.
- Николаева Е.М. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты // Ученые записки Казанского университета. 2015. Том 157. Кн. 1.
- Рассел Б. История западной философии. Санкт-Петербург: Азбука, 2001.
- Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ, 2010.
- Росман В. Атланты и кариатиды // Зеркало. 2021. №58.
- Сидоров Н.Р. Философия образования. Введение. СПб: Питер, 2007.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: «Весь мир», 2019.
- Трифопова М.К. Наука и образование в эпоху глобализации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. № 4.
- Шабатура Л.Н. Традиция в контексте национальной культуры // Традиционная и техногенная цивилизация: проблемы взаимодействия. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2010.
- Шермухамедова Н. Модернизации образования как фактор устойчивого развития // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (II). Сборник научных статей. М.: РФО – ИФРАН – МГУ; Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии», 2020.
- Harriet A. REVEALED: How «woke» English teachers have cancelled Shakespeare because of his «white supremacy, misogyny, racism and classism» - and are instead using his plays to lecture in «toxic masculinity and Marxism» // Dailymail.com. 2021. 16 February. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9263735/Woke-teachers-cut-Shakespeare-work-white-supremacy-colonization.html> (дата обращения: 30.01.2022).

Интеллигенция и некоторые проблемы национальных отношений

И. И. Осинский

доктор философских наук,
профессор кафедры философии Бурятского
государственного университета им. Д. Банзарова
(г. Улан-Удэ)

Понятие «национальные отношения» и «интеллигенция» находятся в тесной взаимосвязи. Субъектами национальных отношений являются нации, характеризующиеся определенной социальной структурой, одним из элементов которой является интеллигенция. То есть социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными духовно-нравственными качествами. В числе таких качеств – гражданственность, честность, справедливость, гуманизм, порядочность, долг и др. Интеллигенты – не только высококвалифицированные специалисты, но и духовно богатые, нравственно развитые люди.

По своему определению интеллигенция – это часть общества, которая призвана способствовать тесному межнациональному сотрудничеству, преодолению отчуждения, недружеского отношения к другим народам, их представителям. Её долг как более образованной части социума использовать свои знания во благо, крепить мир, добрососедские отношения между народами, формировать атмосферу доверия, уважения.

В условиях России это тем более важно, так как она многонациональная страна и её народы в рамках бывшего СССР накопили уникальный опыт тесного, поистине братского сотрудничества во всех областях общественной жизни.

В начале 90-х годов не только перестал существовать СССР, но и те отношения, которые сложились на протяжении многих десятилетий между его народами, их представителями.

По мере трансформации российского общества, все большей его капитализации значительная часть интеллигенции теряет качества интеллигентности, постепенно приобретает черты интеллектуалов.

Исследователи интеллигенции отмечают, что в России совершается переход интеллигентности к интеллектуализму. Обращают внимание на происходящие в этой социальной группе изменения.

«Интеллектуал утрачивает качество интеллигентности, не претендуя на духовное лидерство, хотя и весьма ценит свои достижения в избранной области деятельности. Он ценит их до такой степени, что возникают новые критерии оценки труда интеллектуала: на смену преданности организации, бескорыстному служению общему делу, поиску истины самой по себе приходит профессионализм, рациональность, мобильность, способность к инновациям, адаптивности. Интеллектуалы достигли значительных успехов в решении конкретных социальных целей – свободы и ответственности личности за своё благополучие, создание элементов социального партнерства, улучшения качества жизни и т.д. Однако эти успехи куплены ценой отказа от идеалов социальной справедливости, от религии и вкуса, и ещё от много чего. С помощью новейших технологий интеллектуалы сделали будущее осязаемым и мечты не стало» [Бараников, Матренина, 2002: 100].

Нельзя не согласиться с наблюдениями авторов. Произошедшие изменения – не случайность. За постсоветские 30 лет претерпели коренные изменения политическая, социально-экономическая и другие сферы общественной жизни. Иной стала социальная структура общества и власти. Общество перестало быть социально единым. В нем образовались группы с противоположными интересами.

Так, в 2012 г. согласно исследованиям Н.Е. Тихоновой по уровню жизни бедствующий слой/класс составлял 7% населения (включая 55 летних), малообеспеченные – 48%, среднеобеспеченные – 23%, обеспеченные – 19%, высокообеспеченные – 3% [Тихонова, 2014]. Произошла дифференциация и интеллигенции. Часть её представителей, прежде всего из среды управленческой интеллигенции, высшего чиновничества стали собственниками крупных средств производства, владельцами фирм, предприятий, управляющими (директорами) крупных акционерных компаний, государственных предприятий. Это обеспеченная и высокообеспеченная часть общества. Она является опорой власти в осуществлении её политики, в том числе в сфере национальных отношений. По мнению исследователей, преобладающая часть интеллигенции относится к среднеобеспеченному слою. Многие представители интеллигенции (учителя, медицинские работники, библиотекари, воспитатели детских дошкольных учреждений) – это малообеспеченная часть населения, а некоторые её представители – относятся к бедствующему слою.

О невысоком жизненном уровне интеллигенции свидетельствуют материалы социологических исследований, которые проводились в среде интеллигенции в Бурятии, Туве и Якутии в 2011 и в 2016 гг. [Научный..., № 2298].

В статье мы используем материалы по Туве за 2016 г. [Научный..., № 2298]. На вопрос анкеты «Испытываете ли Вы материальные затруднения?» были получены ответы: «денег до зарплаты не хватает» – тувинцы – 45,4%, русские – 17,4%, «на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднение» – тувинцы – 17,3%, русские – 26,1%, «денег в основном хватает, но для покупки дорогих вещей пользуюсь кредитом или беру в долг» – тувинцы – 30,8%, русские – 48,9%, «в настоящее время могу ни в чем себе не отказать» – тувинцы – 6,4%, русские – 7,6%. Опрос показал, что интеллигенция трудно приспосабливается к рыночным отношениям. На вопрос анкеты «Как вы считаете, удалось ли Вам приспособиться к новым социально-экономическим отношениям?» 41,5% ответили, что удалось, 52,8% – частично удалось и 5,6% – нет не удалось.

В российском обществе налицо социальный раскол, полюсами которого, с одной стороны являются олигархи, высшее, в большинстве своём, коррумпированное чиновничество, с другой – бедные, нищие, часто безработные слои.

Социальный раскол общества, как правило ведет к обострению межнациональных отношений как внутри страны, так и с другими государствами. Вряд ли устарело известное марксистское положение о том, что межнациональные антагонизмы являются следствием внутринациональных классовых антагонизмов, господства буржуазии.

Это положение как нельзя лучше подтверждает состояние межнациональных отношений России с народами других государств. Трудно назвать государство, нацию, с которыми были у нас дружеские отношения. СМИ то одну, то другую страну называют враждебными России, призывают к их завоеванию, а то и всех стран Запада в целом.

Требуют пристального внимания межнациональные отношения и внутри страны. Для подтверждения данного тезиса сошлемся на уже приводимые нами социологические исследования [Научный..., № 2298].

Так, на вопрос анкеты «Существуют ли, на Ваш взгляд, проблема межнациональных отношений в Туве?», представители интеллигенции этой республики ответили:

	Тувинцы	Русские
Да, существует и стоит очень остро	11,2	17,4
Да существует, но не относится к острым	53,2	62,0
Нет, не существует	23,7	9,8
Затрудняюсь ответить	11,9	10,9

Обострение межнациональных отношений чревато серьезными, нередко трагическими последствиями. Представителям старшего поколения интеллигенции Тувы очевидно памятна ситуация в республике в конце 80-х годов, где в результате межнационального конфликта были и раненые и убитые. И как следствие – выезд в 1990 г. за пределы Тувы более 11 тыс. (по некоторым данным значительно больше), в основном русских специалистов. По мнению исследователей (изучали эту проблему З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакиной, В. Дацышина, Ч.К. Лама-жаа, Н.П. Москаленко), основными причинами возникновения в Туве межнациональной напряженности, всплеска преступности являлись социально-экономическое положение людей, рост бедноты, нищеты, ошибки кадровой политики, коррупция и др. Как показали социологические исследования 2016 г. интеллигенция (респонденты) на вопрос «Что больше всего тревожит в современном тувинском обществе?» назвала следующие проблемы (в %) [Научный..., № 2298]:

	Тувинцы	Русские
Коррупция государственных чиновников	61,7	52,2
Рост преступности	50,2	45,7
Бедность, нищета	45,4	35,9
Потеря нравственных ориентиров в обществе	32,5	31,5
Развал сельского хозяйства	29,8	28,3
Неуважение к истории народа и другие	25,8	7,6

Иначе говоря, были названы факторы, которые, по мнению специалистов, вызвали межнациональную напряженность. К настоящему времени социально-экономическая ситуация в Туве улучшилась. Межнациональные отношения стабилизировались.

Сегодня особую тревогу вызывают межнациональные отношения

между представителями наиболее крупных народов, которые в недалеком прошлом составляли социальную основу СССР. Ведутся самые настоящие информационные войны со стороны различных СМИ, делаются далеко недружественные высказывания в адрес этих народов.

А какова позиция интеллигенции?

Знакомство с материалами СМИ, научными статьями привело нас к выводу, что лишь небольшая часть российской интеллигенции пытается разобраться в сложившейся ситуации в сфере межнациональных отношений. При этом, в своих размышлениях и выводах лишь единицы пытаются опираться на факты, проявляют принципиальность, мужество, честность в отстаивании правды, разоблачают ложь.

Однако, многие представители интеллигенции, если не преобладающая их часть, проявляют безразличие, пассивность к тем событиям, которые происходят в сфере межнациональных отношений. Видимо, это и есть проявление интеллектуализма.

Литература:

Баранников В., Матренина Л. От интеллигенции к интеллектуалу // Жизненные стили и социальные практики интеллигенции. М.: РГГУ. 2002.

Научный архив ТИГИ: Эмпирическая часть социологических исследований. Серия исследований, проведённых Ч.М.-Х. Тензин и др. в 2011 и 2016 г.г. Материалы исследования, в том числе анкеты, в количестве 392 экземпляра, хранятся в Научном архиве Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ, Кызыл). Дело № 2298.

Осинский И.И., Бояк Т.Н., Добрынина М.И. Народонаселение Бурятии на рубеже XX-XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Госуниверситета. 2019.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теория и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН. 2014.

П.Б. Струве о государстве и культуре: взгляд представителя интеллигенции XX века

А.В. Сафронов

директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Культурно-досуговое объединение» (г. Тула),
соискатель Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

П.Б. Струве – видный представитель интеллигенции рубежа XIX–XX вв. – явил собой яркий пример непрекращающегося поиска идей и личной активной деятельности во благо России. Автор открытого письма самодержавному императору Николаю II, назвавшему предложение земских deputаций об обсуждении перспектив конституционной монархии «бессмысленными мечтаниями», вступил в 1895 г. на путь борьбы за право быть услышанным и реализовать потенциал Российского государства в созидательных целях. Спустя сто с лишним лет после тех событий фигура экономиста, философа, государственного и политического деятеля П.Б. Струве вновь привлекает к себе наше пристальное внимание благодаря циклически повторяющимся событиям в жизни общества, благодаря схожести социально-политических обстоятельств и ситуации в мировой политике. Сегодня в нашей стране, как и в начале XX в., мы наблюдаем значительное и поступательно усиливающееся имущественное расслоение среди населения, многолетнее нахождение у власти представителей одной политической элиты и затянувшуюся напряженность в дипломатических отношениях, а милитаристская риторика «большой войны» становится привычным фактом. В связи с этими вызовами интеллигенции сегодняшнего дня необходимо вырабатывать и предлагать свои решения, а также стремиться доносить их до широкой общественности.

Мы полагаем, что одним из главных вызовов для цивилизационного пути развития страны является невысокая динамика формирования гражданской культуры ее социума. Под гражданской культурой мы понимаем комплекс знаний, ценностей, норм и установок, усваиваемый личностью в процессе социализации при условии свободного доступа

к получению и трансляции социально значимой информации, обуславливающей поведение гражданина как субъекта гражданского общества в целом и местного самоуправления, в частности, а также определяющий способы взаимодействия между членами гражданского общества в целях эффективного функционирования демократических институтов и базирующийся, в свою очередь, на историческом опыте государства–нации. Примечательно, что П.Б. Струве озаглавил свой труд «Отрывки о государстве», который был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1908 г. В этой работе философ уделяет особое внимание таким понятиям как «государство», «культура», «индивидуализм», «нация».

Автор полагает, что государство создано, чтобы быть могущественным, приводя в пример Японию, которая победила в войне Россию, понеся огромные человеческие потери: «Могущество японского государства от этого в огромной степени выросло. И это факт. Люди погибли, но флаг взвился» [Струве, 1997: 64]. Вместе с тем такому мощному и мистическому государству П.Б. Струве противопоставляет нацию, говоря, что «нация есть, прежде всего, культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации, поскольку оно есть культурная сила... можно ненавидеть свое государство, но нельзя ненавидеть свою нацию. Североамериканские поселенцы, восстав против митрополии, перестали быть англичанами в смысле *british subjects*, но не перестали быть англичанами в смысле *англосаксов*» [Струве, 1997: 64].

Анализируя эти слова, мы полагаем, что оптимальный результат – это, все же, симбиоз государства и нации, где первое выступает институциональным организатором национального спокойствия и силы. В настоящее время мы являемся свидетелями определенного кризиса гражданской солидарности относительно происходящих в стране событий, что, несомненно, является разобщающим фактором для сплоченной нации. По сведениям Левада-центра, 48% опрошенных считают, что Россия идет по правильному пути и 43% – по неправильному [Оценка текущего..., 2022]. Треть опрошенных считает возможным свое участие в акциях протеста с экономическими и политическими требованиями [Потенциал протеста..., 2022], а число считающих вероятными гражданские протесты в 2022 г. составляет 46% [2022 год: потенциал..., 2022]. В чем причина такой негативной динамики? Этому способствуют, на наш взгляд, несколько причин. Во-первых, это экономические причины, препятствующие благосостоянию населения: невысокая производительность труда, являющаяся самой низкой по сравнению со странами Евросоюза и США. Эта ситуация не позволяет экономике государства динамично развиваться, а благосостоянию

россиян расти. По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые сопоставили размер годового ВВП страны со временем, затраченным россиянами на производство в год: за человеко-час в России (данные за 2020 год) производится продукта на \$27,7, что меньше, чем в Греции (\$34,3), Латвии (\$38,8), Венгрии (\$39,3) и Португалии (\$40,0) [Level of GDP..., 2020]. Во-вторых, это проблемы высшего образования, которые не позволяют формировать эффективный человеческий капитал, способный к прорывам во всех сферах общественной жизни. Мы проанализировали данные об индексе образования, которые были представлены в Докладе о человеческом развитии – 2020 (Human Development Report 2020), подготовленном ООН. Индекс образования / Education Index — это комбинированный показатель, который характеризует уровень образованности граждан в разных странах мира. Он является одним из ключевых показателей благосостояния и качества жизни и используется ООН для расчета Индекса человеческого развития (Human Development Index). Согласно данному рейтингу Россия занимает 39 место, опережая Венгрию, Францию, Хорватию, Португалию, Люксембург, Болгарию, Румынию, Черногорию, Италию, Сербию и Украину [Рейтинг стран..., 2020]. При этом прямой корреляции между индексом образования и уровнем экономического благополучия государства нет. Это лишь один из индикаторов, отражающих развитие страны.

Теперь вновь возвратимся к статье С.Б. Струве «Отрывки о государстве». Немаловажную роль автор уделит культуре: «В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния. Это было ясно еще в классической древности, где эллинизм было широкой национальной идеей, не умещавшейся в государственные рамки. С успехами в мышлении и красноречии Исократ связывал самую идею эллинской культуры: «Эллинами называются скорее те, кто участвуют в нашей культуре, чем те, кто имеют общее с нами происхождение»... Ценность и сила нации есть ценность и сила ее культуры, измеряемая тем, что можно назвать культурным творчеством... В нации, которая есть лишь особое, единственное выражение культуры, нет того жесткого начала принуждения, которое неотъемлемо от государства. Ибо культура и по своей идее, и в своих высших реальных воплощениях означает всегда духовные силы человечества в их свободном росте и объединении» [Струве, 1997: 67]. Очевидно, что П.Б. Струве под культурой имеет в виду именно культуру гражданина, говоря о «чаяниях», национальной идентичности и национальной идее эллинов, а также мягкой силе, в

отличие от государства.

Поэтому третьей причиной разобщенности современного российского общества мы укажем одну из составляющих гражданской культуры - политическую активность наших граждан. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2021 г. представил данные мониторингового опроса о социальной активности россиян. На их основании можно заключить, что мы можем наблюдать самую высокую за 17 лет (с 2004 г.) активность в коллективном благоустройстве подъездов, домов и т.д. (24%); волонтерстве (20%), написании петиций и обращений (8%) и самую низкую в участии в выборах органов власти (22%). Основными причинами нежелания проявлять социальную активность в 2021 г. стали отсутствие времени (28%), мнение, что политикой должны заниматься профессионалы (20%) и доверие президенту (19%), «он сам решит все проблемы в стране» (19%) [Социальная..., 2021].

Безусловно - это позитивный сигнал, что растет гражданская консолидация населения, но при этом очевидна проблема недоверия институту выборов. Значит можно предположить, что решения, принимаемые законодательными органами власти: распределение бюджетов, одобрение состава администраций и правительств разных уровней и прочая деятельность, являются фактически нелегитимными, т.е. не представляющими волю большинства. Это весьма серьезная проблема индифферентности общества, свидетельствующая о невысоком уровне гражданской культуры, которой нужно уделить самое пристальное внимание. Важно, что речь идет не только о политической пассивности, но и в целом о любой другой социальной: 45% опрошенных, т.е. большинство, не участвовали ни в каких видах общественной деятельности [Социальная..., 2021].

Здесь следует обратить внимание на заключительную составляющую работы П.Б. Струве «Отрывки о государстве», которую он словно ставит превыше остальных - индивидуализм граждан: «Индивидуализм, который в центре всего ставит личность, ее потребности, ее интерес, ее идеал, ее содержание, есть, как религия, самая трудная, самая малодоступная, самая аристократическая, самая исключительная религия... Индивидуализм, как религия, учит бесконечному достоинству или ценности человеческой личности, но для того, чтобы эту личность провозгласить мерилем всего, или высшей ценностью, для этого необходимо ей поставить высочайшую задачу. Она должна вобрать в себя возможно больше ценного содержания, возможно больше мудрости и красоты» [Струве, 1997: 68]. Понятно, что философ указывал на ценность индивидуализма, как основу для

развития общественных отношений, конкуренции и, в конечном итоге, государства. Достаточно привести в пример протестантизм, основанный именно на индивидуализме, явившийся двигателем позитивных перемен в Европе и США. Является ли индивидуализм одной из ценностей российских граждан? Оказывается, нет. В ходе исследования «Трансформация настроений россиян на фоне кризиса 2020 г.», подготовленном Центром стратегических разработок (ЦСР) и АНО «Национальные приоритеты» выяснилось, что лидирующими ценностями являются самоуважение, свобода, диалог, эмпатия и сотрудничество. Эти ценности присущи более 85% россиян. Такие ценности, как патриотизм, социальная мобильность, инновационность и контроль стали пограничными - почти для каждого третьего россиянина они не близки. Ценности, которые сегодня наименее присущи россиянам - это индивидуализм, конкуренция, сильная вертикаль власти [ЦСР узнал..., 2020].

Полученные нами сведения свидетельствуют о том, что ключевые для рыночного и социального поведения навыки: готовность к конкуренции и индивидуализм нашими гражданами в большинстве своем отрицаются. Этот факт вкупе с непопулярностью ценностей социальной мобильности и инновационности внушает опасение относительно темпов развития как экономики, так и гражданской культуры. Ситуация усугубляется новациями Правительства РФ. Министерство культуры России в январе 2022 г. опубликовало проект указа Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В тексте документа говорится, что «К числу традиционных ценностей относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Проект указа..., 2022]. Мы можем заключить, что, во-первых, этот документ является попыткой разработки государственной идеологии, тем более, что исходит именно от властного института. Во-вторых, становится очевидно, что к традиционным ценностям конкуренция, индивидуализм, социальная мобильность не отнесены, а скорее наоборот они порицаются: «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан России ведёт к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивной

идеологии), включающей в себя культ эгоизма, вседозволенности, безнравственности...Реформы в области образования, науки, культуры и информационной деятельности, проводимые без учёта национальных традиций и накопленного российским обществом опыта, затрудняют передачу традиционных ценностей от поколения к поколению, облегчают распространение деструктивной идеологии» [Проект Указа..., 2022]. Вполне объяснимо, что индивидуализм, конкуренция и социальная мобильность не относятся к традиционным ценностям россиян. Говоря об индивидуализме, П.Б. Струве, как представитель интеллигенции, являл этим результат интеллектуального поиска в мыслях о будущем России. И сегодня данная стартовая позиция повторяется и концепция мыслителя вновь актуальна. Очевидно, что традиции и опыт – неотъемлемая составляющая гражданской культуры, но лишь одна из целого комплекса. Тенденции к очередному историческому витку охранения традиционных ценностей как всегда могут повлечь за собой замедление исследовательской научной работы, политического и иного дискурса, преследование инакомыслия на «законных основаниях». Это создаст риск для стагнации всех сфер жизни российского социума и не предоставит необходимых конкурентных преимуществ на международной арене. Аналогичную проблему сужения пространства дискуссии и формирования «неполноценной демократии» или «медийного деспотизма» констатирует Н.М. Великая в статье «Интеллигенция России в дихотомии «власть — оппозиция» в исторической ретроспективе»: «Преодолеть негативные и ригидные проявления массовой политической культуры возможно только за счет более активного включения граждан в политический процесс на всех уровнях, за счет обеспечения прозрачности избирательного процесса и процесса принятия политических решений, в том числе, за счет активизации деятельности политических партий, общественных организаций, органов местного и территориального общественного самоуправления, где роль интеллектуалов трудно переоценить» [Судьбы..., 2019].

Подводя итог нами сказанному, заключим, что П.Б. Струве демонстрирует нам две основные идеи: первая – исключительная важность таких составляющих, как самодеятельность народа, свободный труд, культурные традиции, правосознание, вторая – важность формирования этих проявлений в рамках государства-нации. То есть, в первом случае мы видим ценности гражданской культуры, во втором – необходимое условие ее эффективной трансляции. Современные условия развития российского государства и общества не позволяют активно реализовывать актуальные сегодняшней повестке

идеи П.Б. Струве, но у национальной интеллигенции существует задача по преодолению негативных факторов, препятствующих развитию всесторонне развитой личности российского гражданина.

Литература:

2022 год: потенциал кризисных событий. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/17/2022-god-potentsial-krizisnyh-sobytij/> (дата обращения: 25.01.2022).

Оценка текущего положения дел в стране. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 25.01.2022).

Потенциал протеста. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 25.01.2022).

Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967> (дата обращения: 27.01.2022).

Рейтинг стран мира по индексу уровня образования URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 27.01.2022).

Социальная и политическая активность россиян: мониторинг URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 28.01.2022).

Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова; Вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. М.: Республика, 1997. 527 с.

Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019. 455 с.

ЦСП узнал о жизненных ценностях россиян и ожиданиях от национальных целей. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/tssr-uznal-o-zhiznennykh-tsennostyakh-rossiyan-i-ozhidaniyakh-ot-natsionalnykh-tseley/> (дата обращения: 25.01.2022).

Level of GDP per capita and productivity URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDB_LV (дата обращения: 25.01.2022).

Идеи инновационного развития экономики в работах В.Н. Тенишева

А.С. Сидорова

старший преподаватель

Смоленского государственного университета (г. Смоленск)

Современная инновационная экономика России подвергается постоянным изменениям под влиянием санкционной политики зарубежных стран. В связи с этим наиболее популярной парадигмой экономических трансформаций становится модернизационная. Данная теория была достаточно популярной в России конца XIX в., когда произошел отказ от экономики, основанной на крепостном праве, начало развиваться предпринимательство, на отечественном рынке появилась свободная конкуренция.

Несмотря на то, что понятие «инновация» было введено в экономическую науку только в начале XX в., модернизационная парадигма XIX в. подразумевала инновационные изменения во всех сферах жизнедеятельности общества, включающие процессы структурной социальной дифференциации, урбанизации, бюрократизации, формирования новой нормативно-ценностной системы, трансформации мотивационных механизмов управления предприятиями.

Значительный вклад в развитие модернизационной парадигмы внесли представители российской интеллигенции XIX в., среди которых можно выделить В.Н. Тенишева.

Основной теоретической идеей и эмпирических исследований В.Н. Тенишева в сфере инновационной экономики можно считать его предпринимательскую деятельность. В пореформенной России широкое распространение получило развитие рельсопрокатной промышленности. Заработав первоначальный капитал на железнодорожных подрядах, В.Н. Тенишев вложил деньги в Акционерное Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. В конце 1873 г. был построен Брянский рельсопрокатный завод, директором которого стал В.Н. Тенишев. Основной целью деятельности

завода являлась выплавка чугуна, выделка железа и стали, изготовление различных машин, приборов и деталей в области железнодорожного строительства. Предприниматель постоянно следил за инновациями зарубежной и российской промышленности и мог спрогнозировать необходимость производства того или иного товара. Например, как только появились первые сообщения по поводу перехода железных дорог на стальные рельсы, Брянскому заводу тут же удалось оформить правительственный заказ на 1800 тыс. пудов таких рельс [Каныгина, 2007: 41]. К 1880 г. Брянский завод стал одним из самых крупных промышленных предприятий пореформенной России. Несмотря на существующий в то время кризис российской экономики, на заводе наблюдался устойчивый рост доходов, которые, в первую очередь, были связаны с расширением номенклатуры выпускаемых изделий: листовых котлов, листовой стали для кораблей и мостов, огнеупорного кирпича, переносных рельсов.

К концу XIX в. в России активно развивалась такая отрасль промышленности как электротехника. В.Н. Тенишев вкладывает в данную отрасль средства и уже в 1892 г. представляет изделия своего петербургского Электротехнического завода на IV электротехнической выставке, где презентуются новейшие электротехнические разработки: телеграфные аппараты, приборы для электрического освещения, сигнальные аппараты для железных дорог, пожарная сигнализация, аккумуляторы и т.д. Помимо Брянского, Путиловского и Электротехнического заводов, В.Н. Тенишев осуществлял руководство двумя лесопильными и несколькими коневодческими заводами.

Успех В.Н. Тенишева в сфере предпринимательства связан с его целеустремленностью, предприимчивостью, интересом к инновациям, способностью предвидеть события будущего развития экономики и техники. Предприниматель был одним из первых деятелей, кто поверил в будущее автомобилей и спонсировал создание в Петербурге первого предприятия по постройке самодвижущихся машин.

Несмотря на благоприятные условия развития промышленности конца XIX в., В.Н. Тенишев не мог заниматься только предпринимательской деятельностью. В 1900 г. он был назначен императором Николаем II главным комиссаром Русского отдела на всемирной выставке в Париже. По инициативе В.Н. Тенишева, вырученные от продажи части экспонатов деньги были переданы в Дом призрения бедных детей.

Помимо предпринимательской деятельности и руководства хозяйственными выставками, В.Н. Тенишев разрабатывал социологические теоретические концепции экономической жизни общества. Социологу принадлежит разработка теории потребностей,

которая во многих аспектах предвосхитила некоторые последующие теории Б. Малиновского и А. Маслоу. В.Н. Тенишев разделит потребности человека на три группы: 1) потребности организма; 2) потребности полового сближения, развития потомства и образования семьи; 3) потребности, вызываемые жизнью в обществе [Тенишев, 1897: 11]. Потребности личности и общества являются основой любой деятельности, в частности, инновационной, поэтому выступают в качестве движущей силы поиска путей их удовлетворения через развитие экономики.

По мнению В.Н. Тенишева, общество влияет на характер потребностей личности через разделение труда. Имеется в виду, что каждый индивид или каждая социальная группа выполняет определенную долю социальных потребностей, в других случаях пользуется трудом других индивидов или социальных групп. Таким образом в обществе постоянно осуществляется обмен, связанный с осуществлением потребностей. При этом человек приобретает жизненный опыт, которым может делиться с членами семьи.

В.Н. Тенишев считал, что в более развитому обществу соответствует более сложное разделение труда. В примитивных обществах разделение труда связано только с добыванием пищи и обеспечением безопасности, т. е. первичными потребностями, свойственными и животным. Однако В.Н. Тенишев указывал на то, что и развитым обществам присущи некоторые сходства с жизнью животных. Например, в любом обществе существуют люди-паразиты, которые не занимаются трудовой деятельностью, а лишь пользуются результатами труда других. К таким людям относятся, например, воры и мошенники, которые осуществляют свои потребности преимущественно в ночное время суток, а днем скрываются от преследования правоохранительных органов [Тенишев, 1889: 37-39]. В качестве еще одного яркого сходства хозяйственной деятельности, свойственной как животным, так и человеку, В.Н. Тенишев выделял склонность к накопительству. Животные запасаются пищей на зиму. Люди тоже делают заготовки продуктов питания, и кроме того, стремятся накопить большую сумму денежных средств, что позволяет им не только обеспечить себе благоприятные условия жизни, но и, говоря современным языком, создать бизнес. Таким образом, теория потребностей В.Н. Тенишева тесно связана с идеей инновационной экономики. Изменение потребностей общества приводит к развитию сферы хозяйственно-производственной деятельности через внедрение новых технологий.

Теория потребностей В.Н. Тенишева легла в основу программ сбора этнографических сведений, направленных на исследование

особенностей жизнедеятельности крестьян, городских жителей и чиновников. Создавая программы, социолог опирался на аналогичный опыт, уже имевшийся в русской этнографической литературе. Однако следует отметить, что содержательная сторона его программ была несколько иной. В. Н. Тенишев главное внимание уделил не описанию народных обычаев, обрядов, а социально-экономической жизни указанных социальных групп, стараясь выяснить «потребности жизни человека», «потребности положения, занимаемого индивидом в обществе».

К сожалению, Этнографическим бюро В.Н. Тенишева было проведено исследование только одного социального класса – крестьянства. Основой исследования послужила «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России». В программе содержались вопросы об экономических условиях жизни, имущественных отношениях, общинном владении, аренде, отношениях купли-продажи, экономических функциях семьи, этике труда и др.

Экономические условия жизни крестьян включали такие аспекты, как близость рабочих мест к месту жительства, особенности хозяйственной деятельности на земле. Более широкий спектр проблем имел раздел программы об имущественных отношениях, общинном владении и аренде. Здесь акцентировалось внимание на способах приобретения собственности, правах на недвижимую собственность при ее выделении из общественной собственности, использовании природных ресурсов, распределении земли между крестьянами; на особенностях крестьянских артелей, условиях заключения и расторжения договоров, займов и оплаты долгов, особенностях найма для сельскохозяйственных работ, дарении. Товарно-денежные отношения исследовались с помощью вопросов об особенностях заключения договоров купли-продажи, приобретении крестьянских наделов, цене, обмене товара, отношении к перекупщикам, условной продаже, функционировании ярмарок и базаров, перевозке товара, отношениях с крупными землевладельцами.

В.Н. Тенишев также обращал внимание на важность изучения имущественных отношений в семье, а именно: распределение собственности между членами семьи, возможность наличия у одного или нескольких членов семьи индивидуальной собственности, распределение доходов между членами семьи, экономические права женщин, обязательства по уплате долгов родственникам, причины лишения имущества, материальное обеспечение нетрудоспособного родственника или родственника, который проходил службу в армии, право наследования. Экономическое положение крестьянской семьи

предполагалось изучать также посредством выяснения того, богатеет ли она или беднеет в течение последнего времени, и если богатеет, то каковы основные источники дохода: наследство, заработок, удачная женитьба или замужество. В.Н. Тенишев связывал уровень жизни населения с его революционными настроениями, которые возникали, в том числе, и в результате неравного распределения материальных средств между различными социальными классами. Крестьянство же в пореформенной России составляло большинство.

В результате анализа документов, опроса крестьян и наблюдения за их жизнью Этнографическим бюро были получены следующие данные. Большинство крестьян живут бедно, часто не хватает продуктов питания для полноценной жизни. Основными видами хозяйственной деятельности является хлебопашество, скотоводство, огородничество и отхожие промыслы, реже – торговля, работа на фабриках, различные ремесла. Право собственности среди крестьян устанавливается по следующему правилу: если нельзя установить, кому найденная собственность принадлежит, то ее считают своей. Часто выявляются случаи незаконного владения землей. Споры о собственности решаются в суде.

Крестьянские артели образуются чаще всего с целью покоса или рубки леса, реже – для заработков на рудниках и торфяных болотах. Женщины объединяются для работ в поле (сенокос, уборка картофеля, вязание снопов ржи и т.д.). Договоры носят преимущественно устный характер, поэтому нередко возникают споры по разделу результатов труда. Споры решаются на артельном сходе. Нарушившие договор артельщики подвергаются штрафу или увольнению.

Продавать землю имеют право только те крестьяне, в собственности которых она имеется, но таких крестьян очень мало. Поэтому среди данного социального класса широко распространена аренда земельных участков. При этом договор аренды заключается в устной форме. Любой мелкий товар можно купить на базаре или ярмарке. Цена на товар не регулируется и является личным делом продавца.

Корреспондентами Этнографического бюро отмечался следующий факт: несмотря на то, что основной хозяйственной деятельностью крестьян является огородничество, хлебопашество и скотоводство, все большее их число уезжает в город на заработки в качестве каменщиков, штукатуров, плотников, прислуги. При этом многие крестьяне совмещают работу в городе с работой на земле, то есть во время отсутствия сельскохозяйственных работ уезжают на заработки в город, а в период сенокоса или сбора урожая возвращаются в деревню. Что касается имущественных отношений в крестьянской семье, им

всегда распоряжается большак. Члены семьи могут иметь личную собственность: одежду, приданое или наследство.

В этикету наиболее сильно проявляются этические и социальные нормы поведения крестьян. Сюда можно отнести внутрисемейную трудовую этику, традиционные формы поведения в артели, внутриобщинные принципы поведения во время сельскохозяйственных работ. Принципы распределения трудовых обязанностей в крестьянской семье связаны не только с целесообразностью ведения хозяйства, но и со спецификой ее структуры. Нормы трудового поведения зависят от того, сколько членов в семье, какова ее половозрастная структура. Функции каждого члена крестьянской семьи, как правило, традиционны, определяются исторически устоявшимся трудовым ритмом, включающим соотношение сезонных работ, режим дня, согласованность трудового процесса и т.п.

Ключевой особенностью трудовой крестьянской этики является преемственность поколений, касающаяся знания сроков и характера сельскохозяйственных работ в зависимости от климата, особенностей выращиваемых культур, навыков и приемов обработки полей и ухода за животными. Однако в пореформенной России преемственность поколений несколько теряет свою актуальность: еще существует связь с землей, но уже интенсивно развивается промышленность, где опыт старшего поколения уже значим не так, как раньше. В связи с этим возникает проблема влияния социально-экономического развития государства на нормы поведения крестьян, взаимодействия устоявшихся традиций и инноваций.

Степень владения трудовыми навыками является необходимым условием хорошей репутации крестьянина. Участвуя в общих сельскохозяйственных работах, он мог проявить свои индивидуальные способности: сообразительность, силу, ловкость, скорость выполнения работы и т.д. Репутация, полученная в результате трудовой деятельности, являлась аргументом при решении споров и конфликтов, выборе супруга и др. Особое место в структуре крестьянской этики труда занимают помочи, представляющие собой совместный труд людей, которые приглашены большаком для выполнения той или иной работы. Практика подобной помощи существует в некоторых населенных пунктах и сегодня, например, сбор урожая картофеля, сенокос и т.п.

Таким образом, данные исследования экономической жизни крестьян рубежа XIX-XX вв. показали, что развивающиеся в данный период времени капиталистические отношения повлияли на хозяйственные основы, быт, обычаи и традиции крестьян. Новые условия

жизни пореформенной деревни подорвали авторитет главы семьи, в результате чего распространилась практика семейных разделов. Кроме того, стремительно развивались товарно-денежные отношения и индивидуальная собственность.

Подводя итог, можно отметить, что представленные в работах В.Н. Тенишева идеи инновационного развития экономики в большей степени содержат социальный аспект. По мнению социолога, экономические инновации носят дуалистический характер. С одной стороны, они являются причиной негативных настроений общества, которое сопротивляется изменениям. С другой – развитие экономики невозможно без постоянной инновационной деятельности. Поэтому научному сообществу необходимо проводить систематические исследования социальных потребностей, которые могут помочь определить дальнейший вектор экономического развития государства. В настоящее время эта идея представляется актуальной по причине того, что развитие России во многом зависит от инвестиций в инновации и инновационное предпринимательство. Приспособление экономических инноваций к потребностям населения становится основным инструментом повышения качества жизни и развития национальной экономики. В основу метода выявления потребностей граждан может быть взята разработанная В.Н. Тенишевым программа социологического исследования, адаптированная к современным условиям развития общества.

Литература:

- Каныгина В. Князь В.Н. Тенишев – предприниматель // Новый Смоленск. 2007. №7.
Тенишев В.Н. Деятельность человека. СПб: Типография А.С. Суворина, 1897. 199 с.
Тенишев В.Н. Деятельность животных. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 238 с.

Будущее России в представлениях экспертного сообщества

Г.В. Тартыгашева

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета
(г. Москва)

Образ будущего, попытки сконструировать и предсказать возможные тенденции развития общества становятся особенно актуальными в периоды кризиса, турбулентности, неопределенности. Нарративы «кризиса» и «переходного состояния», также, как и глобальный дискурс, охватывающий все слои населения, на тему: «Куда идти России?» стали привычными составляющими российской действительности. Ощущение того, что Россия находится в точке бифуркации, и у интеллигенции, и у населения наблюдается весь постсоветский период развития. С 2022 г. в России начался новый этап развития политической ситуации, связанный с фундаментальными изменениями, затрагивающими большинство сфер общественной жизни. В периоды высокой неопределенности важность диагностирования ситуации и прогнозирования вероятных изменений возрастает многократно. Этот условный «образ будущего» позволяет оценить имеющиеся риски общественного развития, выявить доминирующие страхи общественного сознания. Исследования будущего всегда обращены к настоящему, к оценке исходной ситуации в стране: наиболее важных противоречий развития, внутренних и внешних вызовов, угроз и т.д. для того, чтобы оценить не только нормативные, но вероятностные сценарии развития российского общества.

Проблема выбора методологии для построения прогнозов, особенно на долгосрочную перспективу, далека от решения, поскольку адекватные прогнозы, основанные на линейной экстраполяции эмпирических данных, могут предсказывать будущее лишь на ограниченном отрезке времени, а в России не сбываются прогнозы даже на ближайший период. «За последние 13 лет чиновники разработали минимум четыре долгосрочных прогноза с ожиданиями высоких темпов

роста экономики, доходов населения и предсказуемой инфляции. Почти все заложенные в документах показатели так и не стали реальностью» [Виноградова, 2021]. Актуальная парадигма прогнозирования будущего в настоящее время основывается на идее, что посредством качественных исследований могут быть получены достаточно объективные прогнозы будущего. Высокую прогностическую ценность для изучения будущего имеют мнения компетентных специалистов, чья деятельность сопряжена с изучением, освещением социокультурных и социополитических угроз и рисков, поскольку их мнения являются результатом сравнительного анализа актуальных тенденций в социально-экономической, политической и культурной сферах России и других государств. В содержательном отношении оценки экспертов в значительной мере основываются на личном опыте работы в сферах, формирующих «образ будущего» в общественном сознании.

В статье приведены результаты экспертных опросов социологических исследований 2019 и 2021 гг. «Мониторинг общественного мнения населения относительно актуальных социокультурных угроз», «Образ будущего России», проведенных Центром социологических исследований РГГУ по сходной методике, где анализируется общественное мнение экспертов о возможном будущем России¹. Экспертное сообщество представляли 3 группы респондентов: первая группа – действующие представители государственных организаций и учреждений, занимающихся разработкой норм и/или реализацией мероприятий, направленных на предотвращение разного рода социальных угроз и рисков; вторая группа – представители научного сообщества, общественных организаций, некоммерческого сектора, осуществляющие деятельность, направленную на выявление и профилактику социокультурных и социополитических угроз и рисков; третья группа – представители журналистского сообщества, занимающиеся освещением проблем, связанных с изучаемой темой. Большинство из опрошенных экспертов являются лидерами общественного мнения в своих регионах, спикерами, формирующими актуальную информационную повестку.

Предсказанием будущего России занялись и представители научной, творческой интеллигенции. Так, в книге «Россия 2050: Утопии и прогнозы», объединены усилия ученых, писателей, архитекторов, 1 Экспертные интервью проводилось с представителями экспертного сообщества из разных регионов РФ. Численность респондентов – 36 человек в первой волне и 12 во второй волне, совокупность обследуемых индивидов рассматривается как однородная. Отбор экспертов осуществлялся методом «снежного кома» с учетом ряда социально-профессиональных критериев: профиль деятельности (включенность в процессы разработки и принятия решений, информационная подготовка и освещение принятых решений и стратегий развития страны, региона); самооценка экспертов.

художников, которые с помощью научных, интуитивных методов, попытались вообразить, спроектировать и предсказать будущее России через 30 лет [Россия..., 2021]. Безусловный исследовательский интерес представляют результаты экспертного опроса, проведенного Институтом социологии РАН совместно с Исследовательской группой ЦИРКОН в 2015 г. на тему: ««Российское общество – 2020: экспертный образ будущего», с точки зрения сбывшихся ожиданий, сравнения результатов и оценки прогностических возможностей экспертов.

Теоретико-методологической основой исследования стала концепция образа будущего известного голландского исследователя Ф. Поллака. Он первым попытался определить роль «образа будущего» в сложных социальных процессах. В своем исследовании «Будущее истории», он обосновывает объективность и необходимость оценки исходной ситуации, т.е. настоящего для формирования образа будущего, влияние настоящего на позитивный или негативный образ будущего и роль интеллигенции (творческого меньшинства) в создании образа будущего.

В частности, в рамках концепции Поллака, начальной точкой любого образа, и образа будущего в том числе, выступает образ-восприятие - это след, который остается от столкновения наших фантазий и восприятия реальности. И оптимизм, и пессимизм, по Поллаку, могут иметь отношение как к настоящему состоянию общества, так и к его будущему, поэтому он различает два вида каждого из этих настроений. Самый негативный образ будущего вырастает из сочетания пессимизма по отношению к настоящему положению общества (*essence-optimism*) и пессимизма по отношению к возможности влияния на это положение (*influence-pessimism*) [Желтикова, 2013].

По Поллаку, главную роль в создании образа будущего играют творчески одаренные люди, специализация которых формируется в связи с велением времени. По сути, это интеллигенция, это могут быть мистики или пророки, религиозные деятели, философы или ученые, одаренные публицисты, это бывают люди чистого искусства: поэты, писатели, художники. «Образы будущего аристократического происхождения, их авторы принадлежат к творческому меньшинству. Они создаются такими людьми, как Исаия, Сократ, Рембрандт, французские философы, Бергсон, Уэллс» [Желтикова, 2013].

В 2019 г. и в 2021 г. около 1/3 экспертов, участвующих в исследованиях, подчеркивали «сложность и туманность» ситуации в России, в целом в мире и, поэтому, проблематичность прогнозных сценариев в условиях высокой неопределенности, тем более на долгосрочный период и даже среднесрочный период. Эксперты неоднозначно оценили

ближайшее будущее и среднесрочную перспективу развития России, указывая различные факторы влияния и предлагая пессимистические и оптимистические сценарии развития страны.

«Россия, российское общество расколото по своим исходным мировоззренческим позициям. Россия еще находится в состоянии выбора одной из возможных траекторий дальнейшего развития. Хотя, конечно, она строит не только планы, но и заводы, предприятия и т.д., но в целом она не сделала такого выбора, который позволял бы говорить о том, что теперь перед нами открываются по крайней мере в теоретическом или теоретико-практическом плане какая-то осязаемая и ясная перспектива развития» (эксперт 11; 2021).

Предлагая суждения прогностического характера, связанные с будущим России в долгосрочной перспективе, эксперты в исследованиях 2019, 2021 гг. выделили следующие доминирующие тенденции: будущее развитие международных отношений в целом будет носить многополярный характер, продолжится дальнейшая стагнация российской политической системы, трансформация системы в сторону авторитаризма, отказ от демократических институтов и сужение или вообще исчезновение публичной сферы, глобальный мир уступит локальным цивилизациям, отношения с Западом по-прежнему будут носить конфронтационный характер, рост влияния Китая продолжится, важную роль в будущем имеет трансферт власти в России и то, каким образом это произойдет, мировоззренческий раскол российского общества по-прежнему актуален.

«Мы сейчас, по-моему, находимся на некоем переломе исторического характера, и, это чувствуется по тому накалу, по международной повестке дня. Россия поднимается с колен, и это далеко не всем по душе. К России хорошо относились все западные страны, прежде всего США и Европа в то время, когда Советский Союз распался, Россия была слабая, стояли на коленях, фактически спокойно прибирали к рукам. Сегодня, когда Россия проводит свою самостоятельную политику и четко говорит о том, что нужен новый миропорядок и соответствующее отношение, Россию шельмуют и т.д. поэтому санкции бесконечные под разными предлогами, они не добавляют, по крайней мере, сдерживают возможность экономического роста в России» (эксперт 26; 2019).

«Все мы понимаем, что мы находимся в состоянии некоего перехода власти. И то, каким образом будет в дальнейшем эта модель развиваться... поэтому у многих есть по этому поводу опасения» (эксперт 4; 2021).

«...немаловажную роль, конечно, на сегодняшний день сыграла и пандемия, которая изменила определенные представления и она,

наверное, играет свою определенную роль в изоляционной модели дальнейшего развития» (эксперт 4; 2021).

1/3 экспертов считают, что в краткосрочной перспективе 5-10 лет особых глобальных изменений с политической системой, социально-экономической ситуацией и образом жизни в стране не произойдет.

«Ну, если коротко это обозначить, то можно так сказать: в горизонте ближайшего десятилетия будет сохраняться та же модель политического и общественного устройства или уклада, которые в России сложились, ну во всяком случае в окончательном виде за последние 10 лет, начиная примерно с 2011-2012 гг. и до нынешнего дня. Она и сохранится» (эксперт 4; 2021).

Мнения по поводу оптимистичного и пессимистичного будущего России разделились. 1/2 участников интервью считают, что Россию ждет не особо позитивное будущее, связанное как с общемировой конъюнктурой, так и с внутренними экономическими проблемами, технологическими возможностями, проблемами эффективности административного управления («ручное управление», низкая исполнительская дисциплина, формальное существование институтов власти, мировоззренческий раскол в российском обществе). В частности, эксперты рисуют будущее в темных красках глобальной конкуренции, новой «холодной войны», предрекают затяжной экономический кризис, экономическую и социальную деградацию регионов, экономическую автономизацию регионов и зависимость от Китая. Об этом говорили эксперты в исследовании 2019 г. и 2021 г.

«...потому что нынешние правящие элиты завели, на мой взгляд, и продолжают заводить страну в тупик, который закончится крахом, и чем дольше продлится современная ситуация, тем тяжелее будет последующий выход из тупика и краха» (эксперт 9; 2019).

Оценивая исходную ситуацию в стране, большинство экспертов в исследованиях 1 и 2 волны (исследования 2019 г., 2021 г.) говорили о том, что проблема социального неравенства является одной из самых острых и актуальных, и отмечали, особенно в интервью 2021 г., что эта проблема включена политическими элитами в актуальную повестку дня и звучит со всех трибун, озвучивается разными политическими силами, в том числе государственными деятелями.

«...Расслоение, это расслоение, конечно. Потому что, здесь, живя в Москве, мы абсолютно не понимаем и не знаем жизни людей, которые живут там, в 200-х км от города» (эксперт 8; 2019).

«...Возрастающее неравенство, как внутри отдельных регионов, так и, что еще опаснее, между регионами и между отраслями» (эксперт 10; 2021).

Среди наиболее острых проблем нашей страны большинством экспертов также были названы: депопуляция, низкая рождаемость, диспропорция в распределении населения по территории страны, проблема межнациональных отношений. Большинство экспертов считают, что угроза обострения межнациональных отношений на территории России существует всегда. 1/4 часть экспертов оценили ситуацию с межнациональными отношениями в России сегодня как спокойную, 1/3 экспертов предположили, что межнациональные противоречия в будущем в России будут возрастать. Актуальность данной проблемы подчеркивают эксперты 1 и 2 волн исследований.

«...они, несомненно, будут усиливаться, так как есть непреодолимые противоречия, связанные с разной скоростью модернизации, разной скоростью вестернизации российских регионов.... И эти люди приезжают в регионы, где приняты совершенно другие культурные модели, им становится там тяжело адаптироваться, и населению с ними тяжело общаться, поэтому межнациональные проблемы будут расти» (эксперт 10; 2021).

Три эксперта, в рамках исследования 2021 г., выявляя современные тенденции и их влияние на концепции будущего, озвучили проблему мировоззренческого раскола российского общества. Они условно делят общество на несколько народов по признаку мировоззрения и выделяют ностальгирующих по Советскому Союзу, прозападно настроенных и лоялистов, которых устраивает современная общественно-политическая и экономическая ситуация в стране. Поиск даже временного компромисса между разными группами, социальными, профессиональными, мировоззренческими в стране, требует значительных ресурсов со стороны управленцев.

Проблемной сферой, внутренним вызовом для России также является модель политического управления в стране. Поэтому позитивный опыт Китая с реализацией «особого пути» развития, также упоминается экспертами в связи с возможностью России и надеждами политического истеблишмента на то, что можно достаточно успешно развиваться в рамках концепции «суверенной демократии». И российский вариант современного авторитаризма, связанный с активным освоением современных технологий и многих современных социальных практик, вполне жизнеспособен. При растущем влиянии Китая в международной системе координат, эксперты предполагают, что в будущем Запад может потерять свое доминирующее значение.

«Всех, как сейчас принято, модно говорить, что всех впечатляет, в этом смысле, Китай, который строит капиталистическое общество и при этом сохраняет некую свою идеологическую картину. Поэтому у нас, у

наших элит это тоже вызывает в этом смысле оптимизм, что можно развивать экономику свою и при этом быть суверенной демократией со своим представлением о том, каким должно быть общество, каким образом должна власть передаваться» (эксперт 4, 2021).

Что касается внешних вызовов и рисков, то большинство экспертов поддерживают тему противостояния России и Запада, заинтересованности западных стран в дезинтеграционных процессах на территории России, рассуждают о использовании различных политических и экономических инструментов против России, таких как: экономический протекционизм, «мягкая сила», информационная война, экологические ограничения и политика декарбонизации.

«И сейчас мы находимся в условиях войны. Против РФ, вы знаете, развернута колоссальная информационная война, колоссальные гибридные войны идут уже не первый год» (эксперт 7, 2021).

«...как поведут себя страны, у которых экономика во многом связана с углеводородом, они же тоже не будут молча наблюдать. И самый важный вопрос: что будет с этой повесткой как бы экологической, декарбонизации. То есть она станет, как бы скажем, вот политика США по поводу прав человека в отношении Советского Союза.... В какой-то момент она стала отмычкой, такой, политической фомкой, при помощи которой можно вскрывать чужие политические системы, чужие цивилизации даже, да, туда, так сказать, вторгаться своими интересами, и потом их разрушать» (эксперт 12, 2021).

Ощущая угрозы от других стран абсолютно реальными, часть экспертов оправдывают рост государственных расходов на военно-промышленный комплекс в России. Поскольку тема владения ресурсами сегодня становится одной из самых важных, Россия не может себе позволить быть слабой политически и в плане обеспечения вооружением.

«Ну в общем в этой истории нам приходится много вкладывать в вооружение не потому, что мы такие воинственные, не потому, что нам хочется башку отвернуть соседу, а у нас это просто самая продвинутая отрасль, и это единственный способ удержать территорию, суверенитет и территориальную целостность при сокращении численности населения» (эксперт 6, 2021).

Оптимистичный вариант сценария будущего строится на реализации концепции унитарного государства в России, идеи «особого пути» развития страны, учитывая позитивный опыт Китая. Большинство экспертов предположили, что в среднесрочной перспективе ничего особо не изменится, политическая система будет продолжать стагнировать, а если и будет изменяться, то в сто-

рону уменьшения демократических прав и свобод, в сторону унитарного государства. Россия сохранит свою целостность, будет по-прежнему реализовывать концепт «суверенной демократии» и даже, может быть, пойдет на новое сближение с Западом, поскольку Запад заинтересован в России, исполняющей роль буфера между западными странами и Китаем. Анализируя настоящую ситуацию, один из экспертов предлагает свой рецепт успешного развития России, по сути, китайский путь развития, предполагающий дальнейшее усиление роли государства, сворачивание демократических прав и свобод при действии рыночных механизмов. И подобные тенденции будущего, прямо не называя, обозначило большинство экспертов.

«Поэтому второй сценарий есть отказ от нынешней экономической политики, отказ от экономического блока, которым сейчас руководят неолибералы, и выработка новой концепции развития. Тогда возможно успешное развитие России, причём это успешное развитие я связываю с вариантами особого социалистического пути развития, но с использованием рыночной экономики, с использованием тех механизмов, которые выработаны. Поэтому я лично бы связывал с тем, что будет серьёзно изменена социально-экономическая политика и выработан какой-то симбиоз, возможно, по опыту Китая для того, чтобы нам преодолеть отставание и получить перспективное развитие» (эксперт 1, 2021).

Необходимо отметить, что эксперты, работающие в федеральных и региональных органах власти более позитивно оценивают будущее России и связывают особенности среднесрочных и долгосрочных изменений с деятельностью государственных корпораций, с реализацией национальных проектов, с тем, насколько успешно данные проекты будут реализованы.

«Но, по большому счету, понятно, что в это дело вкладывались годами, системно и т.д. И сейчас, когда пошли национальные проекты вот такого абсолютно другого плана, чем первые национальные проекты, то, все-таки, такое ощущение, что ресурс, он направляется точно и сейчас он освободился для того, чтобы заняться социальными проблемами более широко, чем это было возможно в предыдущее десятилетие» (эксперт 16, 2019).

Сравнивая результаты исследований 2019 г. и 2021 г. с результатами 2015 г., можно сделать следующие выводы. Более или менее консолидированным является восприятие экспертами как острых внутренних проблем российского общества, в исследованиях 2015 г., 2019 г., 2021 г. это: кризис управления; низкое качество работы ключевых государственных институтов; снижение числа трудоспособного населения; проблемы высокого уровня социального

неравенства, имущественной дифференциации, различий в доступе к общественным благам и ресурсам.

В формировании образа будущего – России 2020, эксперты в 2015 г. предполагали «сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица», примерно 3/4 экспертов расположили их на шкале вероятности в отрезке от 70% до 100%. Что касается внешних вызовов и угроз, то важными факторами внешнего фона, способными повлиять на развитие российского общества, по мнению экспертов исследования 2015 г., являются: состояние рынка сырьевых ресурсов (нефть, газ), зависимость российского бюджета от цен на нефть и газ; вовлечение России в долгосрочный конфликт на Украине; отток капиталов из страны, снижение объема внешних и внутренних инвестиций; возобновление «холодной войны» с США и их союзниками, противодействие развитию России путем ввязывания в новую гонку вооружений и т.д. [Российское общество, 2015]/

Оценка результатов экспертного опроса 2015 г. с точки зрения реализации прогнозов в 2020-2022 гг., показала, что многие отмеченные экспертами тенденции актуальны на протяжении 6 лет, многие угрозы реализовываются в новом десятилетии.

Таким образом, будущее в долгосрочной перспективе экспертам видится хаотичным, кризисным и неопределенным, «монополярный» мир превращается в «многополярный», концепт «глобализация» перестает быть актуальным и изменяется в сторону локализации рынков и цивилизаций, пандемия значительно способствует формированию изоляционных моделей дальнейшего развития. В среднесрочной перспективе ничего особо не изменится, политическая система будет продолжать стагнировать. Рецепт успешного развития России предполагает дальнейшее усиление роли государства, сворачивание демократических прав и свобод при действии рыночных механизмов.

Литература:

Виноградова Е., Григорьева И., Кузнецов Е. Мечтать и вредно: почему не сбываются долгосрочные экономические прогнозы. И что сделать, чтобы ожидания чиновников совпадали с российской реальностью // Известия. 2021. 9 декабря. URL: <https://iz.ru/1249935/ekaterina-vinogradova-inna-grigoreva-evgenii-kuznetcov/mechtat-i-vredno-pochemu-ne-sbyvaiutsia-dolgosrochnye-ekonomicheskie-prognozy> (дата обращения: 01.02.2022).

Россия 2050: Утопии и прогнозы. М.: Новое издательство, 2021. 600 с.

Желтикова И.В. Образы будущего в интерпретации Ф. Поллака // Современные исследования социальных проблем. 2013. №3 (23), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-budushego-v-interpretatsii-f-polaka> (дата обращения: 01.02.2022).

Российское общество – 2020: экспертный образ будущего. Аналитический отчет по результатам опроса экспертов (версия 2.2). URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/0f6/ESPM-2015_Rossiyskoe_obshestvo_2020%20_ekspertniy_obraz_budushego_ov2.2c.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

РАЗДЕЛ II.
Особенности трудовых и социально-политических отношений современной интеллигенции

**Прекарные черты трудовой занятости интеллигенции
(на примере сфер науки, образования и здравоохранения)**

И.В. Воробьева

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Применительно к трудовой занятости сложно говорить об интеллигенции, как о какой-то единой группе. Скорее, положение работника в сфере труда в большей степени определяется особенностями конкретной сферы занятости. Тенденции прекаризации, явно проявляющиеся в одной отрасли, могут быть практически незаметны в другой. Тем не менее, нами сделана попытка обобщения черт трудовой занятости интеллигенции на примере сфер науки, образования и здравоохранения.

На наш взгляд, значимыми факторами, влияющими на условия труда интеллигенции, стали сокращение и недостаточность государственных расходов на сферы науки, здравоохранения и образования, коммерциализация отраслей, общая либерализация экономики страны. Эти параметры задают фон, на основе которого формируются особенности трудовой занятости интеллигенции.

Финансирование отраслей

Эксперты отмечают недостаточность финансирования каждой из рассматриваемых нами отраслей занятости интеллигенции. Несмотря на формальный рост государственных инвестиций в науку, образование и здравоохранение, доля выделяемых средств в ВВП почти не меняется. Например, динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки в России за период 2000-2018 гг. в постоянных ценах выросла вдвое – с 76,7 млрд. руб. в 2000 г. до 153,1 млрд. руб. в 2018 г. [Отчет о результатах..., 2020: 3]. Однако, удельный вес затрат на науку в ВВП много лет колеблется в пределах около 1%. В этом направлении

Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 34 месте. [Отчет о результатах..., 2020: 8]. Государственные расходы на образование в процентах к валовому внутреннему продукту в 2019 г. составили 3,7%, из них на высшее образование 0,5%. Для сравнения в Корею на высшее образование тратится 0,6%, в США и Канаде по 0,9%, в Германии – 1%, в Швеции – 1,3% [Образование в цифрах..., 2020: 31]. В России расходы на медицину в период с 2015 по 2018 гг. практически не увеличиваются. В 2018 г. они составили 3315,9 млрд. рублей – это 9,7% от общегосударственных расходов и 3,2% от ВВП [Здравоохранение..., 2019]. Для сравнения в республике Беларусь в 2018 г. расходы на здравоохранение составили 4% от ВВП. В 2016 г. Норвегия тратила на медицину 8,9% ВВП, Франция – 9,6%, Швеция – 9,1%, США – 14% [Здравоохранение..., 2019].

Численность организаций

В отношении организаций сфер науки, образования и здравоохранения происходит постоянная государственная оптимизация, приводящая к сокращению их численности.

С 1990 г. сохраняется тенденция уменьшения числа конструкторских бюро, проектных и проектно-исследовательских организаций, промышленных предприятий. Так, в период с 2000 по 2018 гг. число научно-исследовательских организаций уменьшилось с 2 686 до 1 574, в том числе конструкторских организаций – с 318 до 254, проектных и проектно-исследовательских – с 85 до 20. По состоянию на 1 июня 2019 г., общее число организаций, выполняющих научные исследования и разработки в России, составило 3 822, что на 128 меньше, чем в 2018 г. [Отчет о результатах..., 2020: 20].

За последние 20 лет из-за слияния и прекращения работы наблюдается сокращение образовательных организаций высшего образования. С 2000 г. их общее количество сократилось на 241 единицу – с 965 на начало 2000/2001 уч. г. до 724 на начало 2019/2020 уч. г. [Образование в цифрах..., 2020: 49]. Численность студентов в образовательных организациях также сократилась. Если на начало 2000/2001 уч. г. в российских вузах обучалось 4741,1 тыс. чел., то на начало 2019/2020 уч. г. – 4068,3 тыс. чел.. Количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, в этот временной отрезок также уменьшилось – с 2802 тыс. чел. до 1890,1 тыс. чел., соответственно [Образование в цифрах..., 2020: 42].

В сфере здравоохранения в период с 2000 по 2018 гг. также

произошли определенные изменения. Количество больничных организаций сократилось в 2 раза – с 10,7 тыс. в 2000 г. до 5,3 тыс. в 2018 г., а амбулаторно-поликлинических на 1,1 тыс. – с 21,3 тыс. до 20,2 тыс., соответственно [Прекарная занятость..., 2021: 140].

Численность сотрудников отраслей

Сокращение количества организаций привело, в свою очередь, и к сокращению их работников. Так, численность сотрудников, занятых научными исследованиями и разработками, в России уменьшилась с 887 729 чел. в 2000 г. до 682 580 чел. в 2018 г. [Отчет о результатах..., 2020: 3]. Профессорско-преподавательский состав российских организаций высшего образования сократился с начала 2017/2018 уч. г. до начала 2019/2020 уч. г. на 15,8 тыс. чел. – с 245,1 тыс. чел. до 229,3 тыс. чел., соответственно [Образование в цифрах..., 2020: 84]. Число занятых в здравоохранении с 2015 г. по 2018 г. уменьшилось на 92 тыс. чел. – с 4496 тыс. чел. до 4404 тыс. чел., соответственно [Здравоохранение..., 2019].

Вышерассмотренные факторы, безусловно, являются фоном, определяющим условия трудовой занятости интеллигенции в сферах науки, образования и здравоохранения. Сокращение финансирования этих отраслей привело к «оптимизации», а точнее, к сокращению численности организаций и занятого персонала. В свою очередь, уменьшение численности персонала привело к увеличению нагрузки на оставшихся работников. При этом, заявленное повышение зарплаты не компенсировало увеличившуюся трудовую нагрузку. Эти ключевые проблемы науки, здравоохранения и образования определяют условия труда интеллигенции, включая характер и содержание труда, удовлетворенность работой, профессиональные и жизненные планы сотрудников.

Формально, трудовая занятость интеллигенции в сферах науки, образования и здравоохранения сохраняет ряд позитивных характеристик: стабильная оплата труда, официальное трудоустройство, бессрочный трудовой договор, наличие социальных гарантий, и пр. На первый взгляд, эти показатели существенно лучше, чем во многих других отраслях российской экономики.

По данным Росстата, в 2020 г. средняя заработная плата научных сотрудников составила 111 114 руб., педагогов системы высшего образования – 94 573 руб., врачей государственных медицинских организаций – 91 688 руб. [Средняя заработная плата..., 2021]. Однако, эти показатели расходятся с реальными – теми, которые

называют сами специалисты. Так, по результатам Всероссийских исследований «Прекариат-2020» и «Прекариат-2021», реальная средняя зарплата ученых составляет 40 820,2 руб. врачей – 50 160,5 руб., преподавателей вузов – 46 063,1 руб. [Прекарная занятость..., 2021: 214]. Это подтверждается и многократными высказываниями работников науки, образования и здравоохранения в СМИ, на различных форумах и пр.

Такое расхождение, в частности, в области науки, объясняется, прежде всего, тем, что далеко не все научные сотрудники работают на полную ставку. Эта ситуация может быть свидетельством скрытых форм прекаризации труда в этой сфере, когда для достижения уровня зарплат, заявленных в указах Президента РФ в мае 2020 г., людей переводят на неполные доли ставки. Кроме того, в расчетах средней заработной платы в официальных источниках также учитываются премии, гранты и прочие доходы, которые не являются регулярными и не выступают в качестве прямой оплаты труда. Помимо этого, в статистике представлены совокупные данные не только рядовых сотрудников, но и представителей управленческого аппарата, чья оплата труда значительно выше первых. При этом даже показатели Росстата нельзя назвать полностью благополучными, отражающими и уровень образования, и квалификации, и те «вложения» в виде долгих лет учебы, которые были сделаны работниками сфер науки, образования и медицины.

В группе интеллигенции достаточно высокий процент тех, кто считает оплату труда несправедливой: 25% работников образования, 30% научных сотрудников. Среди врачей этот показатель особенно высок – 35,5% [Прекариат-2020, Прекариат-2021]. Можно предположить, что такая оценка своего материального положения связана и с условиями труда последних лет, и с увеличением нагрузки на сферу здравоохранения.

Основные проблемы, которые волнуют представителей интеллигенции в организации, как, впрочем, и представителей других сфер, концентрируются вокруг оплаты труда и его условий. Обеспокоенность низкой оплатой труда проявляют 47% научных сотрудников, более 40% преподавателей высшей школы, и почти 40% работников сферы здравоохранения. Кроме того, значительная часть интеллигенции говорит о непрозрачности и нестабильности оплаты труда: эту позицию разделяют почти 15% преподавателей высшей школы и работников науки, а также более 20% медицинских работников. Сотрудники медицинской отрасли выказывают высокую неудовлетворенность условиями труда и его организацией – 21,7%.

Этот показатель выше аналогичных значений по общероссийской выборке (8,6%) [Прекариат-2020, Прекариат-2021].

В группах интеллигенции широко распространена практика подработки и вторичной занятости. Например, в группе преподавателей таких почти половина, среди ученых – треть, врачей – более трети [Прекариат-2020, Прекариат-2021]. Несмотря на то, что у вторичной занятости могут быть разные основания и мотивы (как материального, так и нематериального характера), практика дополнительной занятости может быть рассмотрена, в первую очередь, как недостаточность основного заработка для покрытия жизненных нужд.

В изучаемых нами группах интеллигенции распространена занятость в государственном секторе, где доминируют официальное трудоустройство и легальная оплата труда. Но даже при этом форма срочных и среднесрочных договоров получила широкое распространение: почти четверть сотрудников науки и здравоохранения. Но особенно это заметно в среде вузовских работников, где 38% имеют временный договор рассчитанный более, чем на год, а 6% работают на условиях менее годового контракта. Такая форма трудоустройства – свидетельство прекаризации трудовой занятости. Кроме того, она влияет на субъективное ощущение работника, его отношение к своей работе, распространяя чувство нестабильности, непонимание перспектив, неясность и неопределенность положения.

Важнейшие признаки прекаризации трудовой деятельности работника – непрозрачность и негарантированность оплаты труда. Несмотря на легальное трудоустройство, достаточно большая часть интеллигенции говорит о распространенности «серых», нелегальных форм оплаты труда. О том, что иногда получают «зарплату в конверте» высказались 19% ученых, более 20% преподавателей вузов и четвертая часть всех медицинских работников. Это достаточно весомый показатель, который свидетельствует о том, что даже в официальном секторе экономики часть оплаты труда работников вытеснена в тень. А значит, реальная заработная плата негарантирована, непрозрачна, нестабильна.

Выводы

Практически во всех сферах трудовой занятости интеллигенции происходят определенные негативные процессы, при которых базовые формальные признаки прекаризации практически отсутствуют, но достаточно развиты ее скрытые формы, включая неопределенность и негарантированность труда, непрозрачность оплаты, сверхзанятость

или недозанятость. Многие эти позиции подаются как желание самого работника, на деле являясь вынужденным поведением, адаптацией к ухудшающимся условиям труда.

Если раньше к прекариату было принято относить лиц с низким уровнем образования и квалификации, то теперь в его ряды постепенно вливаются люди, занятые интеллектуальным трудом. Кроме того, нестабильность, неопределенность и негарантированность труда получают распространение и в сферах государственного сектора экономики, которые ранее отличались стабильностью трудового и социального положений работников.

Литература:

«Прекариат-2020». Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». (2020). Объем выборочной совокупности – 900 человек, с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше, в соответствии со статистическими данными Росстата (на 01.01.2020 г. и в среднем по 2019 г.). Опрос проходил в 8 федеральных округах, в 21 субъекте РФ (пропорции вычислены по Росстату). На последнем этапе отбора и опроса респондентов квот интервьюерами соблюдались по 3 социально-профессиональным группам населения: наука, промышленность и сельское хозяйство.

«Прекариат-2021». Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». (2021). Объем выборочной совокупности – 800 человек, с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше, в соответствии со статистическими данными Росстата (на 01.01.2021 г. и в среднем по 2020 г.). Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа (ПГТ), села (пропорции вычислены по Росстату). На последнем этапе отбора и опроса респондентов квот интервьюерами соблюдались по 2 социально-профессиональным группам населения: здравоохранение и высшее образование

Здравоохранение в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 170

с. – ISBN 978-5-89476-470-2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://resursor.ru/statisticheskij-sbornik-zdravooxranenie-v-rossii-2019-polnaya-versiya/7-osnovnye-ekonomicheskie-pokazateli-zdravooxraneniya/#1585863236163-783a566f-a626> (дата обращения: 25.11.2021).

Образование в цифрах: 2020 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина, Н. Б. Шугаль; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 120 с. – ISBN 978-5-7598-2306-3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/404878648.pdf> (дата обращения: 02.12.2021).

Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_disscusion/sp.pdf (дата обращения: 02.12.2021). Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности /Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. – 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6.

Средняя заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки / Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1eEUBIVB/itog-monitor05-20.htm> (дата обращения: 25.11.2021).

Черты precarious занятости среди работников сферы общего образования¹

Колосова Е.А.

кандидат социологических наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Многочисленные жалобы педагогов на перегруженность, привлечение их директивным методом к труду, не связанному с профилем педагогической деятельности, полное или частичное лишение вознаграждения за сверхурочную или непрофильную работу свидетельствуют о наличии проблем в сфере труда данной профессиональной группы.

Существующие нормы времени, установленные для преподавательской деятельности, распространяются только на часы, которые входят в план учебной нагрузки. Другая часть педагогической работы является ненормированной, включающей работу с документами, учебно-методическими материалами, ведомостями и другим [Колосова, 2021 :186-187].

Согласно данным исследования Шереги Ф. Э., по официально утвержденным нормам работают только 48,6% педагогов, еще 46,4% работают с перегрузкой, из них 38% – на полторы ставки и 8,4% – на две ставки. [Шереги, 2016: 110]. Для преподавателей всех профилей в той или иной степени характерна перегрузка по работе, связанная с выполнением дополнительных функций (классное руководство). Неравномерная нагрузка не менее, чем у 50% педагогов, работающих с перегрузкой, связана не только с несовершенством управления школой, но и со степенью урбанизации региона, с наличием большого числа малокомплектных школ в аграрных регионах и дефицита педагогов по ряду учебных предметов.

Учителя, тем более при сверхнормативной учебной нагрузке, стремятся к максимальной экономии своего времени и любые, даже небольшие его ситуативные лакуны стараются наполнять отнюдь не творческой, но машинально, привычно совершаемой «писаниной» по поводу десятков видов обязательных документов, требуемых и строго

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024.

учитываемых администрацией школы [Осипов 2020 : 263].

По данным исследования 2018 г., работникам (служащим): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, средств массовой информации – с высшим образованием в большинстве своем (66,6%) приходилось ежедневно работать более 8 часов. При этом важным показателем качества организации труда педагогов является именно равномерность их загруженности в соответствии с действующими нормативами [Колосова, 2021 :187-188].

Перегруженность может быть признаком precariousности педагогических работников, однако важно учитывать и другие факторы, свидетельствующие о неустойчивости занятости работников сферы образования. Формально, в секторе общего в отличие от работников сферы высшего образования, где с преподавателями по результатам конкурса на замещение вакантных должностей заключается срочный договор, продолжает действовать прежняя процедура найма сотрудников и заключения с ними бессрочных трудовых договоров.

Согласно данным исследования «Как живешь, интеллигенция?», в котором принимали участие работники сферы образования, 73,8% педагогов имеют бессрочный договор, 19% имеют срочный договор (от года и более года), в то время как срочный договор до года имеют только 4,4% опрошенных. Еще меньше тех, кто оформлен по временному договору или работает без договора, таких всего 2,8 % [Как живешь, интеллигенция 2018 : 137].

Форма трудоустройства может говорить о наличии или отсутствии precariousности в труде педагогов общего образования. Но менее важным является самоощущение педагогических работников. Так, по словам самих педагогов, по данным нашего исследования, 72,2% собираются остаться на нынешней работе, только 16,3 % заявляют о желании уйти, но из них 11,1% не знают куда [Как живешь, интеллигенция 2018].

Сверхэксплуатация работников в сфере образования становится «нормой», что сказывается на качестве их работы и может свидетельствовать о некоторой потере ощущения стабильности в трудовой деятельности этой группы работников. Нормирование труда педагога проявляется в дестабилизации его работы и школы, как важного структурного элемента образования, что приводит к дисфункции института образования, проявляющееся в снижении качества образования и ослаблении воспитательной функции школы.

Вопросы, касающиеся условий оплаты труда педагогических работников, постоянно возникают на научной повестке. Кроме того, проводимая на федеральном уровне политика по повышению

заработных плат в образовании, несмотря на единые цели и принципы, последствия которой по-разному отразились на каждом из сегментов сферы образования. Учитывая специфику педагогической деятельности на разных уровнях образования (дошкольное, общее, высшее), рассмотрим особенности оплаты труда и ее издержки в данной сфере. [Колосова, 2021 :189]

С 2008 г. в России педагогам начисляют заработную плату, состоящую из трех частей: базовая часть (фиксированный оклад), компенсационные выплаты, стимулирующая часть (премии). Базовая часть зарплаты включает оплату труда за аудиторную нагрузку, доплаты за классное руководство и другую работу сверх учебных часов, а также повышающие коэффициенты — за квалификацию.

Ситуация с заработной платой существенно различается в зависимости от Федерального округа и региона. Средняя зарплата российского учителя в России в 2019 г. составила всего 39453 руб.²

В ЦФО средняя зарплата учителя составляет 32924 руб. Однако внутри ЦФО есть существенно превышающие и недостающие среднюю по округу зарплаты. Например, в Москве средняя зарплата учителя 95035 руб., а в Ивановской области – 23 090 руб. Разница внутри ЦФО составляет между зарплатами учителей порядка 70 тыс. руб.

В СЗФО средняя зарплата учителя выше, чем в ЦФО и составляет 42533 руб. Существенно отличаются от средней заработной платы по региону зарплаты учителей в Ненецком автономном округе и составляет 76150 руб., при этом в Псковской области средняя заработная плата составляет 25 489 руб. Таким образом, разница в средней зарплате по региону составляет порядка 50 тыс. руб.

В ЮФО и ПФО средняя заработная плата учителя по региону составляет 28 тыс. руб. При этом отметим, что по регионам в этих федеральных округах отличия в средних зарплатах учителей колеблется в пределах 5-10 тыс.

В УФО средняя заработная плата учителя составляет 48950 руб. Самая высокая по округу в Ямало-Ненецком автономном округе – 91305 руб., самая низкая в Курганской области – 26 066 руб. Разница между регионами составляет порядка 65 тыс. руб.

В СФО среднюю зарплату учителя оценивают в 32 тыс. руб. Разница зарплат составляет 15 тыс. руб. (от Краснодарского края – 39 342 руб. до Алтайского края – 23812)

Самая низкая средняя заработная плата учителей наблюдается в СКФО и составляет всего 22 691 руб. По регионам средняя зарплата учителя отличается в пределах 4 тыс. руб.

² [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor01-19\(1\).html](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor01-19(1).html)
(Дата обращения 8.09.2020)

Самая высокая средняя заработная плата учителей наблюдается в ДВФО и составляет 56240 руб. При этом самое высокое значение по средней заработной плате учителя в округе зафиксировано в Чукотском автономном округе и составило 96598 руб. Самое низкое значение в Забайкальском крае – 33 763 руб. Таким образом, разница зарплат учителей составляет порядка 60 тыс. руб.

Данные статистики явно показывают серьезные отличия по оплате труда школьных учителей в зависимости от региональных особенностей, в том числе в сфере образования. Отсюда вытекает следующая проблема, нехватка средств для обеспечения своей жизни. [Колосова, 2021 :189-190]. Именно поэтому в сфере образования широко распространенным является подработка (40,5%). Половина педагогов считает, что их работа оплачивается не всегда справедливо, а треть утверждает, что совершенно не справедливо. Поэтому вынуждены заниматься подработкой как в собственной организации (брать дополнительные часы, заниматься дополнительным образованием детей в кружках и студиях при школе, детском саду), так и в других организациях, предоставляющих образовательные услуги.

Современное российское учительство не имеет сильной самостоятельной социальной и профессиональной организации, а существующий профсоюз на протяжении последних трех десятилетий не сумел предотвратить ни необоснованных трудовых перегрузок, ни заниженного уровня оплаты труда, несовместимого с реальными трудозатратами и ответственностью, ни колоссального межрегионального расслоения в этих уровнях за одинаковую работу, ни бюрократического иррационального бумажного прессинга. Учительские коллективы, впрочем, как и профессиональные коллективы в других сегментах сферы образования, не обладают сколько-нибудь существенным влиянием на отраслевые стандарты, а также на формальные критерии профессиональной аккредитации. [Школа в бумажной пучине, 2020 : 66].

Существующие проблемы современного образования имеют серьезные отличия от тех проблем, которые решались на рубеже 20-21 веков. В современном обществе с отсутствием общей идеологии, изменившимся социокультурным фоном проблемы образования приобретают все большие масштабы. Проблемы реализации реформ в сфере образования во много обусловлены тем, что предлагаемые инновации не ставят своей целью изменение сложившейся ситуации и решение существующих проблем.

Проведенный анализ данных относительно особенностей трудовой занятости в сфере общего образования позволил обосновать

возможность отнесения работников данной сферы к представителям прекарного класса.

Анализ сферы государственно-общественного управления образованием показывает, что в совокупности федеральных ведомств и министерств, эта сфера является наиболее закрытой и обособленной [Школа в бумажной пучине, 2020 : 66]. Во многом именно это свойство одной из важнейших сфер общества, отвечающей за формирование и воспитание новых поколений, определяет тенденцию к ухудшению системы образования в целом, и дестабилизацию и примитивизацию дошкольного и общего образования, в частности.

Данная профессиональная группа обладает достаточно устойчивым положением на рынке труда, благодаря заключаемым бессрочным договорам в основной массе с этими специалистами, обеспечением необходимого социального пакета, в среде учителей растет процент тех, к кому применимы индикаторы, относящиеся к прекарной занятости. В основном это связано с низкой оплатой труда, постоянной переработкой; подработкой и пр.

Неопределенность стала постоянной константой современного мира. Охватив все сферы современного общества, включая образование. Под влиянием этой неопределенности произошла трансформация той сферы, которая находилась под опекой социального государства, а также гарантом устойчивости и стабильности для людей, профессионально занятых в сфере образования. [Буланова, 2021 :161] Налицо слабовыраженные черты прекарной занятости в среде учителей, однако обнаруженные тенденции могут набирать вес в контексте современных проблем и тенденций в сфере образования.

Литература:

Буланова М.Б. Прекарная занятость в сфере высшего образования: Рубикон перейден? // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. – Москва : ООО «Издательство «Весь Мир», 2021. – С. 182-198.

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография (2018) / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. – 352 с.

Колосова Е.А. Проблемы занятости в сфере общего (школьного) образования // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. – Москва : ООО «Издательство «Весь Мир», 2021. – С. 182-198.

Шереги Ф.Э. (2016) Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? // Социологические исследования № 1. С. 108-116.

Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании : коллективная монография (2020) / Ю. В. Башкирова, П. А. Бояджијева, К. К. Ёлкина, А. Г. Кукушкина, В. В. Матвеев, Н. А. Матвеева, А. М. Осипов, Ю. П. Тримбицкая, Т. Г. Ширина; под редакцией А. М. Осипова; Российский научный фонд; Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт». – 351 с.

Социально-трудовые конфликты в российском здравоохранении в период пандемии COVID-19¹

Н.И. Белова

кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Пандемия COVID-19 стала серьёзным испытанием для большинства систем здравоохранения мира, обострила проблемы допандемийного периода, и расширила круг задач, которые предстоит решать в ближайшие несколько лет всем работникам этой сферы. В условиях пандемии медицинским работникам пришлось «справляться с тяжёлой дополнительной нагрузкой, долгое время оставаясь на работе, лишаясь отдыха... с ростом числа госпитализаций стала широко практиковаться сверхурочная работа» [Отраслевая..., 2020]. Не стали исключением и российские врачи и другой медицинский персонал, оказывающие помощь пациентам с COVID-19, – физические и эмоциональные перегрузки сказались, как на их психологическом благополучии, так и оказали влияние на качество трудового процесса [Прекарная..., 2021].

О необходимости соблюдения трудовых прав работников здравоохранения в период пандемии COVID-19 неоднократно заявляла Международная организация труда (МОТ), призвав правительства всех стран защитить медработников, руководствуясь принципами, выработанными и адаптированными к кризисным ситуациям. Вышеупомянутые принципы прописаны в «Рекомендации о занятости и достойном труде в целях обеспечения мира и потенциала противодействия», которые были разработаны задолго до наступления пандемии. В документе отмечается, что кризисные ситуации, возникающие по причине бедствий, оказывают выраженное воздействие на жизнедеятельность людей – на их рабочие места, на условия труда, на возможность работать, поэтому в качестве первоочередных антикризисных мер прописаны «обеспечение безопасных и достойных условий труда, включая предоставление личного защитного обмундирования и медицинской помощи, всем работникам, в том числе работникам спасательных и реабилитационных служб» [Рекомендации № 205... 2017]. При этом в принципах МОТ особый акцент сделан на важности

1Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024.

поддержания социального диалога — диалога между организациями работодателей и работников (в том числе посредством коллективных переговоров), настаивается на необходимости формирования благоприятной среды и осуществления мер, способствующих взаимодействию социальных партнеров.

В этой связи рассмотрим, каковы основные причины социально-трудовых конфликтов в сфере здравоохранения в период пандемии COVID-19 и какие способы ведения социального диалога используют российские медицинские работники, могут ли влиять на принятие важных решений в своей организации, как отстаивают свои трудовые права представители медицинской интеллигенции.

Уточним, в рамках данной статьи будут рассмотрены отдельные формы трудового конфликта в сфере здравоохранения – трудовые протесты. Трудовые протесты понимаются нами как «...открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники...или трудовая группа...предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем воздействия на работодателя или других субъектов, определяющих позицию работодателя, с целью её изменения» [Бизюков, 2011: 20].

В период пандемии о наличии трудовых конфликтов в своей организации сообщал каждый десятый (11,2%) медицинский работник [Всероссийское..., 2021]. В начале пандемии коронавирусной инфекции врачи выражали свою озабоченность по проблемам безопасности и гигиены труда: высказывали своё недовольство по поводу нехватки средств индивидуальной защиты и недостаточного тестирования медперсонала, что зачастую приводило к высокому риску заражения COVID-19. По данным Межрегионального проекта «Неочевидные жертвы коронавируса в России» среди проблем, по которым зафиксировано наибольшее число сигналов в СМИ, присутствует выше указанная [Итоги трёх..., 2020]. Со временем вопрос обеспечения медицинских работников средствами индивидуальной и других видов защит был решен.

Однако, одной из наиболее ярко выраженных проблем, приведшей к росту трудовых конфликтов и решительным действиям со стороны профессионального медицинского сообщества, стало ухудшение материального положения работников. Данные наших исследований позволяют утверждать, что как минимум четверть (24,8%) российских медицинских работников отмечали ухудшение своего материального положения. Для увеличения своего дохода им приходилось регулярно работать дополнительно и подрабатывать на стороне (26,5%), ещё треть (34,8%) врачей и медицинских сестёр периодически прибегали к вторичной занятости. Более того, каждый пятый (22,8%) говорил, что за последние 3 года

в целом жизнь их семьи изменилась в худшую сторону [Всероссийское..., 2021].

Что касается периода пандемии, то работникам, оказывавшим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлялась новая коронавирусная инфекция, работающим с COVID-19, были установлены специальные выплаты [Постановление..., 2020]. Однако данные меры поддержки медиков (выплаты стимулирующего характера) за особые условия труда и дополнительную нагрузку, проводили с задержкой или вовсе отказывали в «ковидных выплатах», что послужило новым поводом для трудовых споров. Врачи, работавшие с ковид-пациентами, потребовали от властей исполнить поручения президента РФ. Заметим, по мнению экспертов росту протестной активности российских медиков, осуществляющих свою деятельность в государственном здравоохранении, способствовало не только ухудшение их социально-экономического статуса. В основе социально-трудовых конфликтов в сфере медицины лежит целый комплекс причин, в том числе политика руководства, связанная с реорганизациями медучреждений и вызванные ими увольнения и сокращения, а также ухудшение условий и режимов труда [Трудовые..., 2020].

Действительно, в последние несколько лет российские врачи, работающие в государственных учреждениях, открыто заявляли о неудовлетворенности условиями труда, были недовольны отсутствием должного материального и морального поощрения [Белова, 2019b]. Не стал исключением и период коронавирусной пандемии. Более того, за последние пять лет численность медицинских работников, выделяющих в качестве первостепенных проблем плохие условия работы и неудовлетворительную организацию труда, увеличилась практически в два раза: в 2016 г. 8,9% и 13,3% [Как живешь... 2018], а 2021 г. 18,5% и 21,5% соответственно [Всероссийское..., 2021].

Надо сказать, что и в допандемийный период медицинские работники, по сравнению с другими социально-профессиональными группами интеллигенции, активно реагировали на ухудшение условий их труда: выходили на митинги и пикеты, пытались привлечь внимание правительства и населения к ситуации в сфере здравоохранения [Белова, 2019a; Тощенко, Белова, 2020]. В 2019 г. впервые с момента начала мониторинга социально-значимых действий сторон трудовых отношений, конфликты в сфере здравоохранения вышли на первое место — практически треть (29%) от всех социально-трудовых конфликтов [Итоги... в 2019 году]. При этом чаще всего для выражения своего недовольства медики использовали активные «гибкие формы» [Воробьева, 2019]: пикет, петиции и др. Выбор гибких форм относится к одной из особенностей протестного движения в здравоохранении, т.к. медицинским работникам запрещено законом останавливать работу,

организовывать забастовки [Трудовой кодекс...].

По данным Мониторинга трудовых протестов ЦСТП главным способом демонстрации протеста медиков, в отличие от других социально-профессиональных групп, является собрание или конференция в ходе которых, озвучиваются и выдвигаются требования. Еще одним, популярным способом протеста врачей и медицинских сестёр является прямое обращение к органам власти, не вступая в диалог с руководителями учреждений здравоохранения, в котором медики осуществляют трудовую деятельность. Стоит обратить внимание, что 2/5 всех протестов в здравоохранении это так называемые неорганизованные, стихийные протесты, т.е. без участия профсоюзов и других организаций (для сведения: в 2019 г. – 41%, а 2020 г. – 39% от всех протестов медиков) [Трудовые..., 2020].

Очевидно, что роль профсоюзных организаций, по крайней мере в сфере здравоохранения, в отстаивании трудовых прав работников в последние годы возрастает. По нашим данным за последние 5 лет численность медиков, доверяющих профсоюзам увеличилась в несколько раз: с 13,5% [Как живешь... 2018] до 51,2% (суммированы варианты ответа «доверяю полностью» - 9,2% и «доверяю, но не во всем» - 42,0%) [Всероссийское..., 2021].

При этом результаты наших исследований позволяют говорить, что практически треть (31,5 %) российских медиков являются членами профсоюзных организаций. Более трети врачей и медицинских сестёр утверждают, что могут оказывать влияние на принятие важных решений в своей организации: 5,5% могут влиять в полной мере и 31,2% могут оказывать незначительное влияние. Однако более половины (57,5%) работников не включены, в силу разных обстоятельств, в социальный диалог с работодателем, не могут влиять на принятие важных решений в учреждениях здравоохранения [Всероссийское..., 2021].

Что касается способов протестной активности, то практически каждый десятый (9,0%) подписывал различного рода петиции, обращения и это самый популярный ответ. В свою очередь иные форматы протестов оказались менее популярны у медицинских работников: 0,5% участвовали в демонстрациях, митингах и 0,8% – участвовали в пикетах [Всероссийское..., 2021].

При этом данные других исследователей [Трудовые..., 2020] свидетельствуют, что для российских медиков есть ещё один специфический способ протеста: «речь идет о пункте «другое»... сюда были отнесены многочисленные случаи, когда медработники увольнялись или подавали заявление об увольнении в знак протеста». Эксперты утверждают, ввиду того, что врачи и другой медицинский персонал ограничены в выборе способов протеста, такая радикальная форма «решения трудовых конфликтов» является наиболее действенным способом привлечения внимания к проблеме

нарушения их трудовых прав.

Поэтому кадровый дефицит в сфере государственной медицины [Белова, 2021; Прекарная..., 2021], являющийся наиболее острой и болезненной проблемой для нашей страны и требующий коллективного участия в его решении, есть ничто иное, как демонстрация несогласия с проводимой политикой в сфере здравоохранения, условиями и организацией труда, а события, связанные с пандемией, лишь обострили и без того катастрофическую ситуацию в сфере здравоохранения.

Заметим, что медицинские кадры «...служат фундаментом системы здравоохранения...поэтому...первоочередное внимание должно уделяться уважению их трудовых прав и созданию для них достойных условий труда» [Отраслевая..., 2020]. Соответственно на повестку дня выходят не столько вопросы, связанные с привлечением специалистов в государственную сферу здравоохранения, а прежде всего поиска вариантов решений, способствующих удержанию квалифицированных медицинских работников на рабочих местах в государственной медицине.

Литература:

Белова Н.И. Медицинские работники в период пандемии COVID-19: социально-профессиональные риски и угрозы // Интеллигенция в новой реальности: сборник статей XXII Международной теоретико-методологической конференции, РГГУ, 30 сентября — 1 октября 2021 г. / Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021.

Белова Н.И. Реформа российского здравоохранения в оценках профессионального сообщества и населения // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019а.

Белова Н.И. Современное здравоохранение: состояние, тенденции, проблемы // Социальное развитие современного российского общества: состояние, проблемы, перспективы: Монография / Отв. ред. М.Б. Буланова. М.: РГГУ, 2019б.

Бизюков П.В. Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений. М.: Центр социально-трудовых прав, 2011.

Воробьева И.В. Протестный потенциал россиян и особенности его проявления в современной России // Социальное развитие современного российского общества: состояние, проблемы, перспективы: Монография. М.: РГГУ, 2019.

Всероссийское исследование, проведённое в рамках Проекта РНФ № 18-18-00024: июнь-июль 2021 г.; объем выборочной совокупности – 800 респондентов. Обследованию подлежали две группы интеллигенции: преподаватели вузов (400 респондентов) и работники организаций здравоохранения (400 респондентов). Опрос проведён в 22 субъектах РФ: Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Архангельская обл., Республика Коми, Тульская обл., Ярославская обл., Астраханская обл., Костромская обл., Воронежская обл., Ростовская обл., Саратовская обл., Республика Татарстан, Нижегородская обл., Краснодарский край, Ставропольский край, Республика Крым, Свердловская обл., Челябинская обл., Иркутская обл., Красноярский край, Хабаровский край.

Итоги социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации и развитие трудовых отношений в 2019 году. Центр мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. 2020. URL: http://industrialconflicts.ru/lib/71/itogi_sotsialno-trudovyh_konfliktow_w_rossiyskoy_fede.html (дата обращения 21.12.2021)

Итоги трёх месяцев мониторинга проблем, связанных с коронавирусом. Межрегиональный проект «Неочевидные жертвы коронавируса в России». URL: <https://coronavictims.ru/> (дата обращения 25.01.2022)

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная

монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.

Отраслевая справка МОТ: Кризис COVID-19 и сектор здравоохранения. 2020 URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_747870.pdf (дата обращения 30.01.2022)

Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. N 415 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования, в том числе в полном объеме, расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией». Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: <https://base.garant.ru/73837380/> (дата обращения 21.12.2021)

Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности /Под ред. Ж.Т. Тощенко. Коллективная монография. М.: издательство «Весь мир», 2021.

Рекомендация № 205. Рекомендация о занятости и достойном труде в целях обеспечения мира и потенциала противодействия. Международная организация труда. 2017 URL:https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_561474.pdf (дата обращения 30.01.2022)

Тощенко Ж.Т., Белова Н.И. Здравоохранение: оптимизация или деформация // Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020.

Трудовой кодекс РФ. Статья 413: Незаконные забастовки. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: https://base.garant.ru/5218620/5029d908e48fa3207f4534a89c093b4f/#block_41309 (дата обращения 25.01.2022)

Трудовые протесты в российском здравоохранении в 2019 г. и первом квартале 2020 г. Мониторинг трудовых протестов (МТП). URL: <http://www.trudprotest.org/2020/05/13/>(дата обращения 21.12.2021)

Средний медицинский персонал в период пандемии: трудовой энтузиазм и финансовые стимулы¹

Е.В. Фадеева

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (г. Москва)

По данным ВОЗ, средний медицинский персонал – наиболее многочисленная категория работников в кадровой структуре здравоохранения (59%) [Доклад о состоянии сестринского..., 2020] и фундамент любой системы оказания медицинской помощи населению. Медсестры традиционно оказывают жизненно важные услуги на всех уровнях системы здравоохранения, а сегодня стоят на переднем крае борьбы с пандемией COVID-19 [ВОЗ и ее партнеры призывают..., 2020].

В начале 2020 г. нехватка среднего медицинского персонала в России оценивалась в 120 тыс. человек [Минздрав заявил о нехватке..., 2020]. В целом, в последние годы в отрасли наблюдается постоянное сокращение численности данной категории медицинских кадров [Здравоохранение в России..., 2021], что связано с изменением возрастной структуры этой профессиональной группы в сторону старения при низкой заинтересованности молодых специалистов в трудоустройстве в государственный сектор здравоохранения ввиду интенсификации труда на фоне невысокого уровня его оплаты. И пандемия лишь усугубила положение: медицинские кадры стали «выпадать» из работы еще и ввиду заболеваемости.

Ситуация усугубляется усталостью медиков от работы в условиях пандемии: почти треть медсестер из «красных зон» и около 1/5 работающих в «зеленых зонах» признались в том, что они близки к принятию решения об увольнении [Костарнова Н. Медицина..., 2021]. В период эпидемии у врачей и среднего медицинского персонала, оказывающих помощь пациентам с COVID-19, по сравнению с работниками, оказывающими помощь другим категориям больных, зафиксирован бо-

1 Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

более высокий уровень всех показателей психологического неблагополучия [Белова, 2021]. Согласно результатам опроса, проведенного весной 2021 г. исследовательским центром портала Superjob.ru [35% россиян сменили бы..., 2021], только чуть более половины медсестер заявили, что не поменяли бы свою профессию, если бы им предложили вновь сделать выбор, а четверть – уверенно сменили бы свою работу.

В этой связи перед обществом и государством встает крайне важный вопрос: как сохранить в отрасли имеющиеся медицинские кадры среднего звена и привлечь новые?

Анализ результатов опроса медицинских работников среднего звена по проекту «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества»² свидетельствует о весьма умеренном уровне удовлетворенности представителей среднего медицинского персонала своей работой: полностью удовлетворены 10,9% медработников среднего звена, не удовлетворены – 5,5%. Большинство респондентов (80%) проявили осторожность в оценке собственной работы: 44,5% – скорее удовлетворены, чем не удовлетворены; 35,5% – скорее не удовлетворены, чем удовлетворены.

В целом, можно отметить, что показатели удовлетворенности работой выше в группе представителей государственных медучреждений: абсолютно или скорее довольны своей работой более половины опрошенных, в то время как в группе респондентов из негосударственных организаций, наоборот, более половины совершенно или скорее не довольны своей работой. Интересно, что среди опрошенных работников коммерческих организаций никто не выразил полную удовлетворенность своей работой (в группе представителей государственных учреждений здравоохранения таких 12,9%).

Наиболее тревожащие средний медперсонал проблемы (см. табл. 1) – низкая оплата труда (55,5%); его плохая организация, неясность в оплате и плохие условия (20,9%, 20% и 19,1% соответственно). Среди проблем, которые в наибольшей степени волнуют представителей среднего медицинского персонала относительно места их работы, первое место, вне зависимости от формы собственности учреждения, в котором трудятся опрошенные, занимают вопросы низкой оплаты труда (58,1% – для работников государственных учреждений; 41,2% – для работников негосударственных организаций). Следующие по значимости проблемы для работников госмедучреждений – плохие условия труда и

2 Сроки проведения исследования – июнь-июль 2021 г.; 84,5% – сотрудники среднего звена государственных учреждений здравоохранения, 15,5% – негосударственных организаций.

организация труда, неясность в оплате – волнуют каждого пятого. Интересно, что в группе работников среднего звена коммерческих организаций проблематика плохой организации труда и неясности в оплате выглядят куда более злободневными: около 30% опрошенных акцентируют внимание на этих проблемах.

Таблица 1. распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы, в первую очередь, Вас волнуют по месту работы (в Вашей организации)?» (% от числа опрошенных)

	СМП	Государственное учреждение	Частная организация
Неясность в оплате труда	20,0	18,3	29,4
Низкая оплата труда	55,5	58,1	41,2
Нет нормальных отношений с руководством	9,1	8,6	11,8
Работа не нравится (однообразный, неинтересный труд)	6,4	4,3	17,6
Отсутствии социальных льгот	9,1	7,5	17,6
Отсутствии медицинского обслуживания	0,9	1,1	0,0
Плохие взаимоотношения в коллективе	2,7	3,2	0,0
Нет перспективы в работе, профессиональной карьере	15,5	15,1	17,6
Опасение потерять работу	10,0	9,7	11,8
Плохие условия труда	19,1	19,4	17,6
Плохая организация труда	20,9	19,4	29,4
Отдаленность работы от дома	16,4	17,2	11,8
Другое мнение	0,0	0,0	0,0
Затруднились ответить	11,8	11,8	11,8

Источник: Исследование, выполненное при поддержке РНФ в рамках проекта № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

Самыми важными в своей работе средний медперсонал считает оплату (77,3%) и условия труда (54,5%). Вне зависимости от формы собственности учреждения, в котором трудятся информанты, оплата труда является для них первостепенным вопросом (см. табл. 2). При этом условия труда в гораздо большей степени волнуют представителей государственных учреждений здравоохранения, чем коммерческих (58,1% против 35,3%).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в работе, которой Вы заняты?» (% от числа опрошенных)

	<i>СМП</i>	<i>Государственное учреждение</i>	<i>Частная организация</i>
Оплата труда	77,3	77,4	76,5
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	30,9	32,3	23,5
Условия труда	54,5	58,1	35,3
Полезность работы для общества	32,7	34,4	23,5
Организация труда	24,5	28,0	5,9
Близость работы к месту жительства	26,4	28,0	17,6
Возможность быть в коллективе	8,2	8,6	5,9
Возможность занимать определенное положение в обществе	6,4	7,5	0,0
Другое	0,0	0,0	0,0
В работе все важно	10,0	7,5	23,5
Затруднились ответить	0,0	0,0	0,0

Источник: Исследование, выполненное при поддержке РФФ в рамках проекта № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

Финансовая мотивация медицинских сестер объяснима: наравне с младшим медицинским персоналом это одна из самых низкооплачиваемых категорий медицинских работников [Нечаева, 2020]. Результаты исследования, проведенного в октябре 2018 г. с медицинскими работниками среднего звена лечебного учреждения г. Москвы ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Буназяна ФМБА России, также свидетельствуют о том, что наиболее важным мотивом к трудовой деятельности являлась достойная заработная плата.

С наступлением пандемии мотивация и ценностные ориентации среднего медицинского персонала, работающего непосредственно в очаге заражений, несколько трансформировались. Результаты исследования, проведенного в 2020 г. (т.е. на начальных этапах пандемии), свидетельствуют о личной вовлеченности среднего медицинского персонала в работу в непривычных и даже опасных условиях. На вопрос: «По какой причине Вы пошли работать в инфекционный стационар?», большинство опрошенных (69%) ответили, что их мотивировало желание быть полезным [Нечаева, 2020].

Однако, как видно из общих данных, полученных по группе медработников среднего звена по опросу проекта «Прекариат» в 2021 г., в условиях затянувшейся пандемии полезность работы для общества и ее предметность (чтобы работа была интересной по своему содержанию) становятся менее существенными для медицинских работников среднего звена: лишь треть опрошенных заявила о том, что служение людям и желание быть полезным имеет для них большое значение. В то же время наблюдается значимый перевес по этим позициям в группе медицинских работников среднего звена государственных учреждений: работа должна быть интересной по содержанию для 32,3% опрошенных из госмедорганизаций (и 23,5% сотрудников негосударственных организаций) и полезной для общества (34,4% против 23,5%).

Таким образом, спустя полгода с начала распространения COVID-19, мы наблюдаем усиление интереса медиков к финансовым стимулам мотивации труда.

Вместе с тем можно отметить, что результаты исследования слабо стыкуются с заявленными мерами поддержки работников отрасли в 2020-2021 гг. Опрошенные медработники утверждают, что за время пандемии практически каждый десятый из них столкнулся с уменьшением заработной платы, увольнением и/или был отправлен в неоплачиваемый отпуск. И хотя в большей мере эти процессы были характерны для негосударственных медучреждений, тем не менее, в ситуации пандемии и на фоне и без того процветающего дефицита трудовых ресурсов в здравоохранении, наличие дополнительных факторов, осложняющих функционирование отрасли, представляется, по меньшей мере, алогичным.

Ожидания части среднего медперсонала относительно ближайших перспектив выглядят тревожно: 23,6% опрошенных предполагают «урезание» заработной платы в скором времени (хотя 59,1% уверены, что этого не произойдет в скором времени); 15,5% предвидит сокращение штатов (65,5% за вариант «этого не случится в ближайшее время») и трудовые конфликты (53,6% не верят в перспективу таких событий). Каждый десятый прогнозирует переход на сокращенный рабочий день/неделю в обозримом будущем и/или уход в неоплачиваемый отпуск. Что может объясняться сложностью для этой группы людей к адаптации в столь стремительно изменяющихся условиях турбулентного мира.

Литература:

Белова Н.И. Медицинские работники в период пандемии Covid-19: социально-профессиональные риски и угрозы // Интеллигенция в новой реальности: сборник статей XXII Международной теоретико-методологической конференции, РГГУ, 30 сентября – 1 октября 2021 г. / Под общ. редакцией Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Е.А. Колосова. РГГУ, Социологический факультет, Центр социологических исследований. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2021. С. 189-195.

ВОЗ и ее партнеры призывают к безотлагательному вложению средств в развитие сестринского дела // ВОЗ. 2020. 07 апреля. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/07-04-2020-who-and-partners-call-for-urgent-investment-in-nurses> (дата обращения: 20.01.2022)

Доклад о состоянии сестринского дела в мире, 2020 г.: Вложение средств в образование, рабочие места и лидерство // ВОЗ. 2020. 06 апреля. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331677/9789240004924-rus.pdf> (дата обращения: 20.01.2022)

Здравоохранение в России. 2021: Стат.сб./Росстат. М., 3-46. 2021. 171 с.

Костарнова Н. Медицина просит помощи // Коммерсант. 2021. 01 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5060180> (дата обращения: 20.01.2022)

Минздрав заявил о нехватке около 120 тыс. человек среднего медперсонала // Коммерсант. 2020. 26 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4268651> (дата обращения: 20.01.2022)

Нечаева Е.О. Изменение профессиональной мотивации среди сотрудников среднего медицинского персонала в пандемию // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 75-78.

35% россиян сменили бы род деятельности, если бы можно было выбрать профессию снова // Исследовательский центр портала Superjob.ru. 2021. 07 апреля. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112774/35/> (дата обращения: 20.01.2022)

Развитие мотивации и самоидентификации в процессе обучения будущих интеллектуалов – профессионалов сферы государственного управления

С.И. Бойко

кандидат политических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Мотивация – психофизиологический процесс, задающий вектор поведению человека в социуме, формирующий и развивающий его активность с целью удовлетворения личных потребностей в координации с групповыми и общественными интересами. Соответственно, возникает проблема организованного формирования направленности потребностей. У студента – воспитания мотиваций, соответствующих роли в социуме гражданина с высшим профессиональным образованием, а если и когда сферой деятельности будет государственное управление, то вектор целеполагания должен стать направленным на соблюдение национальных и государственных интересов в первую очередь.

Совершенно очевидно, что мотивация возникает в процессе взаимодействия личности с окружающим миром, и не автоматически, поэтому мотивацией необходимо целенаправленно управлять, развивая одновременно не только профессиональные, но и личные качества у будущего интеллектуала, готовящегося служить государству и обществу.

Самоидентификация возникает как результат социализации, национальной, культурной и политической идентификации личности под воздействием воспитания (внешней среды) и оценочного отношения человека к самому себе. Это, в основном, социально и психологически мотивированное состояние, определяющее поведение человека в социально-политическом пространстве. Процесс самоидентификации в философии, социологии, политологии, а также в психологии достаточно изучен. Но проблема самоидентификации применительно к государству, к обучению будущего специалиста государственного управления, профессионала с интеллектуальными способностями, который априори не может быть настроен оппозиционно не только к стране, но и к

политическому режиму, к государству – это проблема, которая объективно предусматривает идеологическое, воспитательное сопровождение с участием социологов и психологов, и она в междисциплинарных научных исследованиях представлена и обоснована не в полной мере.

Для устойчивого и динамичного функционирования институтов государства необходима эффективная система целенаправленного сопровождения обучения профессионально подготовленных, интеллектуально развитых специалистов государственного управления формированием системы социальных и идеологических личных взглядов, ориентированных на устойчивое существование национального государства. Этого требует современная, идеологически многообразная и конкурентная, турбулентная среда существования государства и гражданского общества.

В процессе преподавания политологии и смежных дисциплин будущим специалистам государственного и муниципального управления и политического менеджмента в РГГУ преподавателям регулярно приходится сталкиваться с тем, что студенты, выходящие из, казалось бы идентичных социальных групп, совершенно противоположным образом позиционируют себя в социуме и в отношениях к институтам государства, по-разному оценивают деятельность органов государственной власти. В то время как для будущих специалистов государственного управления явно необходима, помимо естественной для молодых критическая оценка, но и адекватная для государственных интересов идеологическая самоидентификация и профессиональная мотивация на удовлетворение, первую очередь, запросов граждан и государства, а не своих личных потребностей. Государственное управление – не институт удовлетворения личных материальных мотиваций, идущих вразрез с общенациональными интересами. В этом принципиальное отличие от бизнеса. Поэтому представляется оптимальным в процессе преподавания для будущих специалистов сферы государственного управления на конкретных примерах (предпочтительнее, не прямолинейно) доводить мысль о том, что в противоположном случае (первенство личных интересов) следует выбирать другую профессиональную стезю, не связанную с государственным управлением, со служением государству.

Государство как институт социальной системы отличает один из основных признаков – наличие выделенного из социума и взаимодействующего с ним аппарата государственной власти и управления. Это особая группа граждан, основной деятельностью которых является выполнение властных, распорядительно-исполнительных полномочий и функций. Они не производят ни материальных, ни духовных благ, они

организуют жизнедеятельность государства и гражданского общества. Государственные должности эти люди занимают в результате избрания, или назначения согласно законодательным процедурам. Великий немецкий социолог М. Вебер утверждал, что «три качества являются для политика и государственного управленца «решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер» [Вебер, 2018: 307]. Страсть (по М. Веберу) – в смысле ориентации на существо дела – сделает ответственность именно перед государственным делом главной путеводной звездой деятельности политика (государственного служащего), а для этого ему необходимо психологическое качество – глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием учитывать реальное положение дел и социально-политическую обстановку, «требуется дистанция по отношению к вещам и людям. «Отсутствие дистанции», только как таковое. – один из смертных грехов всякого политика... Политика «делается» головой, не какими-нибудь другими частями тела и души» [Вебер, 2018: 307-308].

Естественной становится проблема воспитания государственных управленцев, способных создать и применять на практике последовательную, эволюционную систему социально-экономического устойчивого развития государства и собственно институтов государственного управления. Однако в современной российской высшей школе выполнение функции идеологического воспитания, в ограниченной и завуалированной форме проявляется при преподавании социальных и гуманитарных наук, связано с ограничениями и субъективно-психологическими проблемами, обусловленными действующим конституционным запретом на государственную идеологию, запретом на идеологическую работу в трудовых коллективах. Великий российский философ Ильин И.А., изгнанный большевиками в 1922 г. из советской России, в 1953 г. опубликовал статью «О воспитании в грядущей России», с пророческими словами: «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный – и начинает злоупотреблять ... Формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [Ильин, 1993: 212].

Уважительное и бережное отношение к истории своего народа и государства является неотъемлемой составляющей социологического, идеологического и психологического сопровождения профессионального образования новых поколений будущих интеллектуалов сферы государственного управления, и примером в этом может быть белорус-

ский опыт организации сопровождения профессионального обучения в высшей школе идеологическим и патриотическим воспитанием, мотивацией к идентификации будущих государственных служащих с национальными интересами [Полещук, Сутович, 2015: 810-814]. В России только после введения санкций государствами коллективного Запада в 2014 г. и исчезновения иллюзий об однополярном и социально-экономически равноправном мироустройстве в российском информационном пространстве обострились дискуссии о целесообразности не только профессиональной подготовки, но и воспитания идеологически национально ориентированных будущих интеллектуалов для государственного управления и будущих политических руководителей. Как будто не было понятно, что мотивация и идентификация управляющих обществом и государством интеллектуалов в конкурентном политическом пространстве является главным объектом идеологической конкуренции. Результатом проигрыша может быть проблема суверенитета государства, ориентация и мотивации значительной части общества на достижение только личных целей, часто противоречащих государственным и общенациональным интересам. В российском интеллектуальном социуме с переменной интенсивностью идет дискуссия о гражданском патриотизме, о том, что «существует реальная опасность манипулирования чувствами людей, настроениями общества в интересах элитных групп. Психологические основания такого перерождения – предмет изучения политической психологии» [Бардин, 2017: 600]. Следовательно, интересы высших социальных слоев общества не должны находиться в системном противоречии с национальными и общегосударственными. Возникает следующая системная проблема для сферы высшего образования – воспитание национальных и патриотически ориентированных интеллектуал, элиты государства. Одновременно правомерен вопрос о самоидентификации и мотивациях будущих преподавателей университетов, профессиональная подготовка которых объективно должна иметь соответствующее государственным интересам идеологическое и социально-психологическое сопровождение в процессе обучения в аспирантуре.

В сфере государственного управления, на государственной службе, в исполнительной ветви власти, политическая оппозиционность не приемлема: не согласен – не служи. Если индивидуум настроен и мотивирован на политическую деятельность и мотивирован быть в оппозиции действующему политическому режиму, то ему не место на государственной должности и профессиональное обучение для исполнения обязанностей государственной службы такому интеллектуалу не нужно. Если же такой индивидуум уже является государственным

служащим, то честная и последовательная позиция для него – оставить государственную службу и заниматься оппозиционной политической и партийной деятельностью вне институтов государственного управления, за исключением работы в законодательных (представительных) органах власти, что в демократическом политическом режиме – нормальное явление.

При анализе мотиваций к работе в должности сферы государственного управления целесообразно со студентами провести дискуссию о путях карьерного продвижения на государственной службе. Когда высшие должности получают по заслугам, в результате профессиональных конкурсов, систем кадровых резервов, проявленной эффективности на государственной службе. Принципы меритократии в положительном смысле термина – по заслугам – ни в одном государстве никто не может заменить другими без отрицательных последствий для государственного аппарата управления. В транспарентном информационном пространстве использование сетевых коммуникаций носит многовекторный, противоречивый, часто контрпродуктивный и антигосударственный характер в формировании будущих интеллектуалов государственного управления. Российский политолог проф. Грачев М.Н., исследуя особенности использования сетевых коммуникаций в воспитании мотиваций у высших социальных групп, обосновал положение: «В современных государствах, а зачастую и в местных сообществах, где властно-управленческие функции в соответствии с принципами представительной демократии делегируются различным выборным органам, у людей нередко возникает чувство отчуждения от решений, затрагивающих непосредственную жизнь отдельно взятого человека ... Одним из перспективных способов преодоления такого отчуждения видится соединение возможностей сетевых технологий с механизмами делиберативной, или «совещательной» демократии, делающих акцент на роли общественных дискуссий в формировании общей основы для понимания существующих проблем и дальнейшего достижения политического консенсуса» [Политическое проектирование..., 2016: 84]. Иначе говоря, будущего интеллектуала, работающего в сфере государственного управления, необходимо обучать не только интернет-технологиям, но и взаимодействию с гражданами, обучать публичному административному исполнению должностных обязанностей, готовить к дискуссиям, к тому, что вся его личная жизнь будет транспарентной и будет постоянно критически оцениваться гражданским обществом, а не только вышестоящими руководителями.

Мотивации будущего специалиста государственного управления не должны быть обусловлены в первую очередь личными материаль-

ными и политическими интересами. Результатом оптимальной организации процесса обучения в должно стать твердое убеждение, что личное благополучие должно быть следствием высокого профессионализма, эффективного исполнения должностных обязанностей основано на благополучии национального государства и общества.

Анализ проблем, возникающих при обучении будущих специалистов государственного аппарата управления всех уровней, показал, что психологическое сопровождение и методы политической психологии, используемые в образовательном процессе, подтверждают свою практическую актуальность, что их необходимо использовать при формировании кадрового резерва государственной службы.

Организация обучения и научные исследования проблем государственного управления должны быть национально ориентированы, в высшей школе должны быть способны предлагать адекватные конкретной ситуации практические способы активизации вовлечения интеллектуалов в национальную политику и государственное управление именно с целью служения национальным государственным интересам.

Привлекательность государственной службы для интеллектуала с высшим образованием должна быть обоснована не личным материальным интересом, а воспитанием, мотивацией и престижностью служения своему Отечеству, здоровым патриотизмом, адекватной идеологической самоидентификацией. Обоснована пониманием, что личное благополучие – производное от благополучия государства и общества, от устойчивого национального социально-экономического развития и политической стабильности.

Материальное стимулирование и социальные лифты профессионалов сферы государственного управления должны находиться в строгой корреляции с эффективностью исполнения должностных обязанностей, с публичной оценкой результатов их деятельности гражданским обществом и большинством политически активных граждан национального государства. Многочисленные проблемные вопросы, связанные с мотивацией и идентификацией кадрового резерва, с качеством функционирования профессионального аппарата государственной власти, должны подтверждаться не только интеллектуальным уровнем и профессиональной подготовкой, но и формированием соответствующей государственным интересам мотивации и идентификации, что предполагает совершенствование современной организации системы образования, социально-психологического и идеологического сопровождения образовательного процесса специалистов всех уровней сферы государственного управления.

Литература:

Бардин А.Л. Патриотизм. // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. – 992 с.

Вебер М. Власть и политика / Макс Вебер; [пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; комм. Т.А. Дмитриева, А.Ф. Филиппова]. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 432 с.

Ильин И.А. О грядущей России : Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. – М. : Воениздат, 1993. – 368 с.

Полещук Ю.А., Сутович Е.И. Военные мемуары как источник патриотического воспитания молодежи // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Москва, РУДН, 15-17 апреля 2015 г. / науч. ред. В.И. Казаренков. – Ч.2. – М. : РУДН, 2015. С. 810-814.

Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения: монография / Л. Е. Бляхер [и др.]; под ред. М. Н. Грачева, Н. А. Борисова. – М.: Мир философии, 2016. – 464 с.

Ценностные критерии выбора места трудоустройства будущих выпускников вузов

И.А. Гагиева

кандидат социологических наук, доцент
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Одним из наиболее актуальных исследовательских вопросов, лежащих в плоскости изучения жизненных стратегий молодой интеллигенции, является диагностика подходов к выстраиванию карьерно-профессиональной траектории выпускников вузов, находящаяся во взаимозависимости с выбором ими места трудоустройства.

Согласно ряду исследований, после выпуска большинство студентов достаточно быстро находит работу, однако, в трети случаев эта работа не соответствует профилю полученного образования [Чердниченко, 2018: 99]. Тому есть целый ряд объяснений и обоснований, которые лежат, во-первых, в экономической плоскости: молодежь хочет иметь высокий уровень дохода сразу после выпуска из вуза, не имея для этого достаточного профессионального опыта, поэтому зачастую трудоустраивается на высокооплачиваемую, часто бесперспективную работу, не требующую высокого уровня квалификации и часто не совпадающую с профилем их образования. Во-вторых, далеко не все выпускники вузов планируют работать в соответствии с полученной профессией еще на этапе выбора вуза. В-третьих, не всегда ожидания от профессии в ходе ее выбора перед поступлением в вуз совпадают с реальной ситуацией, которая осознается в ходе прохождения разных видов учебной практики. Существует еще целый ряд причин, которые описываются и анализируются современными социологами. Однако мы остановимся на ценностной природе выбора места трудоустройства выпускников вузов, на тех критериях, по которым они этот выбор делают, определив их ценность через значимость.

С целью диагностики различных факторов, определяющих выбор выпускниками места трудоустройства, автором был проведен опрос

среди студентов РАНХиГС «Трудоустройство студентов Президентской академии: условия и факторы» (N= 18 392) [Гагиева, 2021: 61].

В ходе исследования мы сформулировали ряд критериев выбора места трудоустройства, которые по результатам опроса были объединены в несколько групп по единому основанию. Остановимся на каждой из них. Заметим, что в каждой группе есть наиболее значимые и наименее значимые ценностные критерии, сформулированные по одному и тому же основанию, что представляет для нас большой интерес в части формирования мотивирующей среды вуза для трудоустройства молодежи.

В первую группу ценностных критериев, самую малочисленную и, вместе с тем, наиболее значимую для респондентов, входят два критерия: перспективы карьерного роста (67%) и высокая оплата труда в перспективе (64,5%). Мы назвали эту группу – группой карьерных установок.

Вторую группу мы обозначили как группу условий профессионального развития (Рис. 1).



Рисунок 1. Распределение оценок респондентами важности признаков, входящих в группу условий профессионального развития, %

Наиболее важным критерием в данной группе является: возможность совершенствования своих профессиональных навыков, которая является наиболее важным критерием при подборе места работы для 60,5% респондентов. Следующей по важности в данной

группе является возможность создать достойную профессиональную репутацию (59,7%). Достаточно высокой важностью более чем для половины респондентов (57,8%) обладает возможность учиться у интересных людей, в то время как возможность учиться у руководителя является не таким важным аргументом при подборе работы (45,7%). Вероятно, такая недооценка обучающего потенциала возможного руководителя связана с небольшим, а чаще всего – нулевым – опытом работы и взаимодействия с руководством и, как результат, незнанием менторского потенциала руководителя.

На последнем месте по значимости среди ценностных критериев выбора места работы в рамках данной группы стоит возможность дополнительно изучать иностранный язык (повышать имеющийся уровень или изучать новый язык) (45,3%). Такая позиция данного критерия связана со сложным отношением к изучению языков у студентов в связи с недостаточно высоким уровнем его владения у многих студентов, в первую очередь, в регионах.

Третья группа ценностных критериев определена нами как группа условий для самореализации (Рис. 2).



Рисунок 2. Распределение оценок респондентами важности признаков, входящих в группу условий для самореализации, %

Здесь на первом месте стоит, конечно, желание получать удовлетворение от работы, которое демонстрируется большинством респондентов (67%). Следующим по значимости условием выбора места работы в рамках данной группы критериев является возможность профессиональной самореализации, высокую важность которой указали 60,8% респондентов. Значимость следующих критериев значительно ниже предыдущих. Так, возможность творческой самореализации определили как высоко значимую лишь половина респондентов (50,9%). Думается, что такой процент является даже весьма высоким для будущих профессий выпускников.

Менее половины респондентов считает важным условием при выборе работы возможность проявлять инициативу в рабочих вопросах (49%) и, одновременно, возможность выполнять четко поставленные задачи (48,3%). Еще меньше доля респондентов, считающих для себя высоко значимой возможность принимать самостоятельные решения по рабочим вопросам (46,3%) и возможность реализовать полученные в вузе знания, умения, навыки (45,9%). Заметим, что такие ответы говорят лишь о расстановке приоритетов, но не о способности или неспособности выпускников вуза реализовывать полученные знания либо самостоятельно принимать решения. Более того, диагностика полученных компетенций не являлась задачей данного исследования.

Четвертая группа, на наш взгляд, объединяет ценностные критерии ориентации будущих выпускников вуза на результат их деятельности (Рис. 3).



Рисунок 3. Распределение оценок респондентами важности признаков, входящих в группу ориентации будущих выпускников Академии на результат их деятельности, %

Первое, на что хочется обратить внимание в ходе анализа, это изначально заметно низкая значимость всех критериев востребованности конкретного места работы, вошедших в данную группу, по сравнению с критериями предыдущих групп. Так, наиболее значимым критерием в данной группе является польза от результатов своего труда потребителям, которая является определяющей при выборе места работы лишь примерно половиной респондентов (51,9%). Несколько ниже значимость следующего критерия: возможность изменять ситуацию, реализовывать что-то новое (48%). Менее половины опрошенных в ходе исследования студентов Академии считают для себя высоко значимой возможность приносить пользу людям, отдельным социальным группам (45,4%), возможность нести ответственность за качество результатов своего труда (43,7%). Еще меньше респондентов высоко оценили возможность влиять на людей (41,9%) и возможность передавать свой опыт другим (41,4%).

Наименее важными критериями здесь являются зависимости

размера оплаты труда от эффективности принятых решений (40,5%) и от количества выполненной работы (40,1%). Заметим, что в данной ситуации речь идет даже не столько об ориентации на результат в чистом виде, сколько об ориентации на схему оплаты труда, которая оказалась для них наименее важной.

К пятой, немногочисленной, однако не менее значимой группе ценностных критериев относятся возможности для выстраивания различных коммуникаций (Рис. 4).



Рисунок 4. Распределение оценок респондентами важности признаков, входящих в группу возможностей для выстраивания различных коммуникаций, %

Очевидно, что коммуникационные возможности являются весьма важными для наших будущих выпускников, поскольку возможность иметь широкий круг общения с различными экспертами, как высоко важный, оценило более половины респондентов (56,3%); возможность иметь широкий круг общения с коллегами, занимающими в организации аналогичные позиции является важной для половины респондентов (49,7%). В целом общность интересов с коллегами важна лишь для 40,9% респондентов.

Последней, шестой группой ценностных критериев является организация условий работы. Причем, сюда попали самые разные условия: от условий организации рабочего места до дополнительных условий формирования новых навыков. Остановимся предметно на

каждом из них. (см. Табл. 1)

Таблица 1 Распределение оценок респондентами важности при выборе работы признаков, входящих в группу организации условий работы, %

Суждения «Что для вас является значимым, важным признаком при выборе места работы?»	Совсем не важно	Скорее не важно	Важно наполовину	Скорее важно	Очень важно
1. Безопасные условия труда	11,2	2,8	10,3	13,2	62,5
2. Комфортное рабочее пространство	10,8	2,5	10,4	17,2	59,1
3. Иметь достаточно времени для организации личной жизни	11,2	3	12,8	17	55,9
4. «Переработки» только по согласию с работником, которые оплачиваются дополнительно	12,6	3,7	15,4	17,6	50,7
5. Гибкий рабочий график	12,4	4,1	18	18,5	46,9
6. Возможность работать дома в рабочее время (удаленно)	12,8	4,8	19,3	17,2	45,9
7. Возможность дополнительно обучаться в пределах организации (корпоративное обучение)	12	4,2	18,6	19,6	45,6
8. «Белая» заработная плата	14,8	4,6	17,4	18,3	45
9. Высокая оплата труда сейчас	12,6	3,2	17,7	22,2	44,3
10. Минимальное время в пути до работы	12,7	4,7	21,3	17,7	43,5
11. Престижность данного места работы	12,4	3,6	17,2	23,8	43,1
12. ДМС (добровольное медицинское страхование)	14,3	4,6	20,6	17,7	42,7

13. Возможность практиковать иностранный язык	16,4	6,6	19,6	16,7	40,7
14. Нормированный рабочий день	15,4	5,6	23	18,4	37,7
15. Возможность выезжать в командировки	17,1	7	22,7	17	36,2
16. Наличие спортивной инфраструктуры, доступной для посещения работниками	18,6	7,6	22,7	15,9	35,1
17. Возможность работать в коллективе, где большинство составляют работники вашего возраста	16,1	7,6	25,8	17,2	33,3
18. Гендерный баланс в коллективе	28,3	8,8	23,2	12,4	27,2

Согласно результатам нашего исследования, основным условием организации работы являются безопасные условия труда (62,5%), а также комфортное рабочее пространство (59,1%), что вполне логично объясняется положениями теории иерархии потребностей А. Маслоу.

Отдельный блок в рамках группы критериев «условий» касается организации времени: совмещения рабочего и нерабочего времени. Так, более чем половина респондентов хочет иметь достаточно времени для организации личной жизни (55,9%), на их взгляд, «переработки» должны оплачиваться дополнительно и могут быть допустимы лишь по согласию с работником (50,7%); менее чем для половины опрошенных особо важен гибкий рабочий график (46,9%) и возможность работать дома в рабочее время (удаленно) (45,9%).

Незначительной важностью для респондентов обладают возможность дополнительно обучаться в пределах организации (корпоративное обучение) (45,6%), наличие «белой» заработной платы (45%), минимальное время в пути до работы (43,5%), престижность данного места работы (43,1%), наличие ДМС (добровольное медицинское страхование) (42,7%), возможность выезжать в командировки (36,2%), а также наличие спортивной инфраструктуры, доступной для посещения работниками (35,1%).

Наименее важными оказались демографические характеристики коллектива: «большинство коллектива составляют работники вашего возраста» (33,3%) и гендерный баланс в коллективе (27,2%).

С целью проведения сравнительного анализа значимости совокупных групп ценностных критериев для респондентов были

определены их средние значения. В итоге группы критериев распределились следующим образом (Рис. 5).

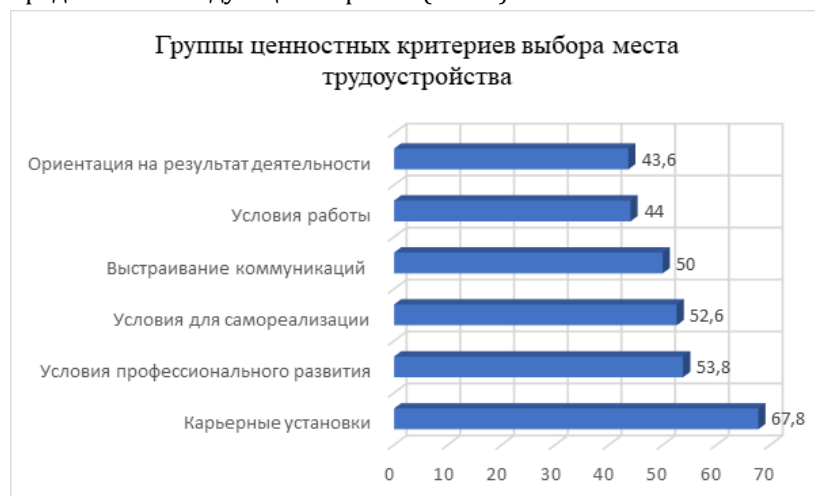


Рисунок 5. Распределение групп критериев выбора работы респондентами, %

На первом месте находятся критерии, входящие в карьерные группы установок; их обозначили как особо важные 67,8% респондентов (в среднем). Близки по важности друг другу критерии, вошедшие в группу условий профессионального развития (53,8%) и условий для самореализации (52,6%). Ровно половина опрошенных в ходе исследования студентов (50%) говорит о том, что для них важным критерием при подборе места работы является потенциальная возможность выстраивания различных коммуникаций.

Менее всего важны для респондентов критерии, входящие в группу «условия работы» (44%) и «ориентация на результат деятельности» (43,6%).

Очевидно, что совокупно ответы респондентов на вопросы, касающиеся критериев выбора места работы, лежат в ценностной плоскости, поскольку демонстрируют значимость каждого отдельного критерия при выборе выпускником места работы. Такие ценностные ориентации объясняются стремлением молодежи к развитию, к достижению новых высот как профессиональных, так и финансовых, что похвально. В то же время в некоторых условиях студенты могут несколько пренебречь условиями организации труда: они в целом не так важны, как карьерные перспективы и перспективы развития. Однако

настораживает тот факт, что на самом последнем месте среди критериев выбора выпускниками места трудоустройства стоит группа ценностных критериев, объединяющих характеристики ориентации на результаты труда. Такие результаты демонстрируют необходимость в организации профориентационной работы с будущими выпускниками, нацеленной не только на разъяснение профессиональных перспектив профессий, но и на формирование ценности результатов профессиональной деятельности молодой интеллигенции.

Литература:

- Бирюкова А. . Производственная практика в университете как стратегия трудоустройства молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 61-77.
- Газиева И.А., Бурашникова А.А., Дзюба Д.И., Халитова В.И. [рукопись]. Массовый опрос студентов РАНХиГС «Трудоустройство студентов Президентской академии: условия и факторы», 6-14 декабря 2021 года, (N= 18 392). Отчет по результатам исследования. – М.: РАНХиГС, 2021. – 61с.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 114-122.
- Чередниченко Г.А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91-101. DOI: 10.31857/S013216250000764-3

Общественные (экспертные) советы: между экспертизой и лоббизмом

В.Ф. Левичева

доктор философских наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета
(г. Москва)

С.Л. Диманс

кандидат экономических наук, доцент
Московской государственной академии физической культуры
(п.г.т. Малаховка)

Всплеск научного интереса к исследованию феномена экспертизы произошел в конце 80-х годов прошлого века в связи с глобальным кризисом, охватившим практически все сферы общественной жизни. Выявляемые экономические, политические и социальные тенденции все реже оправдывались при их линейной экстраполяции в будущее. Политики разглядывали мир в калейдоскопе случайностей и увеличивали риски. Именно экспертиза становилась свидетельством о «другой» реальности, о которой они даже не подозревали.

Современная экспертиза встроена в систему общественных отношений как «отрасль интеллектуальных услуг» и включает в себя государственные, корпоративные (неправительственные) и частные исследовательские центры, аффилированные с государственными структурами, политическими партиями, религиозными, деловыми и общественными организациями. Со временем произошло обособление отдельных видов экспертизы – экологической, судебной, лингвистической, экономической, психологической, юридической и пр. Наряду с государственной экспертизой возникли независимые экспертные центры, объединенные, как правило, в рамках профессиональных ассоциаций.

Эксперты, находящиеся на службе у государства, как правило, объединены в советах, комиссиях и рабочих группах при органах законода-

тельной и исполнительной власти.

Можно говорить о существовании экспертного сообщества, которое способно вырабатывать научно-экспертное знание для решения ключевых проблем государства и общества. Постоянными и заинтересованными потребителями этого знания являются власть, бизнес и гражданское общество.

Остановимся на анализе деятельности российского экспертного сообщества в общественных советах при органах власти.¹ Именно в процессе государственной экспертизы происходит сложнейшее переплетение интересов власти, бизнеса и гражданского общества. Интерес часто становится центрообразующим фактором экспертизы, на который наслаиваются другие ее основания. Многие экспертные площадки буквально ангажированы лоббистами, продвигающими специальные интересы, или, по крайней мере, являются объектом их пристального внимания.

Со всей очевидностью лоббизм проявляется тогда, когда экспертный совет или группа состоит из специально отобранных и управляемых людей, продвигающих корпоративный интерес.

В то же время надо отметить, что экспертный лоббизм специальных интересов – это органическая составляющая постоянного публичного диалога между обществом и властью для выявления наиболее важных социальных, экономических и политических проблем и определения возможных и допустимых методов их решения совместными усилиями. В таком понимании лоббизм есть своего рода экспертиза, а экспертиза становится лоббизмом.

Поэтому мы рассматриваем лоббизм не просто как «давление» групп интересов на власть, в том числе посредством экспертизы, а как совокупность институциональных (формальных) и внеинституциональных (неформальных) норм и практик, регулирующих отношения между обществом и властью, с целью более полного учета всех интересов, существующих в обществе, и обмена информацией.

Предоставление экспертной информации само по себе не является лоббизмом, но может стать им. Эксперт как бы решает одну экспертную задачу трижды: 1) с позиции государственного заказчика, 2) учитывая аффилированную с ним (экспертом) группу интересов, 3) вынося суждение на основании общественного блага. Эти задачи далеко не всегда совпадают.

1. В статье не рассматривается экспертная деятельность РАН. Согласно Положению об осуществлении экспертных функций РАН, объектами академической экспертизы являются научно-технические программы и проекты, предусматривающие проведение научных исследований и разработок.

В любом случае, должность члена экспертного совета – практически всегда мощнейший лоббистский ресурс.

В среде управленцев распространено мнение о том, что хорошо и правильно информированный лоббист со временем становится экспертом. Очевидно, есть и обратная «закономерность»: востребованный эксперт может стать лоббистом. И лоббизм, и экспертиза, являются элементами социально-политической инфраструктуры общества, поэтому нет ничего удивительного в том, что экспертный совет «естественным» образом сводит на одной «площадке» субъект и объект лоббирования. Возникает так называемый «консалтинговый лоббизм», который считается легитимным взаимодействием групп интересов и представителей органов власти.

Согласно регламенту Госдумы, экспертные советы создаются при думских комитетах и фракциях с целью содействия в подготовке проектов федеральных законов. Так, при думском Комитете по охране здоровья их 12, при Комитете по финансовому рынку – 3, при Комитете по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству – 8, в том числе по вопросам государственного регулирования производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, при Комитете по транспорту – 13. Больше всего экспертных советов при Комитете Госдумы по образованию – 27². В Госдуме созданы и два персональных экспертных совета: один – при Председателе Госдумы, другой – при первом заместителе.

На основе советов создаются рабочие группы по экспертизе конкретных законопроектов, куда привлекаются на разовой основе специалисты со стороны.

В структурах исполнительной власти по количеству общественных (экспертных) советов лидирует Федеральная антимонопольная служба (ФАС), при которой создано 20 советов.

Независимые (негосударственные) экспертные центры также могут участвовать в интеллектуальной поддержке государственных решений, однако в основном они занимаются тем, что по заказу описывают состояние того или иного фрагмента экономической и социальной жизни, ведут его мониторинг (в виде аналитических отчетов и докладов), пишут рекомендации и т. п. Это нередко приводит к отождествлению понятий экспертизы и аналитики, что далеко не одно и то же.

По характеру деятельности, профилю производимой «продукции» и основным источникам финансирования государственная экспертиза находится в политическом пространстве. Работа в интересах политики. Примечательно, что чем более состав Госдумы пестрит фамилиями известных спортсменов, представителей корпоративных структур, тем больше и экспертных советов.

ческого класса – это главный критерий, который разграничивает экспертизу и академическую науку, прикладное и «чистое» знание. Многие эксперты активно участвуют в предвыборных кампаниях, помогая кандидатам на высокие посты сформулировать в своих программах реальные проблемы избирателей.

Связь между политическим классом и экспертным сообществом можно представить как своего рода интеракцию между двумя «корпорациями» с неконфликтующими, но и не совпадающими интересами. Причем дистанцию между собой обе стороны демонстрируют с различной степенью интенсивности. Правящая элита и контрэлита (если она есть) используют экспертов для поддержания устойчивости собственного положения в обществе и реализации своих политических проектов. Решение этих практических задач толкает ее к поиску «своих» экспертов, которым можно было бы доверять. Со своей стороны, многие представители экспертизы не заинтересованы в публичности своих связей с властью и часто в интересах поддержания своей репутации поддерживают видимость своей независимости.

Политически мотивированные решения могут быть вполне совместимы с научной обоснованностью и объективностью, но угроза потери экспертом независимости при работе в интересах политического класса достаточно серьезна. Но всегда встречаются и профессионалы, которым выгодно именно афиширование их связей с госструктурами.

В целом, риск политической элиты – достижение власти, риск экспертов – закрепление репутации. Заказчика из политического класса имиджевые и репутационные риски эксперта, как правило, не волнуют, поскольку для него важен сиюминутный результат. Однако низкое качество «заказной» экспертизы или ее очевидная корпоративная лоббистская направленность, может, в конечном итоге, угрожать и общим интересам политической элиты.

Идея о полезности передачи управления обществом интеллектуалам-экспертам восходит к античности. У Платона эта идея встречается в труде «Государство». По словам Жюль Делёза, без экспертного знания власть является бесформенным началом. «Знание и власть образуют собой ... неразделимую смесь» [Делёз, 2004: 130]. Славом Жижек термин «пост-политика» понимается как «власть экспертов». С другой стороны, известны слова Уинстона Черчилля: «Специалисты должны быть в распоряжении, а не распоряжаться» [Rogers, 2011: 115].

Многие современные политики власть экспертизы ограничивают технократическим решением политических проблем. Поскольку не очевидно, что обычные люди и их представители в парламенте могут самостоятельно найти эти решения, делается вывод о том, что общегосу-

дарственная система управления работает лучше, если выбор остается в руках тех, кто обладает специальными навыками и знаниями. Технократия обычно характеризуется принятием политических решений невыбранными должностными лицами, которые назначаются в соответствии с их профессиональным опытом [Sánchez-Cuenca, 2017].

Можно отметить случаи, когда руководители исследовательских центров и отдельные эксперты переходят в состав политической элиты в целях обретения власти и связанных с ней преференций, а политическая элита делегирует своих представителей в состав экспертного сообщества. Так, многие бывшие министры и замминистры приглашаются в состав общественных советов при министерствах или в состав экспертных советов крупных корпораций.

Для эксперта общение в пределах экспертных (общественных) советов, в том числе с высшими должностными лицами, создает не только видимость «хождения во власть», но и реальную возможность влиять на принятие государственных решений в интересах третьих лиц. Эти интересы зримо и незримо присутствуют во всех экспертных советах и окружают всех экспертов, в том числе и тех, которые не имеют сторонних интересов и искренне болеют за дело. В условиях, когда сиюминутный финансовый выигрыш может кратно превышать репутационные потери, до злоупотребления экспертным мнением остается один шаг.

Более того, и Правительство, и Госдума часто заказывают экспертизу независимым экспертным центрам. Эту работу на аутсорсинге нередко получают эксперты, аффилированные с организациями, которые на основе разработанной экспертизы впоследствии получают заказы, преференции, участвуют в тендерах и т. д.

Возникает вопрос: кто такой эксперт и что делает специалиста экспертом? Как происходит институционализация его статуса и формирование репутации вне институциональных рамок?

Эксперт в классическом понимании - это профессионал, обладающий знаниями, опытом и квалификациями, превышающими некий средний уровень и обеспечивающими необходимой информацией и оценками лиц, принимающих решения.

Однако эксперта нельзя рассматривать вне определенных социальных взаимодействий. Его идентичность формируется в контексте различных общественно-политических структур и социальных практик. По терминологии А. Вендта это не просто интеллеktуал, это «социальный агент».

То, что каналы поставки экспертов в публичную сферу испытывают на себе влияние социального окружения, отмечает Дж. Бурденсон, который ввел понятие «воспринимаемая экспертиза» для выделения важ-

ности внешних оценок деятельности экспертов. Вне социально-стратификационных маркеров невозможно корректное формулирование роли экспертов и экспертизы. Другими словами, для «производства» экспертов как публичных фигур (выдвижения, персонального согласования, утверждения, назначения, официальной презентации), их легитимизации в экспертном качестве, важен социальный контекст.

Эксперт – не тот, кто знает свое дело, а тот, кого знают как знающего свое дело³.

Экспертное сообщество – это заметная часть российской интеллигенции, причем идентификационные характеристики эксперта прямо совпадают с характеристиками интеллигенции как политической субкультуры. Различные новые версии бытия интеллигенции ничего в этом смысле не меняют. И интеллигенция, и экспертное сообщество не подразумевают четко очерченных институциональных границ. И те, и другие крайне фрагментированы. Существенно варьируются их политические ориентации и установки, профессиональная компетентность, электоральная активность, представления о гражданском долге, гражданская позиция и многое другое.

Именно через общественные (экспертные) советы при органах власти разного уровня интеллигенция институционально связана с государственными структурами и выполняет роль посредника между гражданским обществом и властью. Часть из профессионалов, особенно те, кто работает на Правительство, использует экспертизу как карьерный лифт.

Общие качества интеллигенции по-разному проявляют себя в экспертном сообществе. Само участие групп интеллигенции в экспертизах не вызывает сомнений, поскольку она обладает необходимыми социокультурными ресурсами для осуществления диагностики общественных проблем и может взять на себя роль «арбитра» и «медиатора». Идея о неизбежности сращивания власти и экспертизы также распространена именно среди интеллигенции (не только бюрократии), хотя статус эксперта, как и статус интеллигенции часто определяется «градусом оппозиционности».

Компетентность эксперта поддерживается закрытостью «экспертного мира». В ряде случаев экспертное сообщество солидарно отстаивает свою профессиональную автономию от непосвященных⁴. Такая солидаризация имеет неформальный характер и поэтому суще-

3. Особенно это характерно при формировании экспертной идентичности «медийных голов», которая конструируется в самом медийном дискурсе и для него. Довольно часто мы имеем здесь дело с псевдо-экспертами, которые лишь выступают в роли экспертов.

4. Это напоминает дилемму Альфреда Шютца: «человек с улицы» и «хорошо информированный гражданин» [Шютц, 2003].

ственно отличается в различных культурно-информационных средах. Она может принимать различные формы коллективной сплоченности, например, в форме диффузной «круговой поруки», аналогичной *esprit de corps*, характеризующей бюрократию [Merton, 1957].

Диффузная «круговая порука» в известной степени присуща и интеллигенции, удерживающей дистанцию от «непосвященных», невзирая на внутренние конфликты и расколы.

Следует отметить, что отношения между властью и субъектами профессиональных экспертиз, право быть экспертом при выработке публично-властных решений в России недостаточно институционализированы. Нет закона об экспертной деятельности и закона, регулирующего работу общественных и экспертных советов при органах власти и должностных лицах.

Право на экспертизу косвенно присутствует в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и в Регламенте Государственной Думы. С 2021 года в России действует Федеральный № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который, в частности, установил критерии отбора «внешних контролеров» в лице экспертов и экспертных организаций, а также их права, обязанности, порядок работы и ответственность. Существует Положение об экспертном совете при Правительстве Российской Федерации [Постановление Правительства..., 2021].

Однако все эти нормативные акты имеют локальное значение и не дают прямых правовых гарантий организациям и частным лицам на экспертизу и не обеспечивают правовую защиту участникам экспертизы.

Государственный реестр независимых экспертов Минюста, аккредитованных «на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» включает на данный момент 448 юридических лиц и 2833 физических [Государственный реестр..., 2022]. Однако их путь в экспертизу (отбор экспертов в советы) опосредован чисто административными процедурами и торгом за влияние на власть. Как член совета эксперт на некоторое время действительно получает некий суррогат власти, однако «заказчик» имеет неограниченные возможности прямого контроля его дальнейшей судьбы и репутации.

Этот, по сути, «административный рынок» экспертиз предельно персонифицирован. Даже при наличии четких критериев, по которым те или иные акторы могут быть признаны экспертами, или при всей очевидности их заслуг в профессиональном сообществе, окончательное

решение о том, кому быть, а кому не быть экспертом, остается за должностными лицами. Здесь также можно говорить о лоббизме, поскольку чиновник имеет ничем не ограниченные возможности выбирать, в том числе из тех, кто с гарантией обеспечит ему желаемый результат, способный укрепить его статус или политические позиции ссылкой на авторитет науки. В этих условиях отличить качественный «экспертный» продукт от его ангажированного или ординарного двойника бывает крайне сложно.

Например, либеральный погром российского образования в начале 2000-х годов пришелся на максимальное количество экспертных советов в окружении думского Комитета по образованию и вызвал рекордный объем экспертной «макулатуры», разработанной, в том числе, при участии зарубежных «фабрик мысли», которые представили свои догмы как объективно необходимые и неизбежные.

Нередки случаи, когда представители власти воспринимают подчиненные им экспертные советы как некий декоративный элемент принятия решений. Здесь уже срабатывает чисто бюрократическая логика – экспертиза заказывается не для того, чтобы ей следовать, и даже не для того, чтобы ее читать, а просто для того, чтобы она была. Особенно если «сверху» спросят, на каком основании приняты решения. Наличие экспертизы как таковой освобождает чиновников от обвинений в некомпетентности. В конечном итоге это создает реальную опасность маргинализации экспертного знания и вырождения экспертных площадок, поскольку продукты экспертиз освобождаются от серьезной проверки. Возможно, это одна из причин того, что творческий процесс экспертизы крайне поверхностно отражается в повестках и укороченных протоколах заседаний экспертных советов Государственной Думы и Правительства.

Дисфункция экспертизы связана также с отсутствием полноценной системы социально-профессиональных коммуникаций (своего рода «экспертного рынка»), осуществляющих «естественный отбор» экспертов и принуждающих переходить от абстракций к управленческой практике. Вместо экспертизы заказчик довольно часто получает «чистый дискурс» и тривиальность.

В экспертной среде можно выделить небольшое количество закрытых (корпоративных) экспертных групп, так называемую «экспертную элиту», имеющую эксклюзивные отношения с властью. Ее легко идентифицировать по артикулированной провластной позиции, обильному финансированию, наличию собственной клиентской базы и быстрому продвижению в СМИ. Как правило, в ее составе именно те, кого активно приглашают в экспертные советы при органах власти.

Есть и встречное движение. На время подготовки какого-либо законопроекта или решения заинтересованные компании, пользуясь неформальными отношениями с властью, отряжают в соответствующее профильное министерство или Госдуму свою экспертную «элиту», задача которой проводить там линию отрасли или конкретной компании. В этом случае можно говорить не только и не столько об экспертизе, сколько о лоббизме отраслевых и корпоративных интересов.

Условно независимые и вспомогательные экспертные группы, зарабатывающие на разовых грантах и редких тендерах, также критически зависят от прямого государственного заказа и оплачиваемых консультаций, поскольку их связь с бизнес-сообществом и гражданским обществом крайне слаба. При этом, как показывает практика, отсутствие вовлечённости далеко не всегда означает объективность.

Научно-экспертная поддержка законопроектной и другой деятельности органов власти – это огромный массив однородных социальных коммуникаций и практик, который может быть институционализирован. Отсутствие прямого закона об экспертной деятельности приводит к замещению отсутствующих институтов обилием неформальных связей. С одной стороны, это создает незримое неформальное профессиональное сообщество, достаточно гибкое, без жесткой иерархии и подчиненности, способное сформировать контекст необходимых решений. С другой стороны, отбор (фактически селекция) экспертов осуществляется не только по интеллектуальным компетенциям, но и по сугубо клиентским критериям, таким как родство, дружеские отношения, протекция, лояльность начальству, покладистость, велеречивость, отсутствие амбиций и т. п.

Чтобы понять структуру экспертизы как социального феномена надо знать, кто ее заказчик (департамент государственной службы, политическая партия, коммерческая фирма, общественная организация), кто исполнитель (институт, лаборатория, центр, консалтинговая фирма, группа экспертов, отдельное лицо), что является предметом экспертизы, в чем состоят ее цель и задачи, с помощью каких технологий она будет осуществляться, каков характер экспертного заключения, каким образом будут использоваться результаты экспертизы. И, что немаловажно, на каких интересах будет основано экспертное заключение, или какие интересы будут в нем затронуты.

В методическом плане экспертиза представляет собой пошаговую реализацию определенного алгоритма. Например, Г. Хатано и А. Инагаки различают «рутинную экспертизу», направленную на быстрое и эффективное решение ограниченного круга стандартных задач, и «адаптивную экспертизу», предполагающую эффективную разра-

ботку ad-hoc стратегий для решения вновь встающих задач [Hatano, Inagaki, 1986]. Но, в любом случае, экспертиза включает в себя выявление проблемы, требующей решения, ее диагностику (идентификацию, атрибуцию, квалификацию), аналитико-прогностические разработки, сценарии и практические рекомендации, оценку (интерпретацию) последствий принимаемых решений (правовых и нормативных актов), информационное продвижение результатов экспертизы в общественном сознании и т. д.

Отдельной проблемой является так называемая гуманитарная экспертиза, оценивающая принимаемое решение с точки зрения ее последствий для общества и индивида. В российских условиях такая экспертиза часто ненадежна, что связано с чрезмерной эмансипацией гуманитарного знания от практической деятельности. Кроме того, в гуманитарных науках пока нет ясных и универсальных критериев, отделяющих подлинное знание от его суррогатов и фантазмов. К сожалению, университеты сегодня, в основном, заняты коммерциализацией образования и не могут служить надёжной базой для развития гуманитарных экспертных структур. Поэтому правильнее было бы говорить о гуманитарном мониторинге экспертиз и возложить его на институты общественного контроля.

Литература:

Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации // Министерство юстиции РФ. 2022. 04 февраля. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (дата обращения: 17.02.2022)
Делёз Ж. Переговоры. 1972-1990 / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 235 с.

Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2021 № 2399 «Об Экспертном совете при Правительстве Российской Федерации» // Правительство РФ. 2021. 23 декабря. URL: <http://government.ru/docs/all/138337/> (дата обращения: 17.02.2022)

Шютц А. Хорошо информированный гражданин Очерк о социальном распределении знания // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М. Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 222-237.

Hatano G., Inagaki K. Two courses of expertise // Child development and education in Japan / ed. by H.W. Stevenson, H. Azuma, & K. Hakuta. New York: Freeman, 1986. Pp. 262-272.

Merton R.K. Bureaucratic Structure and Personality // Social Theory and Social Structure. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1957. Pp. 195-206.

Rogers M.D. The European Commission and the collection and use of science and technology advice // The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance / ed. by J. Lentsch and P. Weingart. Cambridge, 2011. Pp. 115-136.

Sánchez-Cuenca I. From a Deficit of Democracy to a Technocratic Order: The Postcrisis Debate on Europe // Annual Review of Political Science. 2017. Vol. 20. Issue 1. Pp. 351-369.

Приватизация традиционных ценностей и религиозных ритуалов в общественно-политическом дискурсе современной России

А.А. Хохлов

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета
(г. Москва)

Самой актуальной проблемой последние двадцать лет в России остаётся поиск национальной идеи, способной гарантировать исторический континуитет и социально-политическую целостность государства.

Начало этим поискам было положено в общественных дискуссиях середины 90-х и в нулевые годы этого столетия. Одни авторы предлагали разработать государственную идеологию, отвечающую новым политическим реалиям, другие настаивали на решающей роли в обеспечении национального единства структур гражданского общества [Алексеева, Капустин, Пантин, 1997: 18-19].

По мере перехода правящей группы к практике «политического прагматизма» на первый план в актуальной общественной повестке вышли идеи адаптации некоторых религиозных концептов, которые должны символизировать преемственность исторических традиций досоветского, советского и постсоветского периодов развития государства.

Казалось бы, расколотое общество, каким предстаёт сегодняшняя Россия, должно формировать новые идентичности вокруг религии. И данные социологии, с одной стороны, подтверждают гипотезу о массовой идентификации граждан с православием [Зоркая, 2009: 67-70].

По степени доверия, которое общество высказывает различным социально-политическим институтам, церковь и религиозные организации являются одним из лидеров, наряду с институтами верховной власти и армией.

С другой стороны, невозможно игнорировать факт крайне низкой степени воцерковленности населения. Большинство продолжает

ориентироваться в повседневной жизни на светские нормы и ценности. Нет никаких оснований утверждать, что россияне проявляют какую-то особенную склонность к религиозному мировоззрению. Более того, в отношении повседневной культуры и привычек жители России ничем не отличаются от других европейцев [Кофанова, Мчедлова, 2010: 201-202].

Невозможно провести жесткие корреляции и между конфессиональной самоидентификацией и политическим выбором. Религиозные факторы имеют лишь опосредованное влияние на политические установки россиян. Декларирование гражданами своей принадлежности к православию является всего лишь способом публичной демонстрации, своего рода попыткой определить связь между культурной и национальной идентичностями.

Другое дело – политическая элита Российской Федерации, которая стремится идеологически обосновать принципиальные отличия современной России от стран Западной демократии по причине затянувшегося конфликта, обострившегося после присоединения Крыма. В этом смысле, можно говорить о целенаправленном формировании в общественном сознании установок и стереотипов воображаемого противостояния цивилизаций с помощью официальных государственных медиа. В прессе и даже научных кругах появляются ссылки на новые угрозы и вызовы национальной безопасности страны, интерпретируемые в контексте «столкновения цивилизаций».

Борьба с этими видами угроз требует соответствующего дискурсивного оформления. Наибольшую популярность среди сторонников идеи геополитического конфликта России и коллективного Запада приобрела концепция, закрепляющая за органами высшей государственной власти право отстаивать «традиционные ценности российского народа», в противовес некой воображаемой системе ценностей «чуждых» традиционному мировоззрению. К таким ценностям, объявленными угрозой «русской цивилизации», причислена пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации, политический антисистемный активизм и даже актуальное искусство.

Были приняты соответствующие законы, призванные оградить здоровую часть общества от негативного воздействия пропаганды «нетрадиционных ценностных установок». Этой политической практике предшествовали события, повлиявшие на принятие поправок в отечественное законодательство. Речь об оскорблении чувств верующих.

Проблема «оскорбленных чувств верующих» возникла совсем недавно, как побочный результат борьбы государственных структур

с политическими оппонентами. Почва для возникновения конфликта уже была готова: впервые вопрос об оскорблении чувств верующих вылился в масштабный скандал еще в 2003 году, когда на одной из выставочных площадок в Москве проходила художественная акция под названием: «Осторожно-религия».

Истоки нынешней радикализации позиций власти в отношении своих оппонентов в России следует искать в общем психологическом настрое постсоветского общества начала-середины 90-х, когда «окончательные» решения актуальных социальных вопросов были дискурсивным мейнстримом. На эти социально-психологические установки россиян оказали определенное влияние и международные антиглобалистские движения и организации.

Российский эксперт по экстремизму А. Верховский приводит пример греческих религиозно-политических антиглобалистов, которые в начале двухтысячных устраивали уличные беспорядки, протестуя против Шенгенских паспортов, в которых имеется магнитная полоса для мгновенной идентификации личности владельца документа и вступления Греции в Европейский Союз. Активисты трактовали эти технические нововведения, как Апокалиптические знамения [Верховский, 2003: 73].

Таким образом, почва для соответствующих политических практик российской власти, направленных на приватизацию ресантимента в обществе, травмированном социальными переменами, была подготовлена к началу нулевых годов двадцать первого века.

В качестве теоретической модели нашего анализа используется концепция «заместительной религии», которая, на наш взгляд, наиболее точно характеризует особенности идейных и политических исканий российского образованного класса в поисках утраченной национальной идентичности [Каргина. 2013: 105-113].

В социологии религии данная теоретическая модель применяется для описания религиозного плюрализма, как основного элемента постсекулярного глобального мира. В основание данной концепции положена идея о приватизации религиозных практик и развитии религиозных рынков в условиях расширения религиозных свобод [Davie, 2013]. При этом, возникает проблема легитимации этих практик органами государственной власти.

Несмотря на то, что диспозиции в отношении религии становятся всё сложнее и разнообразнее, невозможно отрицать воздействие населения на политику приватизации религиозных ритуалов, которую реализует государственная власть. В этом смысле, мы можем сослаться на гипотезу Вебера о том, что официальные институты

стремятся регламентировать жизнь граждан. Он имел в виду церковные институции, которые ориентированы на потребности мирян в обосновании порядка. Но вполне допустимо вместо Церкви представить государство, которое, ужесточая внутреннюю политику, идёт «навстречу традиционным представлениям мирян в разработке своего учения и в своем поведении» [Вебер, 1994: 136].

Воздействие населения проявляется в переносе его традиционных представлений о миропонимании на современный политический процесс, точнее, на его интерпретацию в СМИ. Утрата контроля традиционных религиозных институтов над индивидуальными формами веры, практиками и моральными принципами людей не означает, что эти практики не станут частью современного политического процесса в технологически развитых обществах [Ритуал в языке... 2013: 25].

Тем не менее, примеры относительно удачной ресакрализации политического пространства в России не свидетельствуют о наступлении «нового средневековья», или отказе общества от секулярной картины мира. Нужно учитывать исторический опыт десятилетий атеизма и подавления религии, которые сохраняют своё влияние на социальное поведение и жизненные ценности россиян [Фурман, Каарияйнен. 2006]. Дальнейшая консолидация религиозных и политических элит как средства легитимации власти, может запустить механизм социально-психологической защиты в образованной части общества, что, в свою очередь, приведёт к культурным противоречиям и конфликтам, протестным реакциям в ответ на стремление ограничить политический и идеологический плюрализм [Хохлов, 2019: 155].

Среди типичных примеров приватизации религиозных ритуалов выделяется культ Победы. По сути, этот культ должен стать главной национальной «скрепой», концептуальным ядром формирования национально-государственного единства и идеей, легитимирующей политическую систему Российской Федерации. Большинство мероприятий, которые проходят в дни празднования победы над фашизмом, например, Бессмертный полк и возложение венков у вечного огня рядом с Красной площадью в Москве и на центральных улицах региональных столиц, по своей форме очень похожи на соответствующие религиозные ритуалы сакрализации священных мест.

Современные политические ритуалы в известной степени сопоставимы с государственными ритуалами советской эпохи, с помощью которых происходила сакрализация власти и конструировались политические мифы. До сих пор эти ритуалы воспроизводятся в кругу

современных партийных и административных структур [Ваторопин, 2012: 26]. Воспринятые по наследству они широко распространены и в нынешних политических условиях: партийные съезды, референдумы, избирательные кампании, поздравления телезрителей с Новым Годом, посещение разных культовых мест представителями власти и т.д. Но добавились и новые. Например, регулярные «прямые линии» президента, которые компенсируют слабость институтов практикой непосредственного общения лидера и граждан.

Если ритуал теряет влияние на массы в одной форме, он вырастает в другую, например, в форму государственной политики, которая «тем сильнее, чем интенсивнее соответствующие социальные взаимодействия» [Дуглас, 2000: 100].

В последнее время появились и более наглядные примеры «заместительной религии», интегрированной в государственные политические ритуалы. В частности, уголовное преследование за оскорбление религиозных чувств. Если ещё несколько лет назад под это определение попадали, как уже было сказано, акции современных художников и активистов, то сейчас достаточно не совсем пристойного танца и эротической фотографии на фоне культового здания или монумента памяти Великой Отечественной войны. В соответствии со статьёй 148 УК РФ, «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, наказываются штрафом в размере до 300 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок». В 2021 году Указом Президента Российской Федерации были внесены изменения в статью 148 Уголовного кодекса – об ответственности за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий. С этого момента вводится наказание до трех лет лишения свободы. Также в виде наказания увеличены штрафы до 500 тыс. рублей.

В современном мире достаточно стран, где приняты законы о богохульстве. Но в данном случае интересно провести аналогию с подобной практикой в Российской Империи первой половины девятнадцатого века. Так, в тогдашнем законодательстве существовала правовая норма, согласно статье 182 о том, что хула может возлагаться не только на Бога, Иисуса Христа и святых угодников, но и на изображения [Уложение... 1845]. Сегодня наказание предусмотрено за действия и изображения, которые можно истолковать, как намеренное

оскорбление религиозных чувств. Таким образом, в новых социально-политических условиях архаичные элементы права интегрируются в актуальное законодательство.

Стремление властей установить нормы традиции и приватизировать ритуалы религиозного содержания встречает сопротивление несогласных с такой политикой. Протестные формы могут быть достаточно разнообразными, и они отражают антиклерикальную контртенденцию в обществе.

В современном социуме ритуал выполняет не только функцию формирования подобия общественной идеологии, но регулирует взаимоотношения внутри различных социальных групп и обеспечивает устойчивость и жизнеспособность всех общественных институтов.

В то же время, протестные действия против приватизации религиозных ритуалов государством демонстрируют и конструктивный потенциал. В рамках теории «карнавальной культуры» эти протесты играют роль субъекта снятия социально-политического конфликта, наблюдаемой в религиозных ритуалах в традиционных культурах во время праздников и лиминальных состояний. Вот эта регулятивная функция, которая в древности выражалась в ритуальных бесчинствах и проявляется в нынешней реакции части образованного общества на рост клерикализма и на попытки государственной власти актуализировать архаичные нормы права [Тэрнер, 1983: 277].

В заключение следует сказать, что полифункциональность ритуальных практик, которыми пользуется государственная власть в Российской Федерации, как и в традиционных обществах, обеспечивает национальное единство при отсутствии объединяющей всё общество идеологии [Великая, 2018]. Подтверждением данного тезиса служит тот факт, что устойчивая тенденция превалирования культурной религиозности над долей верящих в Бога россиян является свидетельством относительной устойчивости национально-государственной идентичности современного россиянина.

Литература:

- Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К.* Перспективы интегративной идеологии. // Полис. 1997. № 3.
- Ваторопин А.С.* Клерикализм в современной России: допустимые границы влияния на политическую жизнь // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 2;
- Вебер М.* Социология религии. М.: Юрист, 1994.
- Великая Н.М.* Интеллигенция и религиозный дискурс: конфликтное противостояние в постсекулярном обществе: Сб. науч. ст. Сер. «Интеллигенция и современность» Смыслы жизни российской интеллигенции. Москва, изд-во РГГУ, 2018.
- Верховский А.М.* Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М.: Центр «Сова», 2003.
- Дуглас М.* Чистота и опасность. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Зоркая Н.М.* Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. №2 (100).
- Каргина И.Г.* Феномен «Следующего христианского мира»: типичные черты и тенденции // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология, 2013. № 1.
- Кофанова Е.Н., Мчедлова М.М.* Религиозность россиян и европейцев. Мониторинг общественного мнения. № 4 (98), март-апрель, 2010.
- Ритуал в языке и коммуникации: Сб. статей. М.: Знак; РГГУ, 2013.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб: Типография второго отделения Е.И.В.К. 1845. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1> (дата обращения: 01.02.2022).
- Фурман Д.Е., Каарийнен К.* Религиозность в России в 90-е годы XX - начала XXI века. М.: ОГНИ ТД, 2006.
- Хохлов А.А.* Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России // Вестник РГГУ. 2019. № 1.
- Davie G.* The Sociology of Religion: A Critical Agenda. London: SAGE Publication Ltd., 2013.

Задачи конституционалистов на современном этапе развития российского общества

С.А. Денисов

кандидат юридических наук, доцент Гуманитарного университета г. Екатеринбурга

Объектом данного исследования является группа интеллигенции, которая называет себя конституционалистами. Это, в основном, преподаватели конституционного права России и зарубежных стран, которые придерживаются конституционных ценностей. Важнейшими из них являются ценности социократии (господство общества граждан над государственным аппаратом) и верховенства прав и свобод человека и гражданина. В теории конституционализма выделяют так же инструментальные ценности демократии, республики, правового государства, децентрализации и сменяемости власти. Тех преподавателей конституционного права, которым безразличны названные ценности или они выступают против них, автор называет государствоведами. Конечно, среди преподавателей конституционного права много тех, кто только частично готов поддерживать конституционные идеалы, а так же сочувствующих, но не готовых бороться за эти идеалы. К группе конституционалистов присоединяются политологи, историки и философы, разделяющие конституционные ценности. Конституционалисты относятся к группе гражданской интеллигенции, в то время, как государствоведы, в основном, эстаты, т.е. представители служилой интеллигенции.

Целью данного исследования является выяснение задач, которые ставят перед собой конституционалисты и оценка того, как они решают их на практике. Изучение этих задач производится с помощью сравнения их с задачами, которые ставят перед собой государствоведы.

Современное государственное право России не полностью соответствует требованиям конституционной доктрины. Оно закрепляет фактически пожизненную власть одного человека, существенно ограничивает демократические нормы жизни, укрепляет централизацию управления страной. В этих условиях у конституционалистов возникает специфический набор задач, которые должны реализоваться с помощью

выработанной ими стратегии и тактики.

Российское общество пока не готово принять большую часть конституционных ценностей. Значительная часть норм Конституции РФ остается только на бумаге и не реализуется в практике общественной жизни. Это делает актуальным целенаправленную деятельность по внедрению конституционных ценностей в общественную жизнь, которая называется конституционной инновацией. Задачи конституционалистов, как преподавателей конституционного права в основном сводятся к научной и преподавательской деятельности. Помимо этого они могут выступать как публицисты и участвовать в политической жизни общества.

1. Задачи конституционалистов в научной сфере их жизни

Конституционалисты не ограничивают сферу своей научной деятельности позитивистскими подходами. Они используют аксиологический подход к конституционному праву. Это означает, что конституционная доктрина, декларирующая ценности конституционализма, ставится выше норм, закрепленных в писаном праве, в принятой в стране конституции. Выше уже названы ценности, составляющие суть этой доктрины. Принятые в стране нормы конституции и законов оцениваются с точки зрения их соответствия или несоответствия доктрине. При этом у нас появляется понятие неконституционные нормы конституции, т.е. это нормы, записанные в текст Конституции, которые не соответствуют конституционной доктрине. Нормы законов так же оцениваются на их соответствие требованиям конституционной доктрины. Они признаются неконституционными не только в том случае, если противоречат требованиям писаной конституции, но и в случае несоответствия их конституционной доктрине.

Конституционалисты широко используют в своих научных исследованиях социологический подход к праву. Это означает, что предметом исследования являются не те нормы, что написаны в законах, а те, что действуют на практике. Это так называемое «живое право». По наличию этих норм, а не по тому, что записано в Конституции они судят о состоянии политического режима, формы правления и государственного устройства в стране. Эти нормы реального государственного права так же оцениваются не только с позиции их соответствия писаной конституции, но и с точки зрения их соответствия конституционной доктрине.

Правовая культура России сегодня находится на такой стадии развития, что некоторые преподаватели конституционного права не знают конституционной доктрины. Они называют конституционным

правосознанием знание людьми норм писаной конституции страны. Поэтому перед конституционалистами стоит задача просвещения своих коллег. Это не простая деятельность. Россия имеет богатую практику имитации конституционализма [Денисов, 2019: 801-825]. Здесь широко представлено мнение о том, что конституционализм появляется вместе с принятием документа под названием «конституция» [Никитяева, 2002]. Есть понятие конституционализма, еще более искажающее доктрину. Конституционными называют нормы права, закрепленные в любом основном законе страны. Таким образом, начало конституционализма находят в Древней Месопотамии, где были приняты Законы Хаммурапи [Хабриева, 2010: 5-6]. Перед конституционалистами стоит трудная задача борьбы с этим безбрежным понятием конституционализма, с размыванием его сути.

В ходе имитации конституционализма в теории государственного права были искажены все научные термины. Тоталитарный и авторитарный режим называют демократией; монархическую или олигархическую форму правления – республикой; патерналистское государство – социальным и т.д. В.Б. Пастухов отмечает, что нам нужно «откапывать смыслы» – возвращаться к простым вроде бы и всем понятным конституирующим принципам их аутентичному содержанию [Пастухов, 2016: 155].

Трудности борьбы за конституционную идею связаны с бюрократическим (административным) характером российского общества. Здесь «вес» ученого определяется теми статусными регалиями, которые человеку присваивает государство. Считается, что если какую-то мысль высказал доктор наук и профессор, то она более истинна, чем мысль, высказанная доцентом и кандидатом наук. Потому конституционалистами в России часто называют противников конституционной доктрины. Кроме того, право, определять что конституционно, а что нет берут на себя разного рода чиновники. Иерархически мыслящие государствоведы считают, что положения, высказанные судьями Конституционного Суда России являются истинами в последней инстанции.

Важнейшим направлением исследования для конституционалистов является конституционный транзит, т.е. переход от доконституционного строя к конституционному. Перед учеными стоит задача обобщения практики перехода к конституционализму в разных странах мира, выработка теории конституционного транзита, построение на основе ее вариантов такого перехода в России (прогнозы). Здесь требуется привлечения знаний историков, политологов, социологов, культурологов. При исследовании конституционного транзита необходимо использовать

теорию эволюции, прогресса и модернизации.

К сожалению, российские конституционалисты не обладают широкими знаниями в области экономики, политологии, социологии, культурологи и психологии. Они не в состоянии развивать междисциплинарные направления в науке и поддерживать развитие таких исследований как конституционная девиантология, конституционная антропология, конституционная имиджелогия, конституционная социология, конституционная культурология. В определенной степени, в основном за счет политологов в стране развивается конституционная политология. В последнее время конституционалисты России, под воздействием зарубежных коллег, стали исследовать вопросы конституционной экономики.

Как известно, правящая группа авторитарного государства пытается присвоить себе не только страну, но и ее прошлое, ее историю. Конституционалисты должны оказать этому сильное сопротивление. Они сами должны писать историю движения мира к конституционализму с ее победами и поражениями. Из истории надо делать выводы на сегодня и на завтра. Желательно, чтобы страна не повторяла ошибок прошлого.

В основном научная деятельность конституционалистов сегодня направлена на критику существующего в стране строя [Медушевский, 2020: 33-50], действующего законодательства [Кондрашов, 2017: 24-44]. Конституционалисты показывают, что это законодательство противоречит конституционной доктрине и нормам главы 1 и 2 Конституции РФ, закрепляющим конституционные идеалы [Лукьянова, 2019]. Государственная пропаганда пытается доказать, что принимаемые законы ничем не отличаются от тех, что существуют в конституционных странах. Приходится доказывать, что это ложь [Кондрашов, 2020: 97-121]. Конституционалисты указывают, что одни и те же законы могут действовать по-разному в условиях демократического и недемократического государства. Последнее систематически злоупотребляет своими правами. Ряд конституционалистов сосредоточены на изучении приемов и методов защиты прав человека в судах [Кряжкова, Подопрелова, 2020], в том числе в международных. Полезную работу ведут специалисты по зарубежному конституционному праву. Они рассказывают, как оно работает в условиях конституционного строя [Васильева, 2021: 118-137].

Многие конституционалисты стараются говорить о конституционном праве вообще, не касаясь его связи с современной российской действительностью, стараясь не ссориться с государством. Это позиция в современных условиях вполне оправдана.

Конституционалисты должны накопить ресурсы, прежде чем открыто выступать, как социальная и политическая сила.

Конституционалисты в России составляют меньшинство среди преподавателей конституционного права. На общероссийских конференциях конституционалистов, как правило, звучит не более 3-4 доклада конституционалистов. Остальные доклады представляются государствоведом. При этом конституционалисты осторожно доносят свои взгляды, понимая, что большинство слушателей не на их стороне. Вместе с тем, выступления конституционалистов подрывают единство государствоведов, устраняют страх (оказывается так можно говорить). В некоторых вузах страны доклады конституционалистов вообще являются редкостью. На кафедрах конституционного права в некоторых вузах нет ни одного открыто действующего конституционалиста. Это не исключает, наличие там скрытых конституционалистов или осторожных сторонников некоторых конституционных идей. Сегодня площадкой для конституционалистов, где они обмениваются мнениями, является «Конституционный клуб», созданный О.Г. Румянцевым. Печатным органом конституционалистов в России можно назвать журнал «Сравнительное конституционное обозрение». Благодаря заведующему кафедрой конституционного права МГУ С.А. Авакьяну статьи конституционалистов печатаются в журнале «Конституционное и муниципальное право». Он так же возглавляет ассоциацию конституционалистов России, в которую входят и государствоведы. С.А. Авакьян возглавляет единственную в стране научную школу конституционалистов. Другие видные конституционалисты пока не могут создать своих научных школ. В научных школах конституционалистов Саратова и Екатеринбурга поддерживаются только некоторые идеи конституционализма.

Государствоведы свои научные статьи, монографии чаще всего адресуют руководству страны. В нем они видят единственного организатора модернизации общества. Конституционалисты понимают, что конституционное развитие России возможно только снизу и обращаются к своим коллегам, студентам и широкому кругу общественности. Это даже хорошо, что их не слышит государственный аппарат. Не следует забывать, что великая русская литература родилась по недосмотру начальства. У конституционной теории такая же судьба.

Большинство кафедр конституционного права в стране, советов по защите кандидатских и докторских диссертаций возглавляется государствоведом. Конституционалист вынужден получать от государствоведов научную степень и звание. Для этого он должен скрывать свои конституционные убеждения. Это заставляет его

лицемерить. С этим ничего не сделать.

2. Задачи конституционалистов в области образования

Научной деятельностью в России могут позволить себе заниматься немногие люди. Большая часть времени конституционалистов тратится на преподавание. В условиях, когда страна делает только первые шаги к конституционному строю, подготовка кадров будущей элиты общества является наиважнейшим направлением в борьбе за конституционализм. К сожалению, большая часть преподавателей конституционного права придерживается позитивистской методологии. Они ставят перед собой ограниченные цели, а именно познакомить студентов с нормами писаной Конституции. Конституционалисты должны давать студентам представление об идеалах конституционного права, о том, насколько они реализуются в писаном праве и в поведении субъектов общественной жизни. Студенты должны отличать настоящие конституции от ложных (не содержащих нормы конституционной доктрины) и формальных (не действующих на практике). Н.В. Витрук, в свое время, поднял проблему верности конституции. Конституционалисты подчеркивают, что верным надо быть не тексту конституции страны, принятому людьми исходя их конъюнктуры момента, а универсальной конституционной доктрине, принятой во всем мире. В отечественной теории давно поднимается вопрос о борьбе за право против неправового законодательства (И.Н. Ильин). Необходимо готовить студентов к этой борьбе.

Университеты в современной России должны играть ту же просветительскую роль, что они играли в Средневековой Европе. Государствоведы формируют из студентов подданных, готовых служить государству. Задача конституционалистов заключается в подготовке людей, имеющих гражданскую позицию, чувствующих себя хозяевами страны и критически смотрящих на деятельность государственного аппарата. Конституционалисты должны помогать студентам «по капле выдавливать из себя раба».

Опираясь на данные истории последних столетий, конституционалисты должны показать неуклонное движение мира к конституционной организации власти. Из этого исходит гипотеза о неизбежной победе конституционных порядков во всех странах мира. Вместе с тем, нельзя распространять среди студентов идеи фатализма. Они должны понимать, что история делается руками конкретных людей и именно им придется продвигать конституционные идеи в реальную жизнь. Необходимо дать студентам понимание того, что движению России к конституционализму мешает социально-экономическая основа общества, а именно сырьедобывающая экономика и патерналистский настрой населения на распределение природной ренты. Реформы в

России всегда проводились сверху. Нужна общественная элита, которая сможет возглавить их.

Представление о том, как можно организовать власть в конституционном государстве дается в курсе государственного права зарубежных стран. Все страны двигаются вперед, опираясь на чужой опыт. Следует показать студентам, что конституционализм давно перестал быть идеологией Запада и превратился в универсальное учение, реализованное в большинстве стран Латинской Америки, в ряде стран Азии и в некоторых странах Африки. Отказ от конституционализма указывает на отсталость страны, ее неразвитость (архаичность). Исторический опыт показывает, что «простой импорт «готовых» конституционных идей проблемы не решает – на предложение хороших идей необходимо создать такой же хороший покупательский спрос» – пишет В.Б. Пастухов [Пастухов, 2016: 134]. Создание этого спроса является одной из задач конституционалистов.

Конституционалисты не должны навязывать студентам конституционную идеологию. Следует лишь ставить на обсуждение основные конституционные ценности и показывать, как они искажаются разного рода имитаторами и противниками конституционализма.

Консерваторы утверждают, что российский менталитет («матрица», «колея») неизменен и его следует «лелеять» и «холить». Если бы менталитет народов не менялся, то не было бы истории человечества. Когда-то орды диких германских племен разрушили великий Рим, а затем превратились в оплот мировой цивилизации. Еще недавно немцы противостояли Западу, а сейчас являются основой европейской цивилизации. Россия не исключение. Она так же может превратиться из страны, которая тормозит развитие мира в центр распространения конституционализма, демократии и прав человека в Азии.

Образовательный процесс неотделим от воспитательного. Конституционалисты должны выступать против имперской спеси россиян («патриотизма дырявого носка»), которая не позволяет им учиться конституционализму у других народов, прошедших путь от архаики к организации конституционного строя. Врагом движения к конституционализму является «выученная беспомощность», пассивность людей, их атомизация и неспособность на коллективные действия. Конституционализм, пишет В.Б. Пастухов, «должен победить сначала в умах и душах, и лишь после этого можно рассчитывать на его политическую победу» [Пастухов, 2016: 132]. Во многих странах (Чехия, Южная Корея, Гонконг) именно студенты были инициаторами движения страны к свободе и демократии.

В последнее время проявили себя российские конституционалисты,

выехавшие за рубеж. Усилиями Е.А. Лукьяновой был создан Свободный университет.

Оценить роль конституционалистов в передаче знаний о конституционализме очень трудно, поскольку, как было сказано выше, в условиях агрессивной среды многие конституционалисты стараются не проявлять себя, ведут скрытную жизнь. Деятельность их трудно обнаружить и зафиксировать.

3. Задачи конституционалистов в области публицистики

В России еще не закончился период первоначального накопления капитала. Многие преподаватели конституционного права живут от полочки до полочки и вынуждены подрабатывать. Поэтому трудно требовать от них участия в волонтерской деятельности, направленной на популяризацию конституционной теории. В связи с этим теория конституционализма остается уделом узкого круга специалистов. Масса населения не знает, что такое конституционализм, республика, демократия, местное самоуправление и федерализм. Но очевидно, что движение к конституционализму невозможно без широкой публицистической деятельности. В.Б. Пастухов пишет, что движение к конституционному строю в России требует «вывернуть наизнанку русское традиционное политическое сознание, которое, в свою очередь, обусловлено всей системой испокон веков существующих в России религиозно-философских воззрений» [Пастухов, 2016: 155]. Конституционализм – это не только научная теория, но и идеология, которая должна излагаться понятным для населения языком. Пока среди конституционалистов России нет талантливых ораторов, способных гипнотизировать массы. Интернет заполнен достаточно эффективной антиконституционной пропагандой [Денисов, 2021: 80-85], которой некому противостоять. В.Б. Пастухов совершенно правильно замечает: «Конституционализм может стать реальностью в России, только когда он будет продуктом массового потребления, а не салонной идеологией» [Пастухов, 2016: 134]. Но пока конституционалисты не могут похвастаться влиянием даже в «салонах».

В России уничтожены почти все организационные структуры, которые ранее в той или иной форме занимались распространением знаний о конституционных ценностях, включая права человека. Остался Институт права и публичной политики, который издает журнал «Сравнительное конституционное обозрение», занимается переводом и публикацией зарубежных работ по конституционному праву, издает работы отечественных конституционалистов, организует конкурс на знание конституционного права среди молодежи, проводят вебинары и обсуждения докладов на Интернет-форумах.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что конституционалисты пока не могут выполнять важнейшую для интеллигенции задачу просветительства.

4. Задачи конституционалистов в политической области

Движение к конституционализму предваряется появлением конституционных партий. В начале XX в. костяком таких партий были видные юристы-профессора (С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Г.А. Шершеневич). В современных условиях конституционалисты боятся участвовать в партийном строительстве. Они слишком зависимы от своего начальства. В Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания России нет ни одного конституционалиста. В 2020 г. несколько конституционалистов решилось включиться в борьбу против принятия поправок к Конституции РФ. Можно считать эту деятельность успешной, поскольку против этих поправок проголосовало 15,7 млн. человек [Общероссийское голосование]. И это, несмотря на то, что государство вело массивную обработку сознания населения. Другим результатом кампании было увольнение некоторых ее участников из Высшей школы экономики [«Вышка» избавилась...].

Правящая группа не нуждается в помощи конституционалистов при осуществлении ею законотворчества. В своей деятельности она пользуется услугами государствоведов. Конституционалисты по собственной инициативе разрабатывают проекты поправок к Конституции РФ и проекты законов. Они прекрасно знают, что эти предложения не будут приняты в современной России и носят чисто пропагандистский характер. Но разрабатываемые сегодня конституционалистами проекты законов становятся известны только узкому кругу преподавателей конституционного права.

Современные конституционалисты не знают политтехнологий и не могут помочь политикам вырабатывать программы борьбы за конституционализм, стратегии и тактики этой борьбы, лозунги, способные привлечь население к движению за конституционные ценности. Конституционалисты России сами затрудняются с определением того, на какой стадии развития находится их страна, а поэтому они не могут определить направления ее развития. Одни считают, что Россия уже капиталистическая страна. Другие доказывают, что она находится на этапе феодально-административного развития и ей еще предстоит пережить буржуазно-демократическую революцию. Во всяком случае, в начале XX в. (1905-1917 гг.), она была ближе к конституционализму, чем сегодня.

Все социологические опросы показывают, что в России еще нет мощной социальной опоры для движения к конституционализму. Борьба

за конституционализм еще не стала привлекательным политическим лозунгом. Поэтому главным субъектом, поддерживающим движение к конституционализму, на современном, этапе являются не политики, а конституционалисты, распространяющие в обществе конституционные ценности. Именно они должны подготовить культурный фундамент для будущего перехода страны к конституционализму, к реализации на практике идей демократии, республики, правового и федеративного государства.

Литература:

Васильева Т. Использование верховным судом Канады концепции достоинства человека в конституционных спорах о равенстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 5. С. 118-137.

«Вышка» избавилась от десятка оппозиционных преподавателей — и это только за лето. Вот их список. URL: <https://www.the-village.ru/city/situation/vshe> (дата обращения: 18.01.2021 г.).

Денисов С.А. История имитации конституционного строя в Советской России // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 801-825.

Денисов С.А. Продвижение антиконституционной идеологии в российском секторе Интернета // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2021. С. 80-85.

Кондрашов А.А. Иностранцы агенты в России: как заимствованный американский правовой институт приобрел иной смысл в российском законодательстве и правоприменительной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 97-121.

Кондрашов А.А. Свобода собраний: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 24-44.

Кряжкова О., Подопрелова О. Стратегия защиты в Конституционном Суде России // М.: Институт права и публичной политики, 2020. 200 с.

Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г. Авторитаризм и демократия. М.: Мысль, 2019. 350 с.

Медушевский А.Н. Переход России к конституционной диктатуре: размышление о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 33-50.

Никитяева В. В. Конституционное правосознание: Вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.02 – Конституционное право; муниципальное право. Волгоград, 2002. 21 с.

Общероссийское голосование по поправкам к Конституции России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общероссийское_голосование_по_поправкам_к_Конституции_России (дата обращения: 18.01.2021 г.)

Пастухов В.Б. Вызовы и ответы российского конституционализма в XXI в. // Труды по русистике. 2016. С. 129-155.

Хабриева Т.Я. Вступительная статья // Конституции государств Азии в 3 т. Т. 1. Западная Азия. М., 2010. С. 3-8.

РАЗДЕЛ III. Проблемы интеллигенции в сфере образования и культуры

Преподаватели высшей школы в поисках новых смыслов работы и жизни¹

М.Б. Буланова

доктор социологических наук,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

В начале 2020 г. в ответ на начавшуюся пандемию COVID-19 российские вузы перешли с традиционных форм образования сначала в дистанционный, а позднее смешанный формат обучения. Предрекаемый коллапс высшего образования не состоялся, т.к. вузами в предшествующие годы была проведена большая работа по организации и внедрению цифрового образовательного пространства. Вместе с тем, экстремальная ситуация с коронавирусом поставила новые вызовы перед непосредственными участниками учебного процесса, выявив их недостаточную готовность к внезапным и резким изменениям. В данной статье речь пойдет о поисках новых смыслов работы и жизни преподавателями высшей школы.

Новые смыслы работы

Проблемы, с которыми столкнулись преподаватели вузов, можно разделить на две группы: объективные и субъективные.

К числу объективных в первую очередь можно отнести технические проблемы, связанные с поддержкой и обеспечением учебного процесса. Как выявил опрос 700 преподавателей НИЯУ МИФИ (МИФИ) в марте-июне 2020 г. (электронное анкетирование), у 12% респондентов к моменту перехода на дистант не оказалось личных компьютеров, 30,3% столкнулись с их неустойчивой работой вследствие недостаточной мощности; у 13,3% периодически «зависал» Интернет; 1,1% были вынуждены использовать чужую технику. Вместе с тем, 48,6% опрошенных не отметили в качестве причин срыва занятий технические проблемы [Стриханов, Шереги, 2021]. Проведенный весной 2020 г. опрос 200 преподавателей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) также показал, что в ходе учебных занятий случались перебои в обеспечении Интернет-соединения,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

но своевременно устранялись техническими службами вуза [Голубин и др., 2021].

К числу организационных проблем следует отнести неготовность преподавателей использовать все возможности разнообразных образовательных платформах. По данным, полученным в МИФИ, преподаватели предпочитали такие электронные платформы, как Skype и Zoom. Среди других: LMS Moodle, Google Classroom, Google Meet, Google Form. Однако для подавляющего числа преподавателей (87,1%) платформы служили местом проведения лекций и семинаров в форме, напоминающей очный формат. Оставшиеся 12,9% показывали видео, раздавали задания студентам, а потом отвечали на вопросы через ZOOM [Стриханов, Шереги, 2021]. Для преподавателей ННГУ среди наиболее надежных платформ была отмечена ZOOM, но они признались в том, что освоили не все ее возможности для организации и проведения занятий [Голубин и др., 2021]. Технические и технологические проблемы цифрового образования отмечают и другие исследователи [Буряк и др., 2019].

В методическом отношении проблемы профессорско-преподавательского состава вузов были связаны с отсутствием специально разработанных интерактивных учебных пособий (как правило, на образовательных платформах вузов в электронном виде размещались обычные учебники). Достаточно быстрый переход на дистанционный формат обучения выявил отсутствие: презентаций лекций по ряду дисциплин, интерактивных форм проведения семинаров; электронных тренажеров для практики. Это отметили в ходе опросов как преподаватели МИФИ, так и ННГУ. Такая ситуация имела вполне объяснимые объективные основания: прежде организация учебного процесса не требовала освоения в массовом порядке подобных методик.

В ряду субъективных факторов можно назвать проблемы освоения новых форм общения между преподавателями и студентами. Речь идет не только об учебной, но и личной коммуникации в условиях дистанционного образования. Необходимо отметить тот факт, что еще до пандемии в российских вузах были освоены разного рода электронно-образовательные платформы, но практика их использования сводилась к простому размещению анонсов о занятиях и заданиях через личные кабинеты. Вместе с тем, для повседневной коммуникации участники образовательного процесса прибегали к услугам электронной почты (групповой или личной), социальных сетей или непосредственных встреч в те редкие моменты, когда онлайн-формат заменялся очной формой обучения. В связи с чем в условиях пандемии многие образовательные платформы вузов стали нуждаться в серьезной модернизации.

Еще одним субъективным фактором можно считать психологическую неготовность преподавателей работать в постоянно изменяющихся, порой экстремальных условиях. Действительно, осваивать дистанционное образование приходилось «на ходу», а значит ломать прежние стереотипы, приобретать новые технические и методические компетенции. Как показал опрос преподавателей МИФИ, только 51,3% назвал приемлемым период самоизоляции (70 дней). Остальными 48,7% он был воспринят, как отягчающий настрой, угнетающий психику. Причем, возраст практически не оказывал влияние на этот аспект проблем [Стриханов, Шереги, 2021].

Летом 2021 г. научным центром РГГУ было проведено социологическое исследование «Ваша жизнь-2021», в ходе которого были опрошены 415 преподавателей вузов из 22 субъектов Российской Федерации. Выяснилось, что пандемия способствовала формированию психологического дискомфорта у преподавателей. Это проявилось в том, что 19% опрошенных постоянно ощущали на рабочем месте чувство беспомощности перед происходящим, 21,5% - страх перед будущим, 19% - опасение остаться без работы.

Интересны данные исследования, проведенного Министерством образования и науки РФ совместно с РАНХиГС при Президенте РФ 10-15 апреля 2020 г. В выборку попали 33987 преподавателей российских вузов, которых опросили о реальности и перспективах дистанционного образования, а затем сгруппировали по ответам.

В первой группе (5%) оказались преподаватели тех дисциплин, для освоения которых требовался большой объем практических и лабораторных работ. Они выступили против дистанционного обучения.

Вторую группу (25% - по стране, 40% - в ведущих вузах) составили преподаватели, активно использовавшие цифровые технологии в учебном процессе (например, онлайн-курсы) до пандемии. Они положительно восприняли дистанционный формат и даже отметили возможность его дальнейшего продвижения.

Преподаватели третьей группы (40% - по стране, 50% - в ведущих вузах) были знакомы с цифровыми технологиями, но вне своей профессиональной деятельности. Они в срочном порядке осваивали новые компетенции, поэтому онлайн обучение называли вынужденной формой организации учебного процесса и не отметили возможность ее дальнейшего использования.

В четвертую группу (от 5% до 30%) попали преподаватели, которые так и не смогли освоить новые технологии обучения. Не сомневаясь в полезности и нужности новых компетенций, они усомнились

в своих возможностях их когда-либо использовать [Аналитический..., 2020].

Можно предположить, что в зависимости от принадлежности к соответствующей группе, преподавателям приходится искать разные смыслы в той новой реальности учебного процесса, в которой они оказались. Преподаватели первой группы так и останутся противниками дистанционных изменений и будут по-прежнему видеть смысл только в возвращении к уже освоенным формам образования. Преподаватели второй группы смыслы своей профессиональной деятельности будут искать в дальнейшем развитии онлайн-образования в различных вариациях. Преподаватели третьей группы, скорее всего, все-таки освоят новые компетенции, но смыслы профессии будут связывать со смешанными формами обучения. Что касается преподавателей последней группы, то в случае расширения дистанционных форм обучения, они будут вынуждены уйти с работы.

Новые смыслы жизни

Обретение новых смыслов в профессиональной деятельности сопровождается у преподавателей и поиском новых форм организации своей повседневной жизни. Посмотрим мнение преподавателей о некоторых аспектах жизни, опираясь на исследование, проведенное научным коллективом РГГУ «Ваша жизнь-2021».

В широких кругах распространено мнение о том, что преподаватели вузов не включают политику в сферу своих интересов. Отчасти наше исследование подтверждает, что основание для таких утверждений имеются. Согласно полученным данным, совсем не интересуется политикой четвертая часть опрошенных (24,8%). Однако пятая часть (20,8%) постоянно в курсе политических событий, а больше половины (51,4%) уделяет внимание только отдельным проблемам. Собственно, неудивительно, что в 2020 и 2021 гг. 52,8% голосовали по поправкам в Конституцию, а 39% участвовали в выборах в местные и региональные органы власти.

Общественно-политическая активность также не входит в число приоритетов жизни преподавателей. Треть опрошенных (34,8%) не принимали участие ни в каких формах общественно-политической жизни. Лишь мизерное число (сравнимое с погрешностью – 2,1%) участвовали суммарно в демонстрациях, митингах, забастовках, пикетах. Косвенно о политической не-ангажированности почти половины преподавателей можно судить по ответам на вопрос: «Каких общественно-политических взглядов Вы придерживаетесь?» 45,8% затруднились ответить на данный вопрос.

Возможно, преподаватели высшей школы занимают активную

гражданскую позицию? Исследование показало, что в целом их волнуют проблемы здравоохранения (46,3%), плохое решение жилищно-коммунальных проблем (41,3%), плохая экология (27,8%). Но 51% (больше половины!) считают, что они не могут повлиять на их решение ни на местном уровне, ни на более высоком. Конечно, немалая часть преподавателей по-прежнему считают, что они принесут большую пользу, если в своих научных трудах акцентируют внимание власти и общественности на этих злободневных вопросах. Однако поиски новых смыслов уже сказались и на этой стороне жизни: 36,8% все-таки пытаются преодолеть свою инертность и хоть в малой степени, но оказать влияние на решение этих вопросов своей повседневной жизни.

Необходимо отметить, что путь от политической неактивности к активности, вероятно, будет достаточно долгим: 55,8% не имеют отношения ни в какой общественной организации. Треть опрошенных преподавателей по инерции состоит в профсоюзе (30%), но это членство вряд ли активное, тем более, что в последнее время сами профсоюзы утратили свою прежнюю роль в вузах.

Необходимо учитывать и такой фактор, как степень доверия преподавателей «дальнему и ближнему» кругу окружающих их людей. Уровень доверия преподавателей к «дальнему» социальному кругу (коллеги, руководители вузов, профсоюзная организация) – один из показателей прекаризации их жизни. Конечно, вотум доверия к этому кругу достаточно большой: полностью доверяют руководителю 36,5%, доверяют, но не во всем – 50,8% (общая сумма 87,3%). Полностью доверяют коллегам по работе 36 %, частично – 59,2% (общая сумма 95,2%). Однако в сложной жизненной ситуации в первую очередь преподаватели обратятся к членам семьи, родным (78,8%), к друзьям (60,8%), а затем - к коллегам по работе (25,5%). Можно сделать вывод, что при достаточно высоком уровне доверия к руководителю и коллегам по работе, предпочтение все-таки отдается «ближнему кругу». Вместе с тем, именно этот «ближний круг» больше всего страдает от перманентной занятости преподавателей своей ненормированной работой, которая забирает их у родных и близких.

Какие еще формы организации своей повседневной жизни преподаватели высшей школы используют в свободное от работы время? Эта часть проведенного исследования оказалась особенно интересной.

Есть ли вообще в жизни преподавателя досуг? Примерно каждый десятый опрошенный (12,5%) заявляет, что у него свободного времени практически нет. Это совпадает с данными других исследователей, что цифровизация, призванная облегчить организацию труда преподавателей, на деле привела к их перегруженности новыми задачами, кото-

рые безмерно расширили и без того ненормированный рабочий день, забрав тот остаток времени, который мог быть выделен для отдыха [Воробьева и др., 2021, Гордеева и др., 2021].

Если попытаться сгруппировать ответы тех, для кого слово «досуг» еще не утратило своего значения, то первое место в способах его организации у 56,5% так или иначе связан с пребыванием в сети Интернет. И все было бы прекрасно, если не знать, что большинство преподавателей вузов готовятся там к предстоящим занятиям, пишут статьи, монографии, другие научные работы, а также ведут переписку со студентами, проверяют те задания, которые они выполнили в электронном виде, т.е. по сути продолжают профессиональную деятельность, но в другом виде. Конечно, можно утешаться тем, что смена форм работы – лучший отдых, но не в этом случае. Смысл отдыха в этом случае теряется, а не приобретается.

На втором месте оказался ответ – «встречаются с друзьями» (51,8%). На самом деле с момента начала пандемии этот вариант в виде реальных встреч оказался в дефиците. Преподаватели освоили новые смыслы этих встреч через ту же социальную сеть в on-line формате. Правда опыт показал, что никакая виртуальная реальность не заменит роскоши непосредственного человеческого общения. Компьютер как вынужденный посредник не может передать чувства, эмоции, теплоту, непременно сопровождающие отношения друзей.

Третье и четвертое места заняли традиционные ответы - «читают художественную литературу» (49,8%) и «занимаются домашним хозяйством, детьми» (45%), что свидетельствует о том, что даже во времена перемен преподаватели стараются по возможности сохранить стабильность повседневной жизни, включая в нее дела, которые хоть на время отвлекают от производственных проблем.

На пятом месте оказался ответ – «проводят время на природе, гуляют» (42,3%). Несмотря на то, что общий смысл данного времяпровождения остался прежним, ценность его повысилась в условиях вынужденной самоизоляции, когда прогулки на природе были запрещены из-за карантина.

Ответы преподавателей о других формах проведения досуга, не попавшие в первую пятерку, можно сгруппировать по степени активности. Треть опрошенных (30, 3%) просто расслабляются дома после работы, устав от постоянных стрессов и напряжений. О важности для преподавателей неактивных способов проведения досуга свидетельствует и довольно большое количество (38,8%), предпочитающих смотреть телепередачи и слушать радио (возможно, во время выполнения хозяйственных работ по дому). Почти треть респондентов (28,5%) про-

слушивают музыку или занимаются каким-то хобби (25,3%). Читают газеты и журналы 17,8% (часть из них, безусловно, имеет прямое отношение к сфере их профессиональных интересов).

Среди активных форм досуга, требующих некоторого напряжения и перемещения в пространстве, занимают: посещение театров, кино, концертов (32,5%), музеев и выставок (24,5%), а также спортивных мероприятий (14,5%). Почти пятая часть (19,8%) находят время для посещения кафе, баров, ресторанов (возможно не только с целью приема пищи, но и общения с коллегами и друзьями).

Отдельно хотелось бы отметить тот факт, что преподаватели вузов обращают недостаточное внимание на поддержку здоровья и физиологического состояния организма. Всего 19,3% занимаются спортом и фитнесом. Причина этого – оптимистическое отношение к своему здоровью в целом: 71,7% заявили, что ощущают себя практически здоровыми людьми. Однако следует учесть и тот факт, что 27,8% все-таки вынуждены признаться в том, что имеют хроническое заболевание (заболевания).

Такую возможную причину не заниматься физкультурой, как нехватка времени, не следует сбрасывать со счета. Обращает на себя внимание тот факт, что 34% преподавателей используют время, отпущенное на отдых и рекреацию, для дополнительных занятий с целью повышения квалификации.

Итак, в способах организации и проведения досуга у преподавателей больше работы (профессиональной, домашней), чем отдыха; больше пассивности, чем активности. Появившиеся новые смыслы досуга, как правило, связаны не с поддержкой культурного уровня, физического состояния, а освоением новых дополнительных квалификаций, позволяющих преподавателю более эффективно исполнять свои основные профессиональные обязанности. Вместе с тем, сидячая работа, недостаток двигательной активности, систематическое переутомление и постоянные стрессы – прямой путь к обострению профессиональных хронических заболеваний и сокращению общей продолжительности жизни преподавателей.

Несмотря на все особенности работы и отдыха, в целом удовлетворенность преподавателей своей жизнью достаточно высока: полностью удовлетворены 46,3%, частично удовлетворены – 47,3% (в сумме – 93,6%). На этом общем фоне чуть больше половины преподавателей (52,5%) отмечают, что их жизнь и жизнь семьи за последние годы осталась прежней (не изменилась). Вместе с тем, чуть меньше трети опрошенных (28,5%) заявили, что их жизнь ухудшилась под влиянием тех сложностей, которые приходится преодолевать преподавателям и их

семьям в условиях борьбы с коронавирусом.

Прекаризация жизни преподавателей (нестабильность как объективный показатель и неуверенность как субъективный показатель) наглядно проявляется в их оценках будущего. Практически пятая часть опрошенных испытывает прямо фрустрирующие чувства (21,5% - страх, 19% - беспомощность). Есть основание предположить, что так повлияла на преподавателей обстановка пандемии, а также последовавшие изменения условий работы и жизни.

Включение нестабильности и неуверенности в основные жизненные ориентации просматривается и в ближайших целях, которые ставят перед собой преподаватели: 31% - обеспечить будущее детей; 23,8% - «приобрести квартиру, купить/построить дом/дачу»; 26,8% - «найти новые источники дохода». Для этого – повысить свою квалификацию, образование (15%) и добиться повышения в должности (12,3%). Вполне рациональный и понятный план, если не обращать внимание на его реальную подоплеку – защитить себя и своих близких (а потребность в безопасности, как известно, является той базовой потребностью, без которой невозможен переход к высшим ступеням – самореализации личности).

Заключение

Преподавателям высшей школы пришлось отвечать на вызовы новой реальности, в которой оказалась их работа и жизнь. Неожиданный и быстрый переход на дистанционное образование, необходимость осваивать новые (непривычные для большинства) интерактивные компетенции, увеличение нагрузки в связи с большим объемом решаемых непростых задач (от технических до методологических) не только оказали влияние на формирование новых смыслов профессиональной деятельности, но и повысили уровень дистресса в жизни преподавателей. При этом смыслы повседневной жизни оказались прямо зависимыми от производственных. Значительная часть досуга оказалась своеобразным продолжением выполнения рабочих задач. Нестабильность, неустойчивость положения преподавателей отразилась на их потребностях, снизив до уровня базовых, связанных с защитой себя и семьи в настоящем и будущем. Преподаватели вузов любят свою профессию, но силы их не бесконечны и им требуется не только материальная поддержка, но и понимание их огромного вклада в развитие и сохранение человеческого капитала.

Литература:

- Аналитический доклад. Вузы в условиях пандемии и после нее. Уроки “стресс-теста”. М.: Мин-во науки и высшего образования РФ, 2020. 52 с.
- Буряк В.В., Шостка В.И. Цифровизация образования: disruptive technologies в образовании // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 9 (97). С. 21-30.
- Воробьева И.А., Жукова А.В., Минакова К.А. Плюсы и минусы цифровизации в образовании // Педагогические науки. 2021. №1 (103). С.110-118.
- Голубин Р.В., Саралиева З.Х., Судьин С.А. (2021) Пандемия Covid-19 и дистанционное обучение как факторы формирования новой реальности ППС российских ВУЗов (на примере ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Интеллигенция в новой реальности: сборник научных статей. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. С. 159-169.
- Гордеева Е.В., Мурадян Ш.Г., Жажоян А.С. Цифровизация в образовании// Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №4-1. С. 112-114.
- Стриханов Н.М., Шереги Ф.Э. Инструментальная эффективность и социальная дисфункция дистанционного образования // Интеллигенция в новой реальности: сборник научных статей. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. С. 25-52.

Педагогическая интеллигенция и профессиональные экспектации

О.Б. Истомина

доктор философских наук,
заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин
Иркутского государственного университета (г. Иркутск)

Новая конструируемая социальная реальность в условиях обострения санитарно-эпидемической обстановки актуализирует роль ряда профессиональных элит. Рискогенность пандемии и дефицит своевременной медицинской помощи в условиях ее растущей потребности у населения определили трансформации в понимании не только медико-биологической, но и рекреационной и социальной ценности врачебного труда. Данные трансформации в осмыслении ценности данной профессии и оценки труда, в том числе стоимостной, в ситуации социально-медицинской катастрофы очевидны. Но вместе с тем произошли изменения и в иных, социально-значимых сферах труда. К таковым относится педагогическая деятельность, которая претерпела не менее значительные изменения, сформировала новый портрет учительства, определила круг потребностей педагогической общественности и учебной аудитории, обнажила множество социальных проблем, связанных как с материально-техническим оснащением образовательных организаций, так и с их кадровым обеспечением. Значимость педагогического труда возросла в глазах родительского сообщества как потребителей и заказчиков образовательных услуг в период пандемии. Родители, столкнувшиеся с реализацией учебного процесса детей в домашних условиях в период пандемии, изменили свое отношение к труду педагога, оценили трудоемкость учебного процесса, его физические, а главное, психоэмоциональные затраты. Сформированные в течение трех последних десятилетий необъективно заниженные оценки общества, снижение социального престижа профессии, растущие трудоемкость и ответственность наряду со стоимостным обесцениванием, особенно в региональных экономиках, труда воспитателя, учителя, педагога в условиях пандемии подверглись заметной коррекции. Следует отметить, однако, что, в

отличие от медицинского труда, трансформации произошли только в отношении моральных оценок и не нашли отражение в материальном стимулировании труда. Изменения в социальных оценках обусловлены убедительной динамикой форм образовательного процесса и даже его реконструкцией, основанной на распространении новых технологий.

Изменения в восприятии ценности педагогической профессии коррелируют с тенденциями динамики престижности профессии, выявленной в том числе и исследованиями ВЦИОМ (январь 2022 г.). За последние 15 лет, т.е. в сравнении с 2006 г., «престижность работы в образовании выросла на 15 пунктов (с 4% в 2006 г. до 19% в 2021 г.)», еще большую привлекательность закономерно в условиях пандемии получила работа в медицине (прирост на 20 пунктов – с 11% в 2006 г. до 31% в 2021 г.) [Престижные профессии..., 2021].

Очевидно, что институт образования на всех уровнях изменил свой облик, определив степень готовности/неготовности организаций к агрессивному воздействию внешних сред. Реструктуризация учебного процесса и применение дистанционных технологий в период пандемии и ограничений массовых мероприятий наглядно доказали, что результативность образовательных организаций зависит не только от уровня выполнения целей-заданий, но и от технического оснащения, штатного комплектования, организационной культуры, психологического климата в учреждении, зрелости коллектива и степени его готовности к решению новых задач.

Трансформации в организации образовательного пространства актуализировали задачи и роль педагогической интеллигенции в обеспечении социальной стабильности. Профессиональные ожидания в отношении педагогической общественности значительно возросли. Ожидания родительской и ученической аудиторий основаны на необходимости обеспечения учебных задач, исключая потери качества оказываемых образовательных услуг в дистанционном формате, а также реализации развивающих и воспитательных мероприятий, и вместе с тем, сохранения позитивного психосоматического состояния, обеспечения рекреационных задач, профилактирующих специфическую психологическую усталость от тотального перехода на дистанционные технологии. Кроме того, ожидания включают просветительскую работу, применение здоровьесберегающих технологий не только в отношении обучающегося, но и семейного окружения, поскольку учебный процесс был перенесен из классной аудитории в домашние условия.

Данные ожидания связаны не только с содержательным изменением транслируемого контента, форм его выражения в дистанционном формате, но и с минимальными временными

затратами на реконструкцию привычной модели взаимодействия «ученик-педагог». Очевидно, что в силу разности уровня жизни и уровней социального благополучия в российских регионах, временные и содержательные издержки слишком разнятся.

«Стресс-тесты» (такое название получил процесс перевода обучения на полноцикловый дистанционный режим в профессиональных кругах) пройдены образовательными организациями с разными результатами. Анализ факторов неуспешности учебных результатов, с одной стороны, и их резильентности в схожих социальных условиях, с другой, позволяет выделить наиболее проблемные позиции, в решении которых необходимо участие не только профессиональных сообществ, но и региональной власти, особенно в условиях пролонгации ограничительных мер в отношении массовых, публичных видов деятельности. На наш взгляд, наибольшим градусом проблемности обладают следующие процессы:

- организационно-технические затруднения;
- недостаточность знаний педагогических коллективов о правилах организации видеоконтента, о требованиях к дистанционным ресурсам в организации онлайн-курсов, демонстрационно-презентационных материалов;
- усиление специфической психологической усталости;
- проблемы материально-технического оснащения;
- трудности организации синхронного режима взаимодействия и обратной связи с аудиторией;
- увеличение объема подготовки и вызванный этим переход на ненормированный вид труда: 84% педагогов и 59% обучающихся отметили значительное увеличение временных и энергозатрат [Истомина, 2021: 68-69; Итоги опроса..., 2020].

Данные позиции негативным образом влияют на обеспечение успешности учебного процесса и его ожидаемых результатов, определяют разрастание социального недовольства, затрудняют не только результативность института образования, но и снижают мотивационные устремления как в ученическом, так и в педагогическом коллективах.

Так, к примеру, 60% россиян, согласно замерам общественного мнения, проведенного АНО «Левада-центр» в 2021 г., отмечают ухудшения в работе образовательных учреждений (см табл. 1) [Общественное мнение, 2021: 71; 2020 год: Итоги].

Таблица 1

Динамика оценки работы образовательных учреждений

Год	Положение изменилось к лучшему	Положение изменилось к худшему	Положение не изменилось	Затрудняюсь ответить
2010	14	30	44	13
2011	11	34	40	15
2012	9	29	50	12
2013	9	30	49	13
2014	10	26	51	13
2015	7	32	47	15
2019	14	34	43	9
2020	9	60	21	9

Исследования, проведенные ВЦИОМ, также демонстрируют изменения в общественных оценках педагогического труда. Согласно данным ВЦИОМ, 36% респондентов оценивают условия работы учителей как неблагоприятные. Среди проблем, с которыми сталкиваются учителя в первую очередь, 40% опрошенных отметили маленькую зарплату, 34% – неуважение со стороны учеников и их родителей, 29% – большое количество отчетности [ВЦИОМ узнал...; 2021].

Проблемы реализации поставленных учебных и воспитательных задач усложняются в удаленных депрессивных регионах, где последние десятилетия не решаются вопросы кадрового дефицита в образовательных организациях. К примеру, большая часть образовательных организаций Иркутска работают в две смены, поскольку контингент обучающихся значительно превосходит проектные мощности. Сегодня в Иркутске обучаются более 85 тыс. школьников в 74 общеобразовательных учреждениях, зафиксирован дефицит более 45 тыс. мест для обеспечения односменного обучения. Только 4 школы не выходят за рамки проектной мощности, 3 из них находятся на городских окраинах. Переполненность исчисляется от 1,5 до 2,7 раза. Проблематичность решения вопросов комфортного размещения обучающихся определила появление в региональной системе образования понятия «подсменка», когда учащиеся начальных классов учатся с середины первой до середины второй смен [Лопаются по швам...; 2022]. Очевидно, что загруженность школ обуславливает раз-

растание психологической усталости, стрессогенности, конфликтов, а в условиях перегруженности педагогических коллективов и нехватки кадров, «профессионального выгорания» превращает образовательное пространство в изначально конфликтную среду, не способную в полном объеме реализовать учебные и воспитательные задачи.

В условиях пандемии 2020-22 гг. и увеличения объема подготовки, перехода на ненормированный вид труда возросли проблемы адаптивно-психологического характера. Пандемия усилила эффекты полярности в оснащении образовательных организаций центральных и периферийных регионов, обнажив стратификационную пропасть. Проблемы, с которыми столкнулись учреждения среднего образования, очевидны. Педагоги высказывали жалобы на низкую оснащенность персональными техническими средствами видеоконференц-связи, в том числе в ученических группах, отсутствием бесперебойного канала интернет-связи, с недостаточностью мощности серверов учреждений, проблемы самоорганизации школьников и адаптации к новому формату технически и психологически неготовой аудитории. Решение технических вопросов во многом было затруднено снижением трудовой активности родительской семьи, снижением оплаты труда или вовсе потерей работы. По данным опросов ВЦИОМ (декабрь 2020 г.), «ключевыми страхами россиян в 2020 году стали опасения снижения доходов (72%), от которых зависит и качество жизни, и обеспечение семьи. Опасения закономерны и оправданы рисками кризиса труда в условиях пандемии и зарождающейся постпандемической реальности (48%)» [Истомина, 2021: 70].

Траектории изменений в социальном институте образования демонстрируют негативные тенденции: за последнее десятилетие в два раза увеличилось число респондентов, отмечающих рост деструкций и движение к худшим сценариям: пандемия вскрыла глубокие проблемы.

Очевидно, что роль педагогической интеллигенции в кризисные периоды возрастает. Экспектации в отношении профессиональной группы в такие этапы, как правило, завышены: ожидания связывают с улучшением качества выполняемых трудовых функций, с повышением внимания к ученической аудитории, с учетом психоэмоционального настроения обучающегося, его соматического состояния, исключая снижение качества учебных результатов, а также связывают с обеспечением комфортного контента на основе верно выстроенной модели дистанционного обучения.

Таким образом, соответствие педагогической интеллигенции профессиональным экспектациям в условиях формирования новой социальной реальности возможно при решении важных стратегических

задач в современном образовании, среди которых первостепенную роль играют организация социальной и организационно-технической поддержки обучающихся и педагогического коллектива, нивелирование полярности в материально-техническом обеспечении образовательных учреждений центра и провинции, городских и сельских поселений, коррекция нагрузки на педагогов и обучающихся и решение проблем «перенаселенности» школ, реализация программ снижения психологической и эмоциональной усталости от дистанционных форм обучения, обеспечение методической и организационно-технической поддержки педагогическим коллективам.

Литература:

2020 год: Итоги [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.levada.ru/2020/12/29/2020-god-itogi/> (дата обращения: 17.03.2021).

ВЦИОМ узнал мнения россиян о качестве школьного образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://tass.ru/obschestvo/12581995> (дата обращения: 08.02.2022).

Истомина О. Б. «Стресс-тесты» института образования в условиях новой социальной реальности / Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Иркутск, 23 апреля 2021 г. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 63-72.

Итоги опроса об отношении учителей к переходу на дистанционное обучение [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.eseur.ru/podvedeni_itogi_oprosa_ob_otnoshenii_uchiteley_k_perehodu_na_distancionnoe_obuchenie/ (дата обращения: 02.11.2020).

Лопаются по швам – карта заполненности школ Иркутска. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ircity.ru/articles/61852/> (дата обращения: 08.02.2022).

Общественное мнение – 2020. – М: Левада-центр, 2021. – 152 с.

Престижные профессии: вчера, сегодня... завтра? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizhnye-professii-vchera-segodnja-zavtra> (дата обращения: 08.02.2022).

Преподаватели вузов в постсоветской России: социальная травма

В.Ф. Пугач

доктор социологических наук,
профессор кафедры ЮНЕСКО НИТУ МИСиС

Социально-экономическая трансформация общества, произошедшая в результате смены эпох плановой и рыночной экономики в нашей стране, оказала большое влияние на профессорско-преподавательский состав вузов.

Положение преподавателя вуза, как представителей и других профессий, со временем существенно изменялось. «К концу XIX столетия престиж профессора университета значительно снизился. Все ярче ценились блеск военного мундира и муаровая подкладка гражданского чина» [Чиненный, Стоян, 1999: 131]

В советское время положение преподавателя вуза, как в социальном, так и экономическом плане было очень высоким. В Аналитической записке НАТО об образовании в СССР 1959 г., авторов которой трудно заподозрить в приукрашивании ситуации, говорится о том, что преподавание относится к приоритетным задачам государства, хорошо оплачивается и является престижным занятием, а подготовка преподавателей – это первоочередная задача [Аналитическая..., 1959].

Рассмотрим изменения в положении преподавателей российских вузов, наблюдавшиеся в постсоветское время. Динамика численности преподавателей государственных вузов представлена на рис. 1

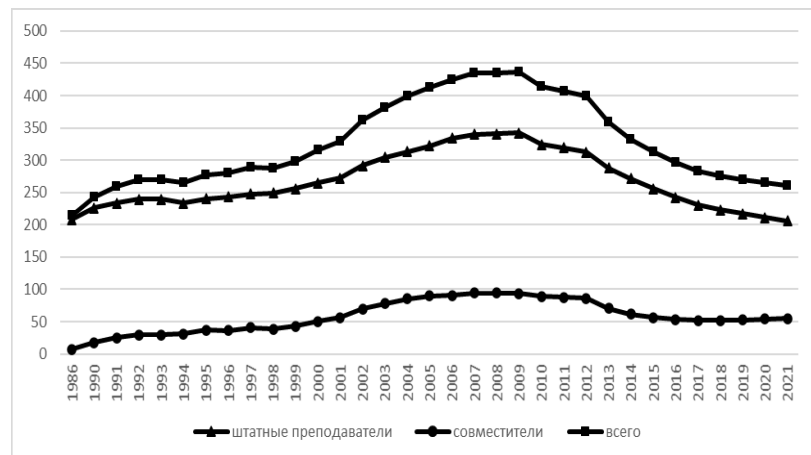


Рис. 1. Численность ППС государственных вузов, тыс. чел.

Источники: Образование в Российской Федерации: 2014: 137; Индикаторы образования: 2021: 314; Статистические формы ВПО-1 Минобрнауки РФ; Высшее и послевузовское образование в России, 2004: 116

В 1990 г. численность штатных преподавателей составила 226 тыс., в результате последующего роста в 2009 г. достигнуто максимальное значение - 343 тыс., т. е. численность выросла в 1,5 полтора раза. После достижения экстремального значения штат преподавателей быстро сокращался и в 2019 г. составил 206,4 тыс., что на 40% меньше максимального значения и является минимальным значением, начиная с 1990 г. Если обратиться к абсолютным значениям, то они такие: с 1990 по 2009 гг. численность выросла на 116,7 тыс. человек, а сокращение произошло на 136,3 тыс.

Значительные колебания происходили и в численности совместителей. С 17,6 тыс. в 1990 г. их численность к 2008 г. выросла до 94,5, или в 5,4 раза. Сокращение совместителей к 2021 г. произошло до 54,9 тыс., или в 1,7 раза. Абсолютные значения изменений численности совместителей были такие: с 1990 по 2008 гг. численность выросла на 76,9 тыс., сокращение с 2008 по 2021 гг. – 39,6.

Из приведенных значений видно, что для преподавателей вузов с 1990 г. характерна исключительная неустойчивость трудовой занятости: их численность менялась очень резко, например, в 2002 г. по сравнению с 2001 численность штатных преподавателей увеличилась на 19,1 тыс., а в 2017 по сравнению с 2016 г. сократилась на 18,8 тыс.

Одним из важных и часто обсуждаемых в последние годы показателей является возраст преподавателей [Пугач, 2017]. Картина распределения преподавателей государственных вузов постсоветской России по возрастным группам показана в табл. 1. Для сравнения приводятся также данные еще за два года, по одному - советского и дореволюционного периодов.

Таблица 1. Распределение штатных преподавателей вузов по возрастным группам

Годы	Всего		Доля преподавателей в возрасте, %					Старше 65 лет
	чел, тыс.		до 30 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–65 лет	
1880*		100	7,3	36,0	36,0	14,9		5,7
1988**	528,7	100	9,6	32,1	33,0	18,1		7,2
1998	249,6	100	10,9	18,3	26,6	26,5	10,9	6,8
1999	255,9	100	11,8	17,6	25,6	25,4	12,5	7,1
2002	291,8	100	15,5	17,4	23,0	22,6	13,1	8,4
2006	334,0	100	15,9	19,6	19,9	22,8	9,4	12,5
2010	324,8	100	12,0	24,2	17,6	20,7	10,3	15,3
2013	288,2	100	9,5	24,7	18,3	20,4	9,9	17,1
2015	255,8	100	7,8	23,9	20,1	19,9	10,1	18,2
2018	234,1	100	5,6	22,0	24,0	19,4	9,9	19,1
2019	227,0	100	5,2	21,1	25,2	19,2	9,8	19,5
2020	223,1	100	4,8	20,3	26,3	19,3	9,7	19,6
2021	217,6	100	4,7	19,7	27,1	19,5	9,6	19,4

В таблице для каждого года жирным шрифтом выделены два максимальных значения,

курсовом – два минимальных

* данные относятся к дореволюционной России

** данные относятся к СССР

Источники: Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М., 2021: 45; Статистические материалы о системе повышения квалификации, 1989: 8; Высшее и послевузовское образование в России, 2004: 119; Образование в Российской Федерации: 2014: 139; Индикаторы образования: 2021: 324; Сайт Министерства науки и высшего образования

Как видно из данных табл.1, максимальные значения приходятся на лиц от 30 до 60 лет, что вполне ожидаемо. Для воспроизводства кадров, возможностей передачи опыта важным является как наличие лиц наиболее молодых и старших возрастов, так и соотношение между ними.

В течение всего рассматриваемого периода постоянной тенденцией является рост преподавателей самой старшей возрастной группы – от 65 лет. Параллельно этому тренду с середины нулевых годов наблюдалась также тенденция к снижению доли молодежи до 30 лет. В результате действия разнонаправленных трендов в конце нулевых годов эти два

показателя почти сравнялись, а далее расхождение увеличивалось. Если в 1998 г. доля лиц до 30 лет в 1,6 раза превышала долю самой старшей возрастной группы, то в 2021 г. молодых было более чем в 4 раза меньше. И это, безусловно, тревожная тенденция, свидетельствующая о быстром и значительном снижении привлекательности высшей школы как места работы для молодежи.

Теперь обратимся к ситуации 1988 и 1880 гг. Обращает внимание тот факт, насколько близки ситуации, хотя их отделяет почти 100 лет. Следует также отметить относительно низкие доли как самых молодых, так и самых возрастных преподавателей, причем доли молодых явно больше, чем лиц старше 65.

Обратимся к данным о гендерной структуре преподавателей государственных вузов (рис. 2).

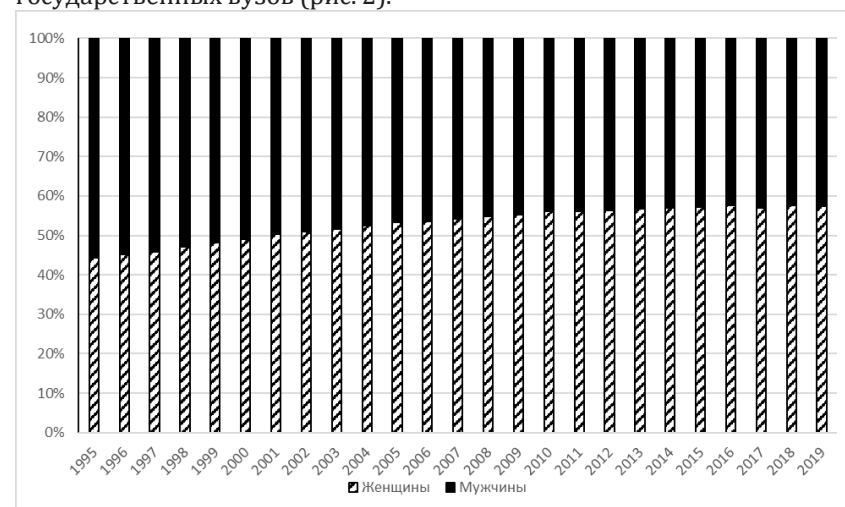


Рис. 2. Гендерный состав преподавателей вузов, %

Источники: Образование в Российской Федерации: 2014: 137; Индикаторы образования: 2021: 316; Сайт Министерства науки и высшего образования; Высшее и послевузовское образование в России, 2004: 116

Явно видна тенденция - практически монотонный рост доли женщин среди штатного персонала российских вузов. В 1995 г. женщины составляли чуть более 44%. В результате роста доли женщин на рубеже веков произошло принципиальное изменение гендерного состава вузовских преподавательских кадров. До 1999 г. женщины составляли менее половины всех преподавательских кадров. Годы

миллениума отмечены практически гендерным паритетом среди преподавателей, причем наиболее близким к равновесному состоянию явился 2001 год. В результате продолжающегося монотонного роста к 2021 г. доля женщин составила почти 59 процентов.

Для сравнения гендерного состава преподавателей российских вузов на международном фоне используем данные Института статистики ЮНЕСКО (рис. 3).

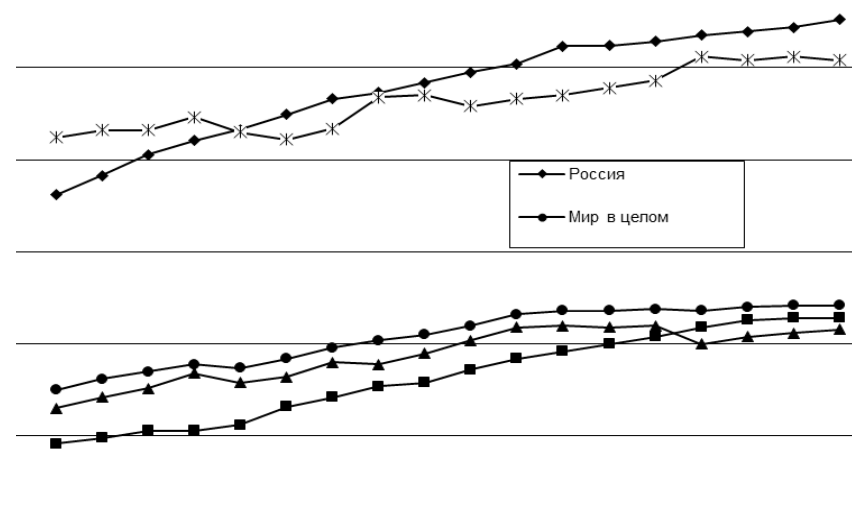


Рис. 3. Доля женщин среди преподавателей вузов России и зарубежных стран в 1999–2016 гг., %

Источники: Образование в Российской Федерации: 2014: 137; Индикаторы образования: 2021: 316; Сайт Министерства науки и высшего образования; Высшее и послевузовское образование в России, 2004: 116; Статистические данные по высшему образованию Института статистики ЮНЕСКО

Из рис.4 видно, что все динамические ряды отражают тенденцию к росту, но их уровни и скорость изменения существенно отличаются. Самый низкий процент женщин - в развитых странах, далее идут развивающиеся страны и чуть выше - ситуация в мире в целом. Следует отметить, что значения трех кривых находятся ниже уровня 45%, причем они не только расположены близко друг к другу, но и наблюдается тенденция к их сближению, причем развитые страны как бы подтягиваются к развивающимся.

В большом отрыве от них находятся кривые, отражающие гендерный состав преподавателей вузов в России и странах переходного периода. Соответствующие им значения находятся в области выше 45%, обеим характерна тенденция к росту, но его темп у стран переходного периода меньше, чем в России. Если рассматривать во взаимосвязи Россию и страны переходного периода, то динамика будет следующей: в период с 1999 по 2002 гг. включительно доля женщин в России ниже, чем в странах переходного периода. В 2003 г. они фактически сравнялись, после чего российский уровень постоянно выше.

Для более точного количественного сравнения динамики гендерного состава преподавателей вузов в России и его оценки на международном фоне используем индекс паритета, который равен 1 при гендерном паритете, меньше единицы в случае, когда женщин меньше, чем мужчин; больше единицы – женщин больше [Всемирный..., 2006: 183]. Динамика значений индексов гендерного паритета, рассчитанных для преподавателей вузов России и групп зарубежных стран, показана на рис. 4.

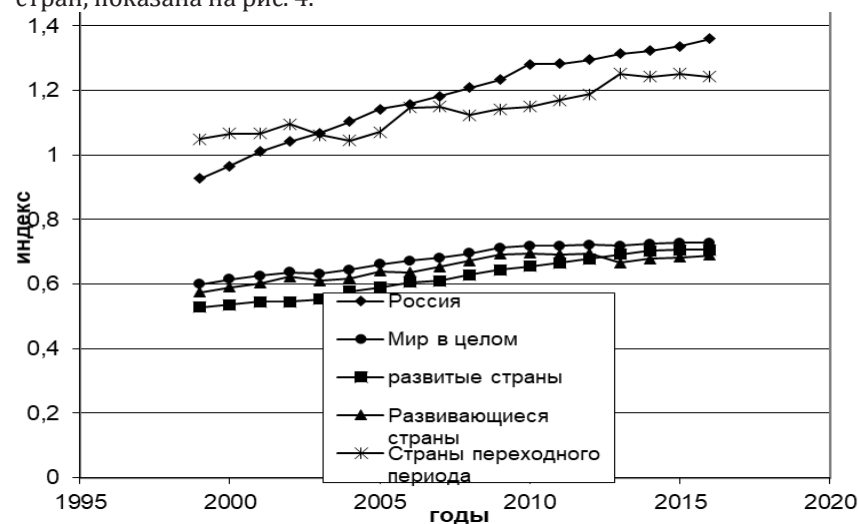


Рис.4. Индекс гендерного паритета в 1999–2016 гг.

Рассчитано по источникам: Образование в Российской Федерации: 2014: 137; Индикаторы образования: 2021: 316; Сайт Министерства науки и высшего образования; Высшее и послевузовское образование в России, 2004: 116; Статистические данные по высшему образованию Института статистики ЮНЕСКО; Всемирный доклад по образованию: 183

Расположение кривых, отражающих динамику индекса паритета, в целом аналогично в целом в мире, в развитых и развивающихся странах, как видно на рис. 4, индекс паритета постоянно меньше 0,8, в странах переходного периода – больше 1.

В России наблюдалась следующая ситуация: с 1999 по 2002 гг. индекс паритета меньше, чем в странах переходного периода. В 2003 г. эти индексы сравнялись, что на рис. отражено пересечением кривых. С 2004 г. российский уровень индекса монотонно растет, причем быстрее, чем у стран переходного периода, тем более у развитых и развивающихся стран. В целом в мире, в развитых и развивающихся странах индекс растет, но очень медленно, например, в мире за период с 1999 по 2016 годы он вырос с 0,60 до 0,73. В России – с 0,93 до 1,36. Следовательно, быстрые темпы феминизации высшей школы все дальше удаляют Россию не только от развитых, развивающихся стран, но и стран переходного периода и ситуации в целом в мире.

Для характеристики динамики уровня феминизации преподавательского состава по должностям рассмотрим показатели гендерного состава и кратность его изменения в течение периода с 1999 по 2017 гг. (табл.2.).

Таблица 2. Женщины среди преподавателей по должностям, %

Должности	Доля в 1999	Доля в 2015	Кратность роста за 1999–2015	Доля в 2017	Кратность роста за 1999–2017
Ректоры	5	25	5,00
Проректоры	16	34	2,1	36	2,25
Деканы	22	42	1,9	48	2,18
Заведующие кафедрами	26	43	1,6	46	1,77
Профессора	19	33	1,7	35	1,84
Доценты	42	59	1,4	60	1,43
Старшие преподаватели	64	70	1,1	69	1,08
Преподаватели и ассистенты	67	67	1	66	0,98

Рассчитано по источникам: Женщины и мужчины России, 2000: 55; Статистические формы ВПО; Индикаторы образования, 2020: 313; Индикаторы образования, 2016: 237, 239

Из табл. 2 видно, что доля женщин среди преподавателей за

период с 1999 по 2017 гг. выросла по всем должностным позициям, кроме двух последних. К сожалению, данных о ректорах за 2015 г. нет. Максимальный рост отмечен среди ректоров (в 2,6 раза), далее идет деканы, еще дальше – профессора, в целом по мере снижения позиции в должностной структуре уменьшается и кратность роста вплоть до почти нулевого у преподавателей и ассистентов. Следовательно, зависимость можно сформулировать следующим образом: чем выше должность, тем интенсивнее происходит процесс феминизации.

Рубеж веков отмечен исключительной неустойчивостью трудовой занятости преподавателей вузов, причем изменения касались как штатных преподавателей, так и совместителей, и были они и в сторону роста, и сокращения. Например, численность совместителей с 17,6 тыс. в 1990 г. выросла к 2008 г. более чем пятикратно, до 94,5 тыс., а сокращение к 2021 г. произошло почти на 40 тыс. Численность штатных преподавателей в 2002 г. по сравнению с 2001 увеличилась на 19 тыс., а в 2017 по сравнению с предыдущим сократилась почти на 19 тыс.

Изменения возрастной структуры преподавательского состава, особенно - значительное снижение доли молодежи и роста доли лиц старших возрастных групп. Сложившаяся диспропорция - доля лиц старше 65 лет более чем в четыре раза превышает долю молодежи до 30 лет - свидетельствует о снижении привлекательности профессии вузовского преподавателя у молодежи и вытекающих из этого вероятных проблем с воспроизводством преподавательских кадров.

На фоне медленного, постепенного роста доли женщин среди преподавательского состава вузов как общемировой тенденции феминизация в России происходит более быстрыми темпами. Процесс феминизации в российских вузах отмечен по всем уровням должностной иерархии, причем наблюдается зависимость - чем выше уровень в должностной структуре, тем в большей степени происходит феминизация.

Рассмотренные тенденции свидетельствуют о произошедшей в постсоветское время социальной травме преподавателей вузов, проявившейся в прекаризации труда, в разрушительных изменениях его условий: неустойчивости трудовой занятости; дисбалансе возрастной структуры, угрожающем воспроизводству кадров; тотальной феминизации; снижении привлекательности профессии преподавателя вуза.

Литература:

- Аналитическая записка НАТО об образовании в СССР 1959 г. Сайт «История государства». URL: <https://statehistory.ru/4316/Analiticheskaya-zapiska-NATO-ob-obrazovanii-v-SSSR-1959-g/> (дата обращения 21.12.2021)
- Всемирный доклад по образованию. 2006. Сравнение мировой статистики в области образования /Институт статистики ЮНЕСКО. Монреаль, 2006.
- Высшее и послевузовское образование в России, 2004. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2004.
- Женщины и мужчины России. Стат. сб. М., Госкомстат, 2000.
- Индикаторы образования: 2016: статистический сборник / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016.
- Индикаторы образования: 2020: статистический сборник /Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020.
- Индикаторы образования: 2021: статистический сборник /Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014
- Пугач В.Ф. Возраст преподавателей в российских вузах: в чем проблема? // Высшее образование в России. 2017. № 1.
- Статистические данные по высшему образованию. Институт статистики ЮНЕСКО. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx-queryid=178&lang=en> (дата обращения 21.12.2021)
- Статистические материалы о системе повышения квалификации научно-педагогических кадров вузов, их численности и составе /Госкомитет СССР по народному образованию. М., 1989.
- Статистические формы ВПО-1 Минобрнауки РФ. Сайт Министерства науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/about/opendata> (дата обращения 21.12.2021)
- Чиненный А., Стоян Т. Университетский преподаватель XIX век // Высшее образование в России. 1999. № 3.

Работники образования под бюрократическим бумажным прессингом

А.М. Осипов

доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

А.Г. Кукушкина

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород

Бюропатологии и бумажный прессинг в российском образовании

В российской социологии термин «бюропатология» развит недавно, выделены предпосылки и инструменты бюропатологий (информационных, экономических, нормативно-правовых и др.). [Осипов, 2020: 957-959, Школа..., 2020]; изучены «превращенные» формы [Тхагапсоев, Сапунов, 2016]; сделаны попытки описания социально-ролевых моделей [Гибадуллина, Черкасова, 2016; Игошев, 2014; Абрамов и др., 2017], которые принимает на себя персонал образования. Однако попытки описания сфокусированы на характере взаимодействий с учащимися и не вычленяют колоссальную бумажную работу, составляющую 11-12 часов в неделю [Школа..., 2020: 230].

В данной статье поставлена проблема, как персонал образования реагирует на бюропатологии, какие социальные роли осваивает он под бумажным прессингом? Освещение этих ролей позволит понять, с опорой на какие социальные ресурсы возможно выведение его из бюрократического кризиса.

Рольевые модели работников

Исследовательский акцент на бумажной работе, столь болезненной для персонала образования, дает основания для выделения ролевых типажей. Обобщить эти типажии можно, предприняв попытку их классификации на основе двух параметров («активность – пассивность» и «содействие – противодействие»). Большинство всех

ролевых моделей сводятся к четырем группам: активного и пассивного содействия, активного и пассивного противодействия.

Излагаемая ниже группировка ролевых моделей (рис. 1) вбирает в себя, как правило, несколько вариаций, включая маргинальные, узнаваемые из практики. Устойчивые модели, укорененные за годы бумажного прессинга, совместимы с понятием «профессиональная стратегия» и выполняют ориентирующую функцию. Так, работник, наделенный научно-исследовательским видением преподаваемой дисциплины, в рамках принятой ролевой модели выбирает между:

а) гибкой, подчас непредсказуемой, но в итоге более полноценной реализацией образовательного процесса в контексте научной картины того или иного тематического сюжета и

б) следованием требованиям, задающим любому предметному сюжету свои временные, категориальные, методические рамки, предписанные рабочими программами, фондами оценочных средств и протоколами контроля, списками литературы и т. п.



Рисунок 1. Рольевые модели персонала под бумажным прессингом

Активное содействие основано на норме «начальник всегда прав», его сторонники заинтересованы в поддержании или увеличении бюрократического прессинга. Ему следуют «эффективные менеджеры», проявляющие лояльность вышестоящим кадрам и

готовность к служебному росту. Но чаще они заняты формальными преобразованиями – сменой формулировок, разработкой новых инструкций, программ и проектов. Активное содействие помогает им создать видимость бурного развития образования, а на деле лишь имитировать эффективность.

На вторых ролях активного содействия – «избыточные администраторы», которым важно показать преданность вышестоящему менеджменту, сотрудники муниципальных органов управления.

Важная группа содействующих – сотрудники, чья работа заключается в проверке документации – инспекторы портала «Дневник.ру», специалисты государственной аккредитации и т. п.

Пассивное содействие представлено частью сотрудниками административного персонала, занятых обращением документов, информирования нижестоящих, сбором данных.

Наиболее безобидный типаж данной группы – «Неумелые администраторы». Они из-за незнания источников данных или неумения работать спускают все новые запросы и поручения нижестоящим органам управления, организациям и работникам образования. Распространенность данной группы также связана с текучестью кадров.

Ответственный администратор не помышляет о целесообразности преодоления бумажного прессинга, исправно «тянет лямку» и стремится не «ударить лицом в грязь» перед начальством, вполне отдавая себе отчет в подчас субъективном характере управления.

В группе пассивного содействия присутствуют также рядовые сотрудники. Один из таких типажей – «показушники», отдающие приоритет красивому отчету. Они редко признаются (порой даже самим себе), что во главе угла их работы стоит внешняя картинка, но приводят достигнутые ими формальные рейтинги (дипломы, грамоты, сертификаты и пр.) в подтверждение своих заслуг. В этой группе немало и тех, кто не планируют задерживаться в образовании и уже имеют иные профессиональные перспективы.

Распространенной моделью пассивного содействия можно считать «перегоревших». Перегоревшие разочарованы в профессии и системе образования в целом. Они видят, что своевременный, «образцовый» отчет ценится выше реального дела, отдают больше сил документальной стороне работы, нежели образовательным задачам.

«Страдальцы» негативно относятся к бумажной работе, но не выражают открытого недовольства и не предпринимают активных действий из любви к своим ученикам и профессии, из страха потерять

работу. Важной причиной безропотного принятия правил «бумажной игры» становится возрастающая ответственность педагога за разные стороны жизни учеников.

Чертой бумажного прессинга, ведущей к выгоранию работников, являются его агрессивный стиль и санкции против «строптивых» [Бюрократы угрожают..., 2020].

Пассивное противодействие – самая массовая социальная роль работников в столкновении с бумажным прессингом. Они часто открыто и кулуарно высказывают недовольство и принимают ситуативные меры противодействия, решая проблему в узких рамках своих обязанностей.

«Эскейписты» стараются снизить объем личной бумажной работы, иногда даже в ущерб своим доходам (премии, стимулирующие надбавки) и лояльным отношениям с начальством.

«Адаптирующиеся» балансируют в информационных потоках, сохраняя хорошее расположение руководства к себе, свои финансовые привилегии, психическое и физическое здоровье. Они сокращают заполнение тех документов, которые «никому не нужны».

Среди адаптирующихся распространена кооперация с коллегами (написание одной образовательной программы на двоих или нескольких коллег), пользование шаблонами документов, им свойственна высокая информационная компетентность (вместо того, чтобы распечатать и отсканировать документ, можно сфотографировать свою подпись и вставить ее в документ и сохранить в нужном формате).

В ответ на прессинг со стороны вышестоящих органов, запоздалые запросы, бессмысленные и формальные требования, работники в отчетах сдают некачественную информацию. При пассивном противодействии практикуется «теория четырех гвоздей» [Школа..., 2020: 255], ориентированная на то, что некоторые запросы теряют актуальность.

Интересны, с точки зрения выхода из-под бумажного прессинга, ролевые модели активного противодействия. «Разумные хозяева», занимая промежуточную позицию между исполнителями и администраторами, подчас выстраивают внутреннюю систему информационных потоков, даже локальную сеть документооборота, меняют отношение к отчетности ради сосредоточенности на качестве образования. Они оберегают своих подчиненных, отклоняя некоторые информационные запросы «сверху».

Более 80% разумных хозяев считает, что работников не стоит наказывать за оплошности, если речь идет о бесполезных бумагах.

«Нигилисты» – немногочисленная группа. Они могут выйти из корпоративного чата, не участвовать в работе проектных групп и

отказываться от других видов бумажной работы, а также планерок, заседаний, мероприятий. Однако они не меняют систему, создавая лишь временные трудности коллегам или вышестоящим администраторам.

Наименее удобная для бюрократической системы группа «Задающих вопросы». Данный типаж критически осмысливает поступающие «сверху» или «со стороны» информационные запросы и поручения. Главный инструмент в его работе – вопрос «Зачем?».

Стремление докопаться до смысла исходящего сверху информационного запроса порой создает таким работникам репутацию «сложных», «нигилистов», но «разумных» управленцев. Они составляют меньшинство персонала образования, как и в среде школьных администраторов. Но такие люди есть в каждом обследованном регионе, находятся обычно «на виду», в локальном и профессиональном сообществах известны как харизматические, «любимые» большинством подчиненных лидеры.

В таком типаже – директора школ, которые опираются на доскональное знание правил и доверие трудовых коллективов и коллег.

Задающие вопросы также спрашивают: «А как можно сделать это иначе?». Они пытаются оптимизировать систему на доступном им уровне, но отсутствие поддержки гасит их стремления под грузом ежедневных задач. Многие негативно настроены по отношению к сетевым чатам, заставляющим их «постоянно быть на связи».

Задающие вопросы и разумные хозяева не являются «бунтарями» и удерживаются от конфликтов. Они отдают себе отчет в том, что от того, сохранят ли они свои должности, зависит стабильность и развитие их трудовых коллективов.

Задающие вопросы и разумные хозяева добиваются внутренней оптимизации информационных потоков, придавая им более рациональный характер. Однако зачастую они не являются носителями институциональной концепции образования, на основе которой строится научно-практическая стратегия совершенствования информационных потоков [Школа..., 2020: 282-292]. Но именно они характеризуются стойким личностным неприятием бюрократического бумажного прессинга.

Радикальным способом активного сопротивления бумажному прессингу и летальным с профессиональной точки зрения случаем бумажного геноцида является уход из сферы образования. По данным исследования [Школа..., 2020], основной причиной ухода из профессии оказывается бумажный вал. Большинство считает, что бумажная работа не оставляет времени на качественное взаимодействие с детьми (более 80%) и творчество в работе (70%). Зачем тогда оставаться? Усугубляется

социальная апатия [Быкова, 2016], и педагог уходит [Клячко, Токарева, 2017]. Но при этом рушится карьера уходящего и, вероятно, меняется профессиональная среда.

Реалии жизни бывают разнообразнее предоставленных выше типажей. Работник может уйти с должности, но не из профессии. Так, заместитель директора школы или руководитель методического объединения могут уйти из администрирования, но остаться на учительской должности, выбирая роль приспособленца или страдальца.

Таковы основные ролевые модели, реализуемые работниками образования и раскрытые через их типичные мотивационные дискурсы.

Бюропатологический ландшафт персонала образования

Бюропатологический ландшафт – это общее описание значимых ценностных позиций в профессиональной среде работников образования по поводу бюропатологий. Миллионы работников образования, большинство из которых – рядовые учителя, не могут самостоятельно освободиться от бумажного прессинга.

Вслед за выделением основных ролевых моделей важно ответить на вопрос о факторах, влияющих на становление той или иной модели в контексте бюропатологий. Для ответа на него обратимся к факторному анализу базы анкетного опроса персонала. Модель определяется конкретным сочетанием ряда параметров (ниже они ранжированы по статистической значимости):

- уровнем критического мышления и профессиональных притязаний (чем они выше, тем активнее сопротивление и поиск «обходных путей»);
- темпераментом, стрессоустойчивостью, гибкостью психики;
- степенью наступившего профессионального выгорания;
- личным опытом оценки и заполнения документов, статусом в межличностных отношениях в коллективе,
- социальным и психологическим климатом в организации (во многом зависящим от стратегии руководителя в вопросе бумажных нагрузок);
- содержанием деятельности (бумажные нагрузки по классному руководству, оборудованию, технике безопасности и др.);
- уровнем информационно-технологической грамотности;
- экономической зависимостью (страхом потерять работу).

Важным также является вопрос о соотношении ролевых типов в профессиональной среде, от которого зависят масштабы и интенсивность бумажного прессинга. На основе данных опроса можно

с некоторой погрешностью определить доли этих типов в персонале образования.

Ролевая модель активного содействия бумажному прессингу – самая малочисленная в массе персонала. Большинство работников, приверженных ей, считает, что российская отрасль развивается в верном направлении (во всем массиве персонала так считают 2%), что в обозримом будущем её ждут улучшения (во всем массиве – 13%). Каждый второй сторонник содействия бумажному прессингу убежден, что отчетность способствует улучшению управления (во всем массиве – 18%). Они втрое чаще удовлетворены организацией бумажной работы (во всем массиве – 10%) и ее оплатой (во всем массиве – 6%). Большинство их считает, что отчетность не мешает работе (во всем массиве – 2-7%), а если работник допускает неточности, то его необходимо наказывать. Категория активного содействия бумажному прессингу составляет 5-10% персонала и более типична для муниципальных органов управления.

Менее четверти в массе персонала составляют приверженцы пассивного содействия. Они лояльны в оценках локального менеджмента и государственной образовательной политики, хотя в оценке острых проблем современного образования сливаются с преобладающим фоном, недовольны слабым финансированием и нерациональной организацией информационных потоков (правда, не видя в этих потоках бумажного прессинга как особой бюрократической технологии). При пассивном содействии остаются размытыми оценки целесообразности наказаний работников за недостатки в отчетности.

Приверженцы сопротивления в разных трудовых коллективах составляют до 70%. Они видят негативные перспективы и ошибочность курса образовательной политики. Даже в органах управления такое восприятие свойственно каждому второму сотруднику. Третий их считает, что отчетность не помогает управлению и более половины – в том, что она используется в управлении. В данной ролевой модели уже есть ценностный диссонанс: половина ее носителей убеждена, что при оценке работника грамотное ведение документов важнее, чем результаты работы. Отсутствие стратегии и инструментов противодействия бумажному прессингу, а порой и мысли о том, что «от меня, винтика, может что-то зависеть», не дает большинству перейти от пассивного недовольства к действиям. В образовательных учреждениях нет рычагов влияния на управленческие информационные потоки и понимания государственно-общественного управления как альтернативы бюрократологиям.

Особенно смелые высказывания позволяют себе сторонники

активного сопротивления бумажному прессингу. Большинство их критически оценивает принципы и главные тренды нынешней государственной политики в сфере образования, видит отсутствие нормативных ограничений для видов и объемов бумажной работы и считает, что бумажная работа в целом планируется неудовлетворительно, а значит, за ошибки и непроверенные сведения работников не стоит наказывать. Доля этой ролевой категории в общей массе персонала едва достигает десятой части, она далека от порога известной концепции «двух третей», дающей надежду на вероятность того, что существующие практики бумажного прессинга могут быть постепенно преодолены движением «снизу», как и бюрократологии в сфере образования в целом.

Выводы

В персонале образования преобладает неудовлетворенность состоянием бумажной работы, превращением бумажного прессинга в технологию бюрократического «универсального менеджмента». Такой прессинг – главный компонент бюрократологий в образовании. Адаптируясь к нему, персонал вырабатывает ролевые модели, понимание которых позволяет точнее оценить социальную ситуацию в образовании.

Многообразие этих моделей дифференцируется по признакам поддержки или сопротивления бумажному прессингу, активности или пассивности. Большинство за противниками такого прессинга, но оно лишено концептуального видения кризиса в отрасли и структуры образовательной политики.

Предотвращение бюрократологий в российском образовании, по нашему мнению, возможно «сверху», при наличии политической воли в государственной образовательной политике и ориентации на институциональные функции образования. Сторонники активного сопротивления составляют ресурс дебюрократизации образования.

Литература:

- Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88-111.
- Бюрократы угрожают проверками / Информационные потоки в российской системе образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://portal.novsu.ru/paperGenocide/>
- Быкова Е.Ю. Социальная апатия российских учителей // Философия образования. 2016. № 5. С. 92-105.
- Гибадуллина Ю.М., Черкасова И.И. Акмеограмма как инструмент развития современных ролевых позиций педагога // Педагогическое образование в России. 2016. №3. С. 7-12.
- Дьяконов Б.П., Игошев Б.М. Новые профессиональные роли педагога в современной информационно-образовательной среде // Вестник ЧелГПУ. 2014. № 5. С. 59-69.
- Клячко Т.Л., Токарева Г.С. Зарботная плата учителей: ожидания и достигнутые результаты // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 199-216.
- Осипов А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Социология. 2020. Т. 20 (4). С. 953-966.
- Тхагансов Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и её превращённые формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87-97.
- Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Под ред. А. М. Осипова. Великий Новгород: Виконт, 2020.

Перспективы ротации профессорско-преподавательского состава вуза путем привлечения талантливой студенческой молодежи: социализирующий аспект (на материалах всероссийского исследования)

А.А. Бурашникова

аспирант Нижегородского института
управления – филиала РАНХиГС (г. Москва)

Одним из инструментов профессиональной социализации студенческой молодежи является включение ее в процесс адаптации к рынку труда [Филоненко, 2018]. При этом необходимо отметить, что при поиске работы во время и на время обучения студент ориентирован скорее на получение практического опыта «на рынке», чем на раскрытие своих способностей и обретение призвания, которое могло бы стать «делом всей жизни». Решение о том, когда и в каком сегменте рынка труда искать место, студент зачастую принимает под влиянием субъективных факторов, среди которых чаще всего выделяют желание обрести финансовую независимость и низкую удовлетворенность качеством теоретической подготовки, полученной в ходе обучения. Однако результаты ряда исследований позволяют говорить о том, что эффективность студента на рынке труда определяется не только его заинтересованностью в поиске места работы, но и уровнем развития социальных навыков, и тем, насколько ответственно он относится к собственному образованию. Так, студенты с хорошими показателями в учебе и высокой самоорганизацией чаще других в ситуации трудоустройства демонстрируют высокую социальную сознательность [Филоненко, 2018], гармонично выстраивая учебный и рабочий процессы. Трудоустройство в процессе обучения является важным этапом профессиональной социализации, позволяющей значительно расширить профессиональный кругозор, интенсифицировать процесс накопления социального опыта и налаживания социальных связей различной продолжительности [Ворона, 2008], установить релевантную зависимость между реальным профессиональным опытом и получаемым образованием.

Особое место в системе профессионального самоопределения студента занимает вуз, выступающий, наравне с самим студентом, активным актором формирования его профессиональной субъектности. Современная система образования стимулирует развитие у студентов такого типа мышления, при котором знания в равной степени приобретаются как в ходе академических занятий (обучение), так и в результате поиска оптимальных форматов и альтернативных ресурсов (самообучение), одним из которых является рассмотренное выше трудоустройство.

Социализирующая роль вуза в этом случае выражается во встраивании студента как субъекта в учебно-профессиональную и научную деятельность, реализуемые в учебном заведении. Участие в различного рода научных разработках, как общетеоретических, так и имеющих практическую значимость, необходимо рассматривать как достижение студентами особого уровня осмысления предметной области получаемого образования, что так же является одним из этапов профессионального становления студента как актора профессионально-трудовых отношений. Вузы, вовлекая студентов в активности, соответствующие ключевым направлениям собственной деятельности, формируют у них необходимый и достаточный уровень лояльности к себе как к дружественной творческой среде, нахождение в которой закладывает основы успешной профессиональной социализации.

При этом, как ни странно, высшие учебные заведения, находящиеся в последнее время в постоянной погоне за приведением стандарта высшего образования в соответствие с требованиями рынка, зачастую упускают, что собственные студенты и выпускники являются надструктурой, которая исторически являлась источником формирования новых поколений академической интеллигенции.

Рассмотрим результаты всероссийского исследования, проведенного при участии автора статьи среди студентов РАНХиГС в 2021 г. В ходе исследования изучались предпочтения и особенности трудоустройства студенческой молодежи [Газиева и др., 2021].

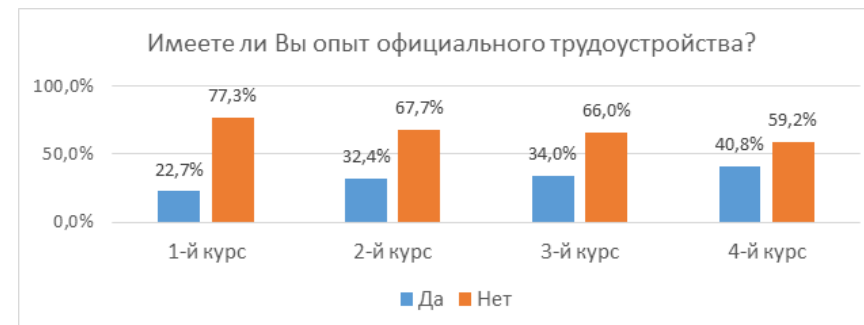


Рис. 1. Распределение респондентов, имеющих или не имеющих опыт официального трудоустройства, по разным курсам, %

Как видно из рисунка 1, на момент проведения исследования для студентов всех курсов обучения, включая первый, практика трудоустройства является привычной. К выпускному курсу число трудоустроенных или имеющих опыт официального трудоустройства растет, что позволяет сделать вывод о постепенном формировании у студентов осознанного отношения к выстраиванию профессиональной карьерной траектории, при этом значительный прирост числа трудоустроенных отмечается на 2-м (этап первичной разочарованности в выбранной специальности и желания в полной мере «окунуть» во взрослую жизнь») и на 4-м (этап осознанного профессионального самоопределения) курсах.

Выявление зависимости опыта официального трудоустройства от профиля получаемого образования не продемонстрировало значительных отклонений, наиболее активными и продуктивными в вопросах официального трудоустройства являются политологи (35,4%), менеджеры (34,1%) и специалисты по управлению персоналом (32,1%).

Интересно распределение респондентов (см. рис. 2), имеющих опыт официального трудоустройства, в зависимости от региона получения образования – значительных расхождений в показателях нет. Анализ ответов на вопросы этого блока позволил выявить ожидаемую закономерность – наиболее активными в вопросах трудоустройства, и в т.ч. официального трудоустройства, являются студенты, обучающиеся в регионах с высоким уровнем экономической активности – г. Москва – 32,8%, Московская область 33,8%, г. Санкт-Петербург – 35,3%, регионы Дальнего Востока – 37,5%.



Рис. 2. Распределение респондентов, имеющих или не имеющих опыт официального трудоустройства, по месту обучения, %

Как видно из рисунка 4, между категориями «удачный» опыт и «неудачный» опыт существует обратная зависимость: чем большее число респондентов оценивают свой опыт трудоустройства в организации определенного типа как «неудачный», тем меньшее их число оценивает свой опыт как «удачный» в организации этого типа.

Большинство студентов оценивают свой опыт официального трудоустройства как «неудачный». Наиболее неудачным местом для официального трудоустройства являются высшие учебные заведения (71,9%), они же имеют наименьший показатель по числу студентов, оценивающих свой опыт как «удачный» (11,7%). Такое распределение оценок можно объяснить вероятным совпадением учебного расписания в Академии с рабочим графиком, а также необходимостью находиться на рабочем месте очно, что, в свою очередь, оказывает влияние на качество освоения основной образовательной программы и на включенность в образовательный процесс. Работа в учебном заведении, отличном от вуза получения образования, как правило, не обеспечивает соблюдение условий по комфортному совмещению.

Наиболее «удачным» у респондентов оказался опыт трудоустройства в коммерческих организациях (44,3% признали его удачным, 24,3% - неудачным), треть респондентов не смогла однозначно оценить свой опыт в подобных организациях. Такие оценки

значительно отличаются от оценок других организаций.

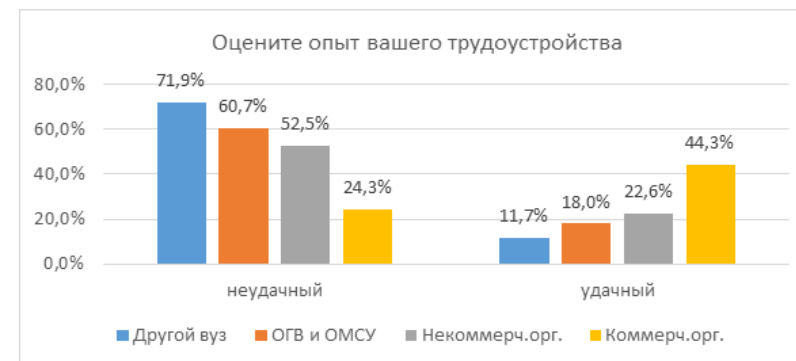


Рис. 3. Распределение респондентов, имеющих опыт официального трудоустройства, %

Практически половина опрошенных имеет краткосрочный опыт работы – до 3-х месяцев (44%), и только 7% трудоустроены на срок от 3-х лет (см. рис. 4). Такое распределение подтверждает высокую мобильность студенческой аудитории и готовность относительно легко разрывать рабочие социальные связи.

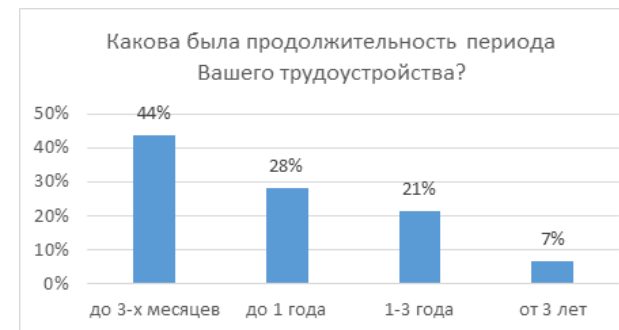


Рис. 4. Распределение респондентов, имеющих опыт официального трудоустройства, по продолжительности периода трудоустройства, %

Студенты на рынке труда демонстрируют высокую подвижность и предъявляют к потенциальным работодателям высокие требования. Подтверждением этого вывода может служить низкий процент студентов, имеющих опыт работы от 1 года и более, при достаточно высоком показателе имеющих опыт официального трудоустройства. Прохождение процедур официального оформления не является

для студентов достаточно веским основанием для выстраивания долгосрочных трудовых отношений.

Анализ ответов на открытый вопрос о желании/нежелании работать в сфере высшего образования позволил выявить ряд негативных характеристик, приписываемых студентами учреждениям высшего образования: невостребованность полученной специальности в структуре вузовского образования, низкий уровень дохода преподавателей, сложные внутриорганизационные связи и разреженная информационная среда в части перспектив трудоустройства.

Относительно уровня дохода респонденты выражаются достаточно категорично, причем в ответах содержится усредненная оценка всей системы высшего образования: «... заработная плата ниже среднего на рынке, а уровень ответственности выше среднего», «... минимальная оплата труда. Необходимо работать более чем на одной работе чтобы жить достойно. Финансовый вопрос - первоочередной. ВУЗы - не самое перспективное место работы».

Ряд респондентов выразил озабоченность тем, что, оставшись в вузе после окончания обучения, они «завязнут в этом и уже никакого развития». Отдельную группу ответов составляют комментарии, связанные с престижностью работы в вузе (2%) – «в настоящий момент престиж профессий в обществе под вопросом».

Еще одной причиной отказа от трудоустройства является изменение места жительства после завершения обучения (11%). Достаточно большое количество опрошенных указали, что хотят заниматься своим собственным делом (8%), трудоустроиться в органы власти (7%), в коммерческие организации (7%), 2% - уже трудоустроены.

Отдельный интерес представляют ответы, апеллирующие к слабой самоорганизации респондента, отсутствию жизненного опыта, который не позволяет осознанно принимать решение о трудоустройстве (4%). К этой группе могут быть отнесены также ответы студентов 1-2 курсов: «я только на 1 курсе – что я могу вообще знать», «я студент 1 курс, я только начал учиться», «я только на 2 курсе».

Респонденты, не рассматривающие высшее образование в качестве сферы трудоустройства, в ряде случаев используют односложные субъективные категории: «скучно» (13%), «сложно» (11%), «бесперспективно» (9%), «неинтересно заниматься преподаванием» (6%).

Интересна группа ответов, объясняющих отказ от построения карьеры преподавателя: «я бы хотел преподавать, но лет в 45-50. Сейчас еще слишком рано», «преподавание – это не мое», «возможно в будущем я и захочу преподавать, но точно не сейчас».

Необходимо отметить, что преподаватель вуза, в первую очередь, в быденном сознании ассоциируется с интеллигенцией. В то же время опросы студентов, что большая часть студентов ожидает от вузовских преподавателей выполнения традиционной роли российского интеллигента – воспитателя, просветителя и носителя рационально-критического мировоззрения [Скворцова, 2016]. Дополнительно необходимо отметить, что основой академического интеллигента является не только развитый нравственный базис, но и умение на его основе осуществлять эффективную профессиональную деятельность.

Большое количество респондентов, критически или негативно оценивающих свои перспективы трудоустройства в сфере образования, и респондентов, изначально не рассматривающих такую профессиональную перспективу, позволяет говорить о значительных расхождениях между ролевой моделью «классического преподавателя»-интеллигента и набором ролевых и поведенческих практик, формируемых у студента в процессе обучения.

Для студентов, готовых трудоустроиться в вузе важными категориями являются возможности для саморазвития («опыт работы в ВУЗе стал бы неплохим вложением в себя»), дружный коллектив («мне бы хотелось попробовать себя в этой сфере, в таком дружном коллективе как в нашей академии»), профессиональные перспективы («дальнейшее трудоустройство в вузе имеет особые профессиональные перспективы, которые приятно иметь»).

Можно сделать вывод о том, что и для студентов, готовых начать работу в Академии, и для тех, кто не рассматривает для себя такую перспективу, важными являются одни и те же признаки и характеристики работодателя: социальные и экономические возможности для самореализации, карьерные и профессиональные перспективы.

При выстраивании карьерной траектории студентами и выпускниками большое внимание уделяется выбору стартовой позиции и направлению деятельности. Вузу, как потенциальному работодателю, необходимо учитывать приоритеты молодых специалистов и своевременно адаптироваться под запросы выпускников.

Одним из способов привития лояльности к вузу и вовлечения выпускников в его деятельность является привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности.

Из рисунка 5 видно, что вне зависимости от курса, количество студентов, не заинтересованных в научно-исследовательской деятельности, составляет порядка половины опрошенных. При этом интересно соотношение имеющих такой опыт и желающих этот опыт

получить: если на первом курсе опыт участия в научных мероприятиях имеет каждый пятый из опрошенных, то на четвертом курсе таким опытом обладает уже каждый третий. Изменение количества студентов, не имеющих активного опыта, но желающих его получить, происходит обратным образом: на первом курсе таким желанием обладает каждый третий, к четвертому курсу такая потребность сохраняется только у каждого пятого. Наименьший процент студентов, не проявляющих интерес к научно-исследовательской деятельности, выявлен на 2 курсе – 44%.

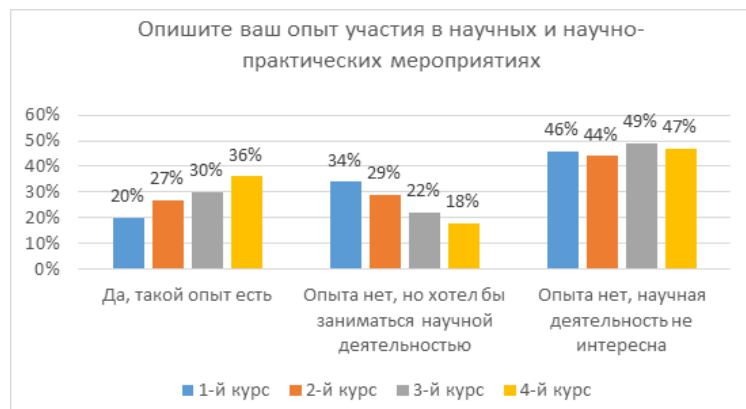


Рис. 5. Распределение респондентов, имеющих или не имеющих опыт студенческой научной деятельности, по курсам, %

Одной из форм закрепления результатов научно-исследовательской деятельности является публикация статей и иных научных материалов. Наличие или отсутствие статей позволяет сделать вывод о том, готов ли студент нести ответственность за результаты своей деятельности, а также о том, какие направления научного знания являются для него интересными и приоритетными.

Ожидается наибольшее число студентов, имеющих научные публикации, обучается на 4-м курсе (см. рисунок 6) – каждый третий студент имеет не менее 1 публикации, написанной самостоятельно или в соавторстве, в то время как на 1-м курсе только каждый десятый публикует результаты своих научно-исследовательских изысканий. Однако наибольший прирост публикационной активности студентов происходит на 2-м курсе (20,1%), что может быть объяснено включением в учебный план дисциплин, предполагающих проведение как индивидуальных, так и групповых исследований (например, в рамках дисциплин экономического и юридического циклов), результаты которых могут быть представлены в рамках научных студенческих конференций, по

результатам которых, как правило, происходит публикация сборников материалов.

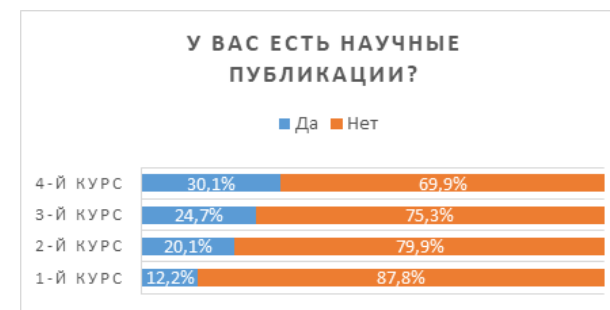


Рис. 6. Распределение респондентов, имеющих или не имеющих научные публикации, по курсам, %

Анализ ответов респондентов, имеющих научные публикации (см. рис. 7) ожидаемо показал рост по всем интересующим нас категориям: самостоятельные публикации (5,4% - 1-й курс, 15,9% - 4-й курс), публикации в соавторстве с другими студентами (4,3% - 1-й курс, 13,2% - 4-й курс), публикации в соавторстве с научным руководителем/преподавателем (5,4% - 1-й курс, 12,4% - 4-й курс). Стоит отметить, что наименьшая динамика наблюдается в категории «соавторство с научным руководителем/преподавателем» – именно здесь отмечен наименьший прирост публикаций на всех курсах. Что может говорить, как о незаинтересованности преподавателей к публикации статей совместно со студентами и слабом внеаудиторном контакте между преподавателями и студентами, так и о низком качестве студенческих научных работ.

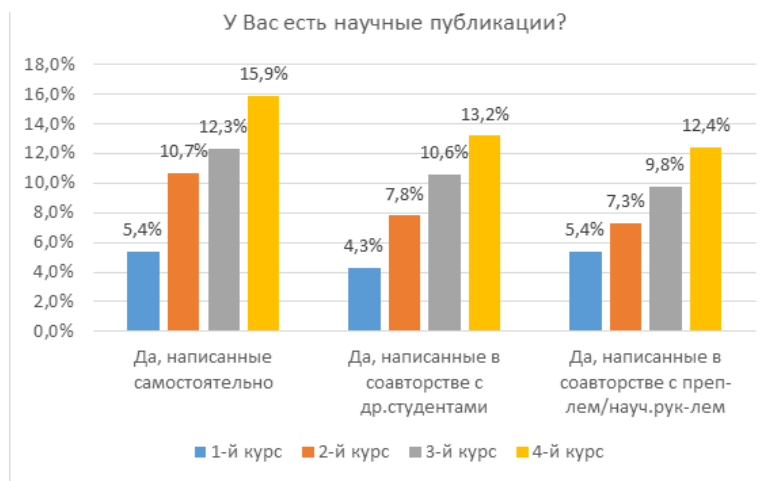


Рис. 7. Распределение респондентов, имеющих научные публикации, по курсам, %

Анализ ответов на вопросы данного блока позволяет констатировать низкую заинтересованность студентов в качественном развитии научного направления своей карьерной траектории. Низкая заинтересованность студентов, имеющих опыт научной деятельности и научные публикации, при трудоустройстве заниматься научной деятельностью в качестве самостоятельного исследователя может говорить об отсутствии или низком уровне осознанного вхождения студента в науку, что является маркером низкой заинтересованности вуза в выстраивании комплексной научной экосистемы, комфортной для студента и позволяющей раскрывать его потенциал.

Еще одним эффективным способом удержания перспективного молодого специалиста, а также инструментом ротации профессорско-преподавательского состава вуза является обучение в аспирантуре, по профилю, соответствующему одному из приоритетных научных направлений. Участие в студенческой научной деятельности является первичным этапом при построении научно-ориентированной профессиональной карьерной траектории молодого специалиста. Интенсивность и качество организации студенческих научных мероприятий позволяют привлекать к обучению в аспирантуре мотивированных и подготовленных молодых специалистов, выявлять их исследовательский потенциал.

У студентов сформировалось неоднозначное отношение к аспирантуре как форме профессионального развития, однако необходимо отметить, что количество студентов, затрудняющихся

сформулировать отношение к этому уровню образования, к 4-му курсу снижается – 29% (на 1-м курсе – 46%) – см. рисунок 8. Удалось выявить негативную тенденцию – в процессе обучения сокращается число студентов, готовых продолжить обучение в аспирантуре, и растет число студентов, отрицательно отвечающих на вопрос «Вы хотите учиться в аспирантуре?». При этом снижение числа желающих происходит незначительно (22% на 1-м курсе и 16% на 4-м курсе), а рост числа негативно настроенных растет гораздо большими темпами (32% на 1-м курсе и 56% на 4-м курсе).

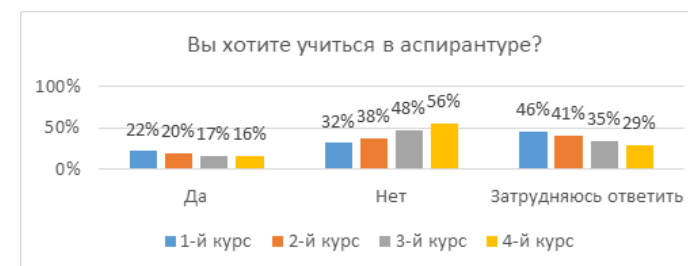


Рис. 8. Распределение респондентов, желающих или не желающих учиться в аспирантуре, по курсам, %

Обучение в аспирантуре является дополнительной ступенью академического образования, однако возможность применения знаний, полученных в ходе этого обучения, в профессиональной деятельности – весьма спорна, что снижает ценность аспирантуры в глазах студентов. Разрыв между теоретической подготовкой аспирантов и требований рынка к молодым специалистам становится всё более ощутимым к выпускному курсу, что находит отражение в ответах опрошенных – количество желающих снижается, при росте числе отказывающихся. Ответы на вопрос о продолжении обучения в аспирантуре также могут служить маркером качества вовлечения талантливой студенческой молодежи в деятельность вуза как активного актора научного пространства.

Можно сделать вывод о том, что реализуемые в вузах практики по привлечению студентов к реализации научной деятельности выполняют задачу по стимулированию первичного интереса к самостоятельному научному творчеству, но не обеспечивают долгосрочного эффекта. Это проявляется в достаточно быстром возбуждении учебного интереса к научной деятельности у студентов младших курсов и снижении интереса у старшекурсников, имеющих фрагментарный опыт разработки низкоквалифицированных научно-исследовательских студенческих работ. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что разработка комплексной системы организации студенческой науки, вы-

строенной на принципах субъектности, социальной ответственности, включенности, индивидуальной мотивации, признанности результатов собственного научного творчества релевантными экспертами, позволит обеспечить развитие творческого и экономического мышления, повысить адаптивные способности студентов, стимулировать развитие духовности. Всё перечисленное является признаками успешной социализации студента и может служить основой для подготовки нового поколения академической интеллигенции.

Литература:

- Ворона М.А.* Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 106–115.
- Газиева И.А., Бурашникова А.А., Дзюба Д.И., Халитова В.И.* Массовый опрос студентов РАНХиГС «Трудоустройство студентов Президентской академии: условия и факторы», 6 – 14 декабря 2021 года, (N= 18 392). Отчет по результатам исследования [рукопись]. М.: РАНХиГС, 2021. 61 с.
- Скворцова А.А.* Ценностные ориентации современной вузовской интеллигенции: функционально-ролевой подход: дисс. канд. соц. наук. Пенза, 2016. 170 с.
- Филоненко В.И., Скачкова Л.С., Филоненко Ю.В.* Занятость студентов во время обучения в вузе // Социологические исследования. 2018. №9. С. 135-140.

Дифференциация студенчества в аспекте цифровизации актуальной культуры

Е.Н. Нархова

кандидат социологических наук,
доцент Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Д.Ю. Нархов

кандидат социологических наук,
доцент Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Мировоззренческая трансформация студенчества представляется результатом социетального кризиса 1990-х гг. с последующими преобразованиями общества. Ведущие специалисты социологии молодежи отмечают «небывалый по масштабам процесс реформирования мировой культуры и цивилизации... Шкала ценностей современного мира сегодня определяется критериями, напрямую связанными с коммерческими целями, достижением личностного успеха и благополучия» [Егорычев и др., 2018: 3]. Воспитание высокой степени эгоцентризма, культ индивидуализма, поиск выгоды формирует тип человека со стремлением к лидерству и доминированию, ориентированного на соперничество, а не сотрудничество, для которого социальный статус «кто ты» (форма) доминирует над «сущностными силами» – «какой ты» (содержанием). Применительно к студенческой общности в условиях экспансии западной культуры исследовательским потенциалом обладает концепция интеллектуалов и интеллигентов А.В. Соколова, выявляющая их сущностные характеристики и специфику [Соколов, 2007; Соколов, 2009].

Бурное развитие IT-технологий отразилось на социокультурном пространстве актуальной культуры самым непосредственным образом, породив его новое состояние – виртуально-цифровое, имеющее свою специфику и проявляющее новые свойства, в том числе и в отношении современного студенчества: оно воспроизводит и развивает актуальную культуру в виртуальной реальности на основе потребностей, сформированных в привычной «реальной» реальности. Изучение воспитательного потенциала «оцифрованного» и реального социокультурного пространства актуализируется в двух

аспектах: тактическом – в связи с гражданской позицией, социальной активностью студентов и стратегическом, связанным с тенденциями и перспективами существования общества. «Не только социетальные изменения порождают культурные сдвиги, но и сама культура, как известно становится фактором их изменений, демонстрируя взаимообусловленность предпочтений молодежи и происходящих социокультурных перемен...» [Зубок, Чупров, 2018: 173]. Потенциал полисемантического социокультурного пространства определяет широкий спектр ценностных ориентаций, выбор которых осуществляет студенчество в соответствии с индивидуальными характеристиками, формируя свой субъектный культурный потенциал.

Одной из задач исследования, проводимого в рамках проекта РФФИ¹ в 2020–2021 гг., было выявление изменений актуальной культуры студенчества в условиях цифровизации социокультурного пространства. Исследование было основано на трехэтапном массовом анкетном опросе студентов вузов Среднего Урала (N= 2573, 82% – бакалавры, 12% – студенты специалитета, 6% – магистранты, 62% девушек, 38% юношей), контент-анализе персональных страниц студентов (N=368, мужчин 52%, женщин 48%, бакалавров 54%, специалистов 8%, магистрантов 19%) и серии неструктурированных интервью со студентами о состоянии и перспективах функционирования социальных институтов культуры.

Важным методологическим посылом для исследования социокультурной реальности является теория слоев актуальной культуры Л.Н. Когана: от мировой и национальной классики до массовой культуры [Коган, 2009: 147–148]. Степень репрезентативности слоев актуальной культуры (количественный признак) создает социокультурное пространство как качественную характеристику объективных условий формирования потребностей с учетом субъективных особенностей личности и специфики социализации той или иной общности. Созданное мировое информационное пространство представляется весьма многоаспектным и противоречивым в динамике конфигурации зон влияния в межкультурном взаимодействии, его полисеманτικότητα дополняется процентным соотношением степени представленности произведений мировой, национальной, массовой культуры в социокультурном пространстве российского общества. Результатом трансформационных процессов в сфере культуры, по мнению исследователей, явилась полистилистичность (термин Л.Г. Ионина) культуры современного российского общества,

1 Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274.

которая и создает разноплановую картину культурной жизни. Эта разноплановость, являясь объективным условием формирования мировоззрения личностей, общностей и всего общества в целом, может быть рассмотрена как одна из характеристик социокультурного пространства, детерминирующая проблему качественного воспроизводства студенческой общности, трансляции и интериоризации профессиональной, образовательной и иных форм культуры в цифровых условиях.

В результате трансформации социокультурной реальности под влиянием цифровых технологий, меняющих степень репрезентации классической и современной, российской и западной культуры, увеличивается дисперсность, деиерархизация и деструктуризация социокультурного пространства студенчества. Цифровые технологии задают формат и способы освоения культурных образцов, при этом из социокультурного контекста исчезают неоцифрованные произведения культуры. Префигуративная модель социализации на основе высокой степени освоения цифровых технологий студенческой молодежью превращает ее в основной актор формирования своего собственного «культурного мира» даже с учетом дисперсности и атомизации этой общности. Меньшая ее часть, не игнорируя современные электронные технологии и используя их в качестве средства, предпочитает оставаться «в реальной реальности». «Виртуальная общность» мигрирует в «Галактику Интернет» и создает там свой собственный виртуальный культурный мир. Промежуточное положение между ними занимает «цифровая общность», которая объединяет как источник информации «реальное классическое» и виртуальное пространство и воспроизводит частично классические образцы поведения в актуальной культуре, создавая эффект «поколенческой аритмии» в новых формах, стилях и жанрах.

Появление Интернета привело к формированию открытого информационного общества с доступностью любого контента на основе цифровизации и конвергенции, появлением технологий виртуального поиска данных, возможностью создания собственного виртуального пространства. В эпоху интернета происходит значительное варьирование степени виртуализации и интерпретации традиционных произведений культуры, трансформации художественных образов. Наблюдается создание единого интеграционного объединения информационных ресурсов, включающее реконструкцию электронных версий коллекций культурного наследия, создание произведений изначально в виртуальной среде, создание систем управления оцифрованными ресурсами. Противоречивость тенденций социокультурного пространства сопровождается «деструкцией

нормативности с присущим ей отвержением устойчивых, разделяемых большинством людей способов самовыражения, и поиском новых форм, соответствующих современной динамичной жизни; распадом однозначных образцов «правильного» и «неправильного», «высокого» и «низкого», «элитарного» и «массового» в культуре и стремлением найти новые критерии, потребность в которых неизбежно возникает в связи с обоснованием своих приоритетов» [Зубок, Чупров, 2018: 173].

Конвергенция глобального пространства сопровождается исчезновением пространственной локализации, коллаборации слоев актуальной культуры «реальной реальности». Отмечая «поколенческую инновационность» в освоении технических средств, увлеченность виртуальной реальностью авторы монографии, посвященной исследованиям культуры молодежи в информационно-инновационном обществе, утверждают, что «молодые относятся к виртуальной реальности не как к сотворенной самими людьми, искусственной жизни, а как к естественной, подлинной жизни» [Молодежь ..., 2019: 62].

Ситуация изменения межпоколенческих социокультурных коммуникаций, выхода в сферу активной социальной жизни цифрового поколения, «поколения интернет» фиксирует появление новых тенденций, меняются пространственные границы, содержательные составляющие социокультурного пространства конкретных общностей, в которых находит свое проявление и «поколенческая аритмия» – возвратные движения к воспроизведению традиций. В этих новых условиях актуальная культура студенческой молодежи как общности в виртуальном и реальном пространстве обнаруживает тенденции дальнейшей дифференциации.

Многофункциональность интернет-технологий детерминирует две тенденции в изменении соотношения реального и виртуального: тенденция вытеснения виртуальным пространством реального и возникновении «виртуальной общности» или тенденция дополнения-соединения реальностей, формирующая «цифровую общность». Первая тенденция наиболее ярко проявляется в формировании новой парадигмы культурного освоения от знакомства с размещенными артефактами культуры до создания своей виртуальной реальности, вытесняющей и замещающей реальную, «киберпротезирование социально-культурной активности... отказ от ценностной иерархии, переход от материального артефакта к процессу, состоянию, жесту...» [Савицкая, 2012: 743].

В традиционной общности в большей степени, не игнорируя современные технологии, воспроизводятся традиционные формы взаимодействия в обществе, включая и предпочтения в сфере

художественной культуры, исторически сложившиеся и ставшие классическими образцы социальных практик «общения» с искусством. Анализ результатов неструктурированных интервью со студентами вузов Екатеринбурга позволил сделать следующее заключение. Представители данной общности ориентированы на классическое прочтение художественных произведений, не воспринимают позитивно их современную интерпретацию, демонстрируют резко негативное отношение к интерпретации художественных образов, меняющих смысл. (Спектакли государственного театра оперы и балета «Е. Онегин», Академического театра музыкальной комедии «Летучая мышь», «Алые паруса»). Необходимо отметить разницу между студентами-гуманитариями и представителями технических направлений в отношении жанровой традиционности репертуара театров. Первые, исходя из своих знаний, воспринимают театр как институт культуры с определенной миссией, и дают положительные оценки разножанровости и смешению стилистики. Вторые, напротив, скорее демонстрируют установки на четкое разграничение жанров и направлений. Примечательно, что больший процент студентов этой группы не имеет специального музыкального образования. Предпочитая традиционную форму удовлетворения художественных потребностей, они готовы к поездкам в театры других регионов, но не просмотру спектаклей в электронном варианте.

В противоположность к классически-традиционной, виртуальная общность, как актор воссоздания виртуальной реальности и создания собственного пространства, радикальным образом трансформирует модель потребления и производства культуры, порождая новые электронно-сетевые социально-культурные практики. Эта группа отличается максимальной степенью освоения цифровых технологий, значительной степенью зависимости от информационных потоков, привязанностью к гаджетам и вместе с тем – традиционной потребностью к принадлежности и в признании референтных групп – сверстников и более старших товарищей. Виртуальная общность, в которой потребность к принадлежности формируется на основе содержательных, а не формальных признаков, выбор художественных произведений осуществляется на основе референтности группы и индивидуальных характеристик интеллекта, тезауруса и т.д. Еще одной интересной тенденцией, порожденной ситуацией изоляции, является виртуальное социальное творчество, по-разному воспринимаемое в обществе, но положительно оцениваемое виртуальной общностью. «Молодежь в поиске самореализации массово мигрирует в интернет, строя собственное пространство общения и самовыражения... в

глобальном анонимном аффективно индивидуалистическом сетевом социуме» [Савицкая, 2012: 764]. Причину миграции авторы усматривают в ответной реакции на «социальную аномию, ставшую массовым явлением после распада “большого” социального пространства» [Савицкая, 2012: 764].

Между этими полярными общностями находится цифровая общность, соединяющая практики обеих. Для них актуален процесс виртуализации культуры в обществе, однако они не готовы стать стопроцентными «цифровыми аборигенами», мигрировать в виртуальную реальность, которая в их представлении – продолжение и расширение социокультурного пространства, ограниченного пространственно-временными параметрами. Комбинируя практики обеих групп – классической и виртуальной – они стремятся от локального минимума к многомерному виртуальному пространству, но используют его в инструментальных целях, осуществляя своеобразную эстафету поколений. Более того, можно наблюдать «поколенческую аритмию» на основе префигутивной модели социализации за счет специфики этой общности, с легкостью разыскивающих, воспроизводящих и воспринимающих артефакты традиционной культуры в цифровом пространстве. В данном случае процентное соотношение слоев актуальной культуры социокультурного окружения, сформировавшее художественные потребности на первоначальных этапах социализации находит свое специфическое отражение в цифровой виртуальной реальности. Художественное творчество молодежи заключается не только и не столько в воспроизведении культурных образцов, выпавших из актуальной культуры предыдущего поколения, на первое место выходит новое прочтение студенческой молодежью классики. Наряду с интернет-пространством для этой группы представляют интерес и традиционные формы освоения культуры. Актуальная культура данной группы характеризуется широкой степенью представленности всех слоев и видов, широкой жанрово-тематической направленностью. Особенностью этой группы является сформированная потребность творческой реализации как репродуцирующей ранее созданные произведения искусства в самых разных форматах (в творческих коллективах вузов, в досуговых практиках и др.), так и вновь создаваемые произведения на основе переосмысления, переживания – от исторических событий до современных социальных реалий.

Формирование молодежных субкультур происходит при значительном влиянии «виртуальной реальности». О широте контактов и возможности взаимодействовать с цифровыми артефактами культуры свидетельствуют данные контент-анализа. Каналы личной

коммуникации связаны с персональными профилями «друзей». Их наиболее типичное количество – 212 (медиана), группа с числом контактов менее 100 – 19% от массива, наиболее многочисленные группы – группа с числом контактов от 100 до 199 и от 200 до 299 – 25% и 26% соответственно. Группа с числом контактов 200–299 значительно меньше – 13%. Оставшаяся часть обследованных аккаунтов (13%) с количеством друзей более 300, пик – в одном случае более 6000. Коммуникация с коллективными акторами осуществляется через сообщества, которые на наш взгляд, и являются основными агентами формирования актуальной культуры в цифровом пространстве. Распределение по числу связей похоже на ситуацию с личными контактами: группа имеющих в подписке менее 50 сообществ – 14%, до 100 сообществ – 29%, от 100 до 500 – 47%, предельное единичное значение – более 5000.

Проблема «цифрового неравенства» между молодым и старшим поколением волнует 23% респондентов, то есть для большинства это «не молодежная» проблема, а по факту – снижение возможности межпоколенческой коммуникации в привычном для студентов пространстве. Об этом свидетельствуют и данные о численности и характере взаимодействия с друзьями в реальной жизни и в социальных сетях, полученных в 2020 г. Так, каждый пятый студент указал наличие преподавателей среди своих друзей в реальной жизни, в социальных сетях таких преподавателей оказалось 39%. Постоянно и часто контактируют с ними в социальных сетях не менее трети студентов, редко – 55%. Характер контактов выходит за рамки учебы (только по этому поводу контактирует большинство – 65%) и профессионализации (учеба и профессия – 26%). Общаются как друзья в разных жизненных ситуациях 9% респондентов, еще 6% коммуницируют в сложных жизненных ситуациях. И лишь 3% респондентов выбрали вариант «Можем просто поболтать, обменяться музыкой, фильмами и так далее».

Анализ доверия студентов к различным источникам информации о культуре, общественной жизни позволяет утверждать о смене приоритетов. Если 5 лет назад в информационном поле телевидение составляло заметную конкуренцию интернету (новостным лентам доверяют 62% студентов, информации из YouTube, Telegram, мессенджеров – 53%, информации официальных сайтов органов власти и их группам в социальных сетях – NB! – 39%), то теперь его позиции утрачены настолько, что оно способно соперничать разве что с традиционными «бумажными» формами коммуникации (11%, газеты, журналы – 6%, информационные стенды организаций – 8%). В то же время потреб-

ность в реальных контактах с ближайшим окружением проявляется для 40% респондентов (признаки «беседы с друзьями, родственниками, коллегами по работе, соседями», «учебные занятия»). При анализе уровня доверия к различным источникам информации в группах по профилю подготовки выявляется значительная разница. Так, представители общественно-экономического направления значительно больше доверяют интернету (73% в группе против 54% в группе естественнонаучного профиля) и группе «YouTube, Telegram, мессенджеры» (67% и 40% соответственно), но в отношении официальных сайтов (49% и 33% соответственно) и учебных занятий (23% и 13% соответственно) картина диаметрально противоположная. Представители инженерно-технических направлений реже других подтвердили высокий уровень доверия к устному общению – 16%, тогда как у остальных групп таких оказалось 25–27%. Газеты и журналы как источник доверительной информации реже всего упоминали группы естественнонаучного (2%) и общественно-экономического (4%) направлений.

Несколько парадоксальным видится мнение респондентов относительно предпочитаемых форм исполнения произведений кино и театра. Понятно, почему наиболее приемлемой было выбрано традиционное «живое» исполнение – в концертных залах, театрах, филармонии, кинозале и др., на что указали 59% опрошенных. Однако даже в условиях жесткой самоизоляции, вызванной пандемией, форма онлайн-трансляции оказалась востребованной всего лишь 7% респондентами, а в виде телевизионной передачи еще меньше – 5%. Отчасти объясняет ситуацию «отложенный выбор» – предпочтительная форма в виде записи на диске, в открытом доступе на сайтах и в социальных сетях была отмечена 27% респондентов.

Анализ форм культурной жизни в условиях изоляции обостряет потребность общения в реальном мире и фиксирует в условиях кризиса приоритетность данной потребности, эффекта социального присутствия, а не обусловленность выбора параметрами художественных произведений. В частности, это подтверждено данными анкетного опроса. Нужно отметить, что всеобщая самоизоляция оказала значительное влияние на бюджет времени студентов. Больше стали тратить времени на саморазвитие 43%, на учебу 42% респондентов. Значительной по численности оказалась группа, выделившая больше времени на поддержание здоровья, занятие физической культурой (34%) и на освоение навыков будущей профессии (26%). В то же время на посещение онлайн-выставок, просмотр интернет-трансляций концертов, театральных постановок смогли уделить больше времени пятая часть респондентов, а для 63% времени тратилось столько же, сколько

и до пандемии. Практически такие же данные получены и для формы «просмотр телепередач». Для 39% респондентов появилось больше свободного времени на чтение художественной литературы, а для 23% его оказалось меньше. Доля увеличивших время на интернет-серфинг по сайтам составила 28% (уменьшивших – 17%), на аналогичное занятие в лентах социальных сетей, самая многочисленная группа, – 40% (уменьшивших всего 9%).

Отметим еще одну важную характеристику современного студенчества, подтвержденную в ходе анализа эмпирических данных – дальнейшую атомизацию общности, в значительной части обусловленной наличием «цифрового посредника» в коммуникации и в социокультурном пространстве в принципе. На альтернативный вопрос «Как вам лучше осваивать художественную культуру» вариант «индивидуально» выбрали 39% респондентов, способ «вдвоем с другом (подругой)» отметили 17%, «Вместе, в кругу нескольких товарищей» – еще 12% респондентов. Групповые способы оказались почти невостребованными – в художественных коллективах выбрали 4%, а вместе со своей академической группой и вовсе 2% участвовавших в опросе. Несколько сглаживает ситуацию значительная доля – 23% выбравших вариант «все способы хороши». Таким образом, в цифровом пространстве наблюдается исчезновение четкой пространственной локализации слоев актуальной культуры, возникает эффект их коллаборации как по форме, так и по содержанию. Для дальнейшего анализа были отобраны самые популярные и востребованные виды художественной культуры – литература, музыка, кино- и театральное искусство. В отношении выбора литературных произведений при сохранении ориентации на российские произведения тенденция в группах меняется: группа представителей инженерно-технического и математического направлений оказывается «более читающей» (чаще фиксируется наличие признака), но ориентация на современную литературу у них остается. В слое российской классики явное преимущество в выборе видно в группе гуманитарных профилей.

Весьма любопытным видится сравнение общего количества аудио- и видеозаписей в профилях студенческих аккаунтов (пропуски по аудио: 28 из 368 – 7,61%, пропуски по видео: 44 из 368 – 11,96%). При том, что технически невозможно проанализировать их в соответствии с жанрами и выделенными слоями актуальной культуры, поскольку происходит коллаборация, смешение стилей и жанров как по форме, так и по содержанию контента. Но необходимо заметить, что данные говорят о принципиальной возможности освоения музыки, кино- и театрального искусства, поскольку в значительной части именно они представле-

ны в звуко- и видеоряде студенческих аккаунтов.

Медианное значение аудиозаписей – 50, самые крупные группы – в диапазоне от 100 до 500 записей (29 % проанализированных аккаунтов) и в диапазоне от 501 до 1000 записей (21%), предельное значение – более 2000 (2%), минимальное – менее 10 записей (8%). Медианное значение видеозаписей – 49,5, самые большие группы – в диапазоне 10–50 и 51–100 записей (23% и 25% соответственно), предельное – более 2000 – у 1%, минимум – у 7% аккаунтов.

«Экранная культура» формируется по принципу: более слушаем, затем – смотрим и менее всего читаем. Это заметно по количеству пропусков соответствующего индикатора на страницах студентов (23%, 36% и 41% соответственно). Отследить количество полноценных текстовых литературных произведений с достаточной степенью достоверности не удалось. Показательна представленность различных произведений в музыкальных коллекциях студентов. Мировая классика 18–20 вв. (такие как И.С. Бах, А. Вивальди, П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов) – 13% аккаунтов, российская национальная классика 18–20 вв. (такие как И. Дунаевский, Ю. Саульский, С. Прокофьев) – 19%, современные западные исполнители классической музыки (такие как Венский филармонический оркестр, А. Рье, Л. Паваротти, Х. Иглесиас) – 12%, современные российские исполнители классической музыки (такие как «Виртуозы Москвы», Д. Хворостовский, А. Нетребко) – 16%, мировая классика эстрады (диско, поп, рок, джаз, шансон; такие как «Бони М», М. Джексон, «Битлз», Л. Армстронг, Ш. Азнавур) – 26%, российская классика эстрады (диско, поп, рок, джаз, шансон; такие как «Ласковый май», М. Магомаев, «ДДТ» Ю. Шевчук, Л. Утесов, М. Шуфутинский) – 24%, современная западная музыка (техно, рэп, этника и т.п.) – 40%, современная российская музыка (техно, рэп, этника и т.п.) – 46%, российская авторская песня (барды) – 20%.

Весьма заметны и различия в выборе художественных произведений, присущих тем или иным слоям актуальной культуры. В целом по массиву обнаруживается некоторое преимущество в выборе российских исполнителей по всем слоям, кроме мировой эстрадной классики. Очевиден и наибольший интерес студентов к современной авангардистской музыке, формируемый соответствующими молодежными субкультурами и следующий за молодежной модой. Произведения мировой и российской национальной музыкальной классики, авторская песня значительно чаще представлена на страницах студентов гуманитарных направлений и, наоборот, крайне слабо представлены в профилях естественнонаучного и математического направлений. Предпочтения последних более всего проявились по отношению к

современной авангардистской российской музыке.

Потенциал студенческой молодежи с его высокой степенью адаптации к динамике общественной жизни, мотивации к изменению окружающего пространства, способностью к использованию цифровых технологий является ресурсом общества при определенных условиях преобразованный в социальный капитал общества. Представители отечественной науки и органов государственной власти обращают внимание на необходимость сохранения «исторической преемственности, потенциал русской культуры, содержащий смыслы и ценности жизненной организации русского человека, воспитания и обучения». [Егорычев, 2018: 7]. Государственная политика в сфере культуры и образования, основанная на национально-культурных традициях, обеспечивающих целостность общества, определяет векторы и направления молодежной политики, которая, несомненно, должна носить статус государственной на законодательном уровне.

Литература:

- Егорычев А.М., Ростовская Т.К., Кретинин А.С.* Духовность русской культуры как базовый фактор новой ГМП России // ЦИТИСЭ. №1 (14). 2018.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. №4, Том 9.
- Коган Л.Н.* Культура «коммерческого феодализма» // Культура и рынок. Тезисы докладов Международного симпозиума, Екатеринбург, 27-30 мая 1994 г. Екатеринбург: [б. и.], 1994.
- Коган Л.Н.* Личность, культура, общество. Избранные труды 1988–1997 гг. Екатеринбург: ГОУ УГТУ-УПИ, 2009.
- Молодежь в информационно-инновационном обществе. Монография / под общ. ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019.
- Савицкая Т.Е.* Виртуальная Россия: новая социальная онтология, новый культурный праксис // Культура России, 2000-е годы: [сб. ст.] / отв. ред. Е.П. Костина. СПб: Алетейя, 2012.
- Соколов А.В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.
- Соколов А.В.* Поколения русской интеллигенции. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.

Роль интеллигенции в формировании отраслей профессионального искусства Бурятии

М.В. Амгаланова

доктор культурологии,
доцент Восточно-Сибирского государственного
института культуры (г. Улан-Удэ)

Бурятия – полиэтничный регион, территория многовековых межкультурных контактов, в результате которых к началу XX в. сложилось уникальное культурное пространство, представленное художественными традициями кочевников, буддийской культуры, русской культуры, привнесенной переселенцами (казаки, старообрядцы) и политическими ссыльными (декабристы). Однако, несмотря на многообразие форм и традиций, сферы художественного образования и профессионального искусства не были развиты, в силу чего художественная культура была лишь любительской, заметно отстающей от других регионов Восточной Сибири. Это было связано не только с культурными запросами населения, сколько с уровнем образования населения, отдаленностью от культурных центров, кочевым образом жизни.

Представители национальной бурятской интеллигенции еще в начале XX в. поставили перед собой целый ряд социально значимых задач по созданию народного образования и национализации образования, подготовке национальных квалифицированных кадров сферы образования, здравоохранения, художественной культуры, модернизации буддизма посредством реформирования содержания Учения, культов и сангхи, определении места и роли бурятских дацанов как центра просвещения, реформированию старомонгольской письменности, формированию отраслей профессионального искусства, созданию национальной литературы. Национальная интеллигенция, которая сложилась именно в это время, была малочисленной, но образованной и патриотично настроенной на «возрождение бурятского народа, национальной культуры» [Жамцарано, 1907]. Ее представителями Базаром Барадиным, Михаилом Богдановым, Агваном Доржиевым, Цыбенем Жамцарано, Элбек-Доржи Ринчино, Гомбожапом Цыбиковым

и другими была сформирована концепция панмонголизма, которая явилась важной частью национального самоопределения бурят и национально-культурного строительства на основе единой общемонгольской истории, религии, письменности. Доктрина изначально стала основой возрождения национальной бурятской культуры.

Планировалось, что реализация положений доктрины, в первую очередь, будет осуществлена в культурных формах («культурный панмонголизм» Ц. Жамцарано). В социокультурных условиях начала XX в. перспективы возрождения национальной бурятской культуры вызвали серьезные противоречия. Основные логические противоречия коснулись путей развития бурятского народа. Первый путь заключался во включении в общероссийское культурное пространство, в котором доминирующими являются русская культура и русский язык. Второй путь заключался в приобщении к европейской культуре, с обязательным сохранением культурного наследия, религии, чтобы возродить бурятскую народность, которая, по их мнению, должна стать центром общемонгольского объединения. Аксиологические противоречия были обусловлены стремлением создать своего рода комбинированную культуру, включавшей достижения и Запада, и феодального Востока, хотя на практике это было невозможно осуществить.

В тех исторических условиях реализовать указанные выше задачи не удалось даже частично. Обусловлено это было в том числе и тем, что сама городская культура, являющаяся одним из важных условий формирования художественной культуры, в регионе развивалась достаточно медленно из-за малочисленности жителей, статуса Верхнеудинска как уездного города. С проведением железнодорожных путей появились новые отрасли промышленности, что обусловило приток специалистов, пополнивших ряды верхнеудинской интеллигенции, и способствовало развитию художественной жизни Бурятии. Именно национальной интеллигенцией были заложены концептуальные положения дальнейшего социокультурного развития региона, которые не утратили актуальности в современной жизни Бурятии.

Дальнейший процесс интеграции Забайкалья с Россией продолжила Октябрьская революция 1917 г. 30 мая 1923 г. – значимая дата в социокультурной жизни Республики Бурятия, когда Постановлением Президиума ВЦИК была образована Бурят-Монгольская АССР. В обращении к населению М.Н. Ербанова, Б.Б. Барадина и др. было отмечено: «Этот акт Рабоче-крестьянского Правительства имеет для бурят-монгольского народа огромное значение, так как оно формально и фактически завершает стремление бурят-монгольского

народа к национальному самоопределению» [Воззвание..., 1923]. С этого времени начинается процесс кардинального преобразования всех сфер общественной жизни республики, в том числе культурно-просветительской. Активное развитие коснулось сфер художественной культуры и профессионального искусства, за сто лет достигнувших высоких результатов.

В 1920-е гг. задача формирования отраслей профессиональной культуры и искусства осложнялась отсутствием сети социокультурных институтов (театров, музеев, библиотек), профессиональных кадров (художников, композиторов, режиссеров и т.п.). Потому первые литературные, театральные, музыкальные опыты были неконкурентоспособными, а сама сфера художественной культуры продолжала оставаться любительской. Тем не менее достижения были, в первую очередь это коснулось национальной литературы, которая не имела традиций светской литературы, поэтому не получила развитие проза и драматургия, в целом находясь на стадии средневековой синкретичности. Именно силами национальной интеллигенции (большой частью дореволюционной) сложилась жанровая система литературы. И сегодня знаковыми продолжают оставаться пьесы «Хаарташан» («Картежники», 1912), «Таряан» («Хлеб», 1921), Ч.-Л. Базарона, комедия «Жэгдэн» (1919), драма «Чойжит хатаан» («Шойжид», 1920) и поэтическая драма «Ехэ удаган абжаа» («Великая сестрица - шаманка», 1921) Б. Барадина, поэтический сборник «Цветостепь» (1922), включавший первую поэтическую поэму «Ангара» С. Туя, поэму «Буряад монголой уг гарбалай домог» («Легенда о происхождении бурят», 1922), стихотворение «Ехэ саг» («Великое время», 1927) Б. Барадина. Значительное место в национальной бурятской литературе принадлежит первой национальной повести «Хиртэһэн һара» («Затмение луны», 1932) Ц. Дона, которую в художественном осмыслении и показе процессов коллективизации, характеров героев сравнивают с «Поднятой целиной» М. Шолохова. Особенно стоит отметить, что было положено начало формированию литературы для детей. Возможно, уже к концу 1930-х гг. история бурятской литературы могла обогатиться национальным романом. Ц. Дон начал писать роман «Туужа соо» («В основном бору»), С. Туя – о судьбах бурятской интеллигенции, основанный на автобиографических материалах. К сожалению, в 1937 г. они были арестованы, рукописи изъяты и утеряны. Для популяризации литературного творчества, знакомства широкой общественности с художественными произведениями П.Н. Дамбиновым (С. Туя) был создан первый литературный журнал «Уран угэсун чимэг» («Украшение искусных слов»).

Особых достижений национальная интеллигенция достигла в культурно-просветительской деятельности, осуществляя поиск новых средств динамизации художественных процессов. Это касалось не только создания разветвленной сети социокультурных институтов по всей республике, но научной рефлексии культурного наследия с целью применения в музыкальном, изобразительном, театральном, хореографическом профессиональном искусстве. При Бурятском ученом комитете, который возглавил Б. Барадин (сегодня Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук), имелась художественная секция, руководитель которой П.Н. Дамбинов отправлял полевые экспедиции за уникальным фольклорным и этнографическим материалом, осуществлял их систематизацию, записывал рукописные пьесы и т.д. Молодые художники в этих поездках обучались традициям и техникам старобурятской иконописной школы, технологиям изготовления скульптур. Это способствовало не только подготовке профессиональных специалистов, но и сохранению, реновации художественного наследия. По материалам полевых исследований к концу 1930-х гг. была подготовлена уникальная рукопись «Об искусстве бурятских дацанов», включавшая описание архитектуры и иконографии. Сегодня она представляет собой несомненную культурно-историческую ценность, учитывая, что многое из того, что вошло в рукопись, утрачено в ходе антирелигиозной кампании. Также был снят документальный фильм, посвященный буддийской мистерии Цам, который сохранил для нас живое исполнение мистерии, которое сегодня тоже частично утеряно.

Таким образом, бурятские реформаторы не замыкались на какой-то одной сфере деятельности. Они были широко образованными людьми, имели достижения практически во всех сферах, а не только в политике. Деятельность национальной интеллигенции первой трети XX в. сегодня мы оцениваем как имеющую научную и художественную значимость, поскольку ими была сохранена историко-культурная целостность общемонгольского наследия, predeterminedены пути развития этноса в XX и начале XXI вв. Изучение их научного и творческого наследия, на наш взгляд, необходимо не только для анализа особенностей развития изобразительного, музыкального и театрального искусства, но и обогащения современной культурной жизни Бурятии.

Национальной интеллигенцией в первые десятилетия образования республики было сделано очень много, но для формирования профессионального искусства имелась насущная необходимость создать условия культурного диалога с отечественными деятелями культуры и искусства, людьми, обладающими знаниями и умениями в конкретной

художественной сфере. Для этого в Бурятию приехали специалисты из центральных регионов, способствовавшие формированию многоуровневой системы художественного образования, подготовке национальных кадров музыкально-театрального искусства, созданию социокультурных институтов и творческих коллективов. Были открыты музыкальная школа (1920), музыкальный техникум (1931), Бурят-Монгольское театральное училище (1936). Отметим, что создание в 1937 г. симфонического ансамбля стало знаменательным событием, поскольку европейская академическая музыка была неизвестна большинству жителей Бурятии. У его истоков стоял Л.Б. Клейман – выпускник Берлинской консерватории; работали скрипачи Н.И. Моторин, Н.Н. Тихонов, пианистка В.Д. Обыденная, дирижер И.Л. Рык. Композиторы П.М. Берлинский, В.И. Морошкин приложили немало усилий для формирования национальной композиторской школы. «Успехи в овладении музыкальным искусством были такими, что уже в 1937 г. стал возможным переход от драматических спектаклей с музыкальными номерами к музыкальной драме» [Куницын, 1991: 11]. При непосредственном участии режиссеров Е.П. Просветова, А.В. Миронского, актеров В. Арбенина, М. Немлехер, М. Святской, А. Тольского, выпускников ГИТИСа А.В. Африкановой, С.А. Бенкендорфа и др. создавалось профессиональное театральное искусство. Деятельность руководителя Оргтеатра Е.И. Просветова положила начало созданию первого и ведущего театра – Государственного русского драматического театра им. Н.А. Бестужева.

Уровень подготовки национальных кадров был очень высок, что позволило профессиональным коллективам принять участие в Декаде бурят-монгольского искусства в Москве (1940). Оказать помощь в подготовке репертуара в БМАССР приехали отечественные специалисты – И.А. Моисеев (хореография), Г.А. Полянский (музыка), И.М. Туманов (художественный руководитель). Все это вкуче способствовало процветанию художественной жизни республики, которая отличалась принципиальным новаторством, проявившимся на всех уровнях, когда стали развиваться абсолютно новые для традиционной бурятской культуры формы и виды художественной культуры.

Фундаментом формирования и дальнейшего развития сферы художественной культуры стала традиционная система ценностей, народное, буддийское наследие. Обращение к национальным традициям позволяло отобразить и показать жизнь народа и его проблемы в понятных и близких мировоззренческих формах, выявить новые грани и возможности для формирования художественного сознания через призму эстетики, символики, религиозной сакральности бурятской

картины мира. В период 1920-1940-х гг. шел процесс усложнения поэтики в силу историко-культурных контекстов и новых реалий, которые потребовали создания новых форм, изменений традиционных художественных средств языка, образности и символики.

Однако с образованием Советского Союза в систему художественной культуры внедрялась новая система ценностей – социалистических – для сохранения самого государства и его целостности. «Новая» культура должна была отражать идеологию политической власти, качество и перспективу исторического дела пролетариата как ведущего класса. В связи с этим вопросы использования культурного наследия в формировании бурятской социалистической культуры отличались ожесточенной идеологической борьбой. Однако в процессе социокультурного развития и само общество, и его культура изменяются, потому то, что рассматривалось негативно в 1930-е гг., сейчас в иных социально-политических условиях уже не представляет угрозы. Меняется менталитет нашего общества, который не просто принимает многие отрицаемые в советское время ценности, но и способствует их возвращению в современную социокультурную жизнь как процесс обогащения современной культуры историческим и мемориальным наследием.

Заложенный усилиями национальной и отечественной интеллигенции 1920-1940-х гг. фундамент культуры Бурятии позволил плодотворно, продуктивно и динамично развиваться сфере профессиональной культуры и искусства, созданию конкурентоспособного продукта. Важным фактором в формировании нового поколения художественной интеллигенции Бурятии стало открытие «Восточно-Сибирского государственного института культуры» в 1960 г., осуществляющего подготовку для сферы художественной культуры. Деятельность художественной или творческой интеллигенции в современной социокультурной практике представлена достаточно широко. Как отмечает Г.В. Тартыгашева, «традиционно к данной группе относят искусствоведов, кинематографистов, литераторов, музыкантов, театральных деятелей, художников и т.д. В качестве критериев выделения интеллигенции исследователями предлагаются различные основания: от профессионального занятия творческой деятельностью до сохранения художественных ценностей, а также порождения качественно новых, оригинальных культурных продуктов» [Тартыгашева, 2020: 319].

Сегодня художественная культура Бурятии многогранна и разнообразна, она представлена национальной литературой, оперой и балетом, драматическим искусством, искусством кино, музыкой,

скульптурой и живописью, эстрадой, цирком и т.д., напрямую наследующих культуру номадов и культуру русских переселенцев (семейских, казаков). Их уникальные художественные традиции формировались и оттачивались в течение многих веков, сохраняя и передавая отношение к природе ценностными установками этического, эстетического и религиозного мировоззрения. Современное поколение художественной интеллигенции активно использует все богатство и возможности культурного наследия в своем творчестве.

К фольклорной тематике, эстетике обращаются современные композиторы Бурятии (В. Гончиков, Б. Дондоков, П. Дамиранов, Л.Н. Санжиева, В.А. Усович и др.). Так, Л.Н. Санжиева, анализируя музыкальные произведения композитора Ю.И. Эрдынеева, относит его «к представителям неофольклоризма... в его произведениях цитируются бурятская народная песня «Уншэн басаганай дуун» в балете «Лик богини» (монолог о возлюбленной), среднеазиатские и кавказские ритмы ударных инструментов, русская плясовая «Барыня», гопак, лезгинка, ёхор в третьей части «Героической симфонии»» [Санжиева, 2018: 215].

Богатые традиции народов республики являются основой репертуара многочисленных фольклорно-этнографических песенных, танцевальных, театральных коллективов, многие из которых являются аутентичными. Министерство культуры Республики Бурятия в контексте общероссийской стратегии по сохранению, реновации и ревитализации культурного наследия народов РФ поддерживает деятельность подобных коллективов, большинство из которых являются непрофессиональными. Несмотря на это, любительские коллективы «Магтаал», «Уряал», «Тоонто», «Наран-Гоохон», «Ангара», «Ольхон» и другие получили всероссийское признание. Семейские (старообрядческие) коллективы Бурятии «Семейские янтари», «Судьбинушка», «Истоки», «Былина» и другие выполняют очень важную социально значимую функцию сохранения и трансляции средневековой церковной певческой культуры допетровской Руси.

Значимое место в культурной жизни Бурятии занимают коллективы, творчество которых характеризуется модернизацией фольклорных традиций. Визитной карточкой Республики Бурятия является Государственный национальный театр песни и танца «Байкал», деятельность которого является отражением уникального процесса, когда происходит одновременное сохранение традиционной культуры в первозданном виде и рождение новых форм и средств художественного выражения, воплощенных в музыкально-хореографических спектаклях «Угайм Сулдэ» («Дух предков»), «Эхо страны Баргуджин Тукум», «From Mongols to Mongols». Следует

отметить, что активное использование фольклора стало характерным для современных популярных музыкальных направлений поп, рок, рэп музыки, позволяя музыкантам Бурятии создавать оригинальный продукт. Это позволило на протяжении последних десятилетий сформироваться современным массовым музыкальным жанрам с национальной культурной спецификой, востребованным у молодого поколения, которому, как никогда, необходимо осознание своих корней и культурной идентичности.

Литература:

- Воззвание Ревкома Бурятской республики об образовании БМАССР. 1923. URL: <http://gbu-garb.ru/assets/manager/pdf>. (дата обращения: 14.02.2022).
- Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критики // Сибирские вопросы. 1907. № 24. URL: <https://www.prilib.ru/item/444676>. (дата обращения: 17.02.2016).
- Куницын О. Лхасаран Линховоин: очерк жизни и творчества. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1991.
- Санжиева Л.Н. Музыка композиторов Бурятии в стране и мире. URL: <http://publisher.imbt.ru/wp-content/uploads/2018/07/Санжиева-Л.Н..pdf>. (дата обращения: 12.02.2022).
- Тартыгашева Г.В. Прекарные тенденции в сфере культуры // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни. М.: РГГУ, 2020.

Проводники перемен и агенты исторической памяти: интеллигенция в системе воспроизводства социокультурных смыслов¹

Пашинина Е.И.

кандидат социологических наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.» (г. Саратов)

Бабаян И.В.

кандидат социологических наук, доцент Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова» (г. Саратов)

Современный запрос государства, общества и власти к мыслящей части общества во многом связан с поиском и укреплением объединяющих основ для поликультурного многонационального государства в условиях перманентных внешних и внутренних угроз, санкций, агрессивных и насильственных действий. Система воспроизводства социокультурных смыслов является, на наш взгляд, той основой социальных связей в обществе, которая отвечает за формирование и поддержание национальной идентичности, сохранение и преемственность норм и традиций, культурно-исторической памяти, воссоздание архетипичных образов русской культуры и российской объединяющей идеи. Процесс воспроизводства российской культурной матрицы происходит неравномерно, учитывая проникновение кодов других культур в условиях глобализации динамики социальных процессов, формирования новых ценностей современности, новых событий, способных стать символом деления оси времени на «до» и «после».

Обратим в данной работе внимание на статус субъекта, способного осуществлять воспроизводство социокультурных смыслов и исторической памяти, его положение в стратификационной структуре российского общества, его возможные дефиниции как интеллигенции,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Формирование субъективного благополучия и исторической памяти молодежи как условие региональной сплоченности (на примере Саратовской области)», выполненного в рамках областного конкурса социальных проектов среди некоммерческих неправительственных организаций в 2021 г.

среднего класса или элиты, ученых, профессиональных групп специалистов по связям с общественностью и даже маркетологов. Кроме этого, попробуем указать сущностные признаки архетипически значимых смыслов и образов культурно-исторической памяти, лежащих в основе национальной идентичности.

Рассуждения о том, какие же социальные группы и слои можно считать хранителями русско-российского культурно-исторического кода относятся в первую очередь к определению феномена российской интеллигенции, исторически в XIX-XX вв. считавшейся прогрессивной интеллектуальной элитой, критически осмысляющей свою роль в изменении уклада и государственного устройства российского общества, просвещении масс. Современная позиция интеллигенции показывает значимую трансформацию ее сущностных черт, что отражается в ряде работ российских исследователей, показывающих демаркационные линии между элитой, интеллигенцией и средним классом.

Н.К. Поздняков, рассуждая о месте интеллигенции, среднего класса и элит в стратификационной структуре общества начала XXI в., отмечает, что «сегодня среднего класса фактически нет, существует искусственный заменитель – духовные составляющие образованных людей, когда во внимание берется социальная группа, которая не достигает уровня реального влияния на развитие общества. Такая ситуация в посреднической роли интеллигенции дает понять характер взаимоотношений между элитой и средним классом» [Поздняков, 2004: 86]. Решение проблемы неопределенного статуса интеллигенции он видит в выводах К. Манхейма, определяя роль интеллектуальной элиты в отражении особый черт культуры в разных сферах жизни. При этом так называемые «частные», отраслевые подэлиты проявляются в политической, религиозной, научно-образовательной сферах, в искусстве, позволяя «интегрировать многочисленные импульсы населения, сублимировать его духовную энергию для того, чтобы привести народ к достойному существованию и, соответственно, к отдаче сил развитию общества» [Поздняков, 2004: 86], распространять культурное влияние на социальные слои общества, выходящие за границы интеллигенции. Далее К. Манхейм отмечает четыре характерных процесса, определяющих взаимодействие элиты и основной части населения, заключающиеся в увеличении численности элитарных групп при одновременном «ослаблении их силы»; размывание их границ, качественных изменениях принципа их отбора и внутреннего состава. Другими словами, речь идет о размывании границ элиты и обретении ею многовидовых признаков [Манхейм, 1994].

По мнению руководителя Центра истории искусств Института всеобщей истории РАН, д-ра филос. наук С.А. Экштута, интеллигенция расценивается как «уходящая натура», поскольку «произошло размывание неких базовых моральных критериев. Нет ориентиров» [Экштут, 2019]. Глобализм и рыночные механизмы можно считать теми процессами, которые привели к такому размыванию: «Настоящие интеллигенты обладали высокой нравственной чувствительностью и предпочитали оставаться в тени, даже совершая добрые поступки. Сегодня этого нет и в помине. Всё на потребу, ради хайпа и сиюминутной славы» [Экштут, 2019]. Поэтому нравственный компонент, внутренняя скромность могут стать особым признаком уходящей интеллигенции. При этом можно предположить, что для «новой» ее модификации важно ярко выражать свое мнение, быть услышанным.

О.М. Здравомыслова, Н.В. Кутукова, рассуждая о кризисе идентичности российской интеллигенции XXI в., отмечают, что в «идентичности ведущую роль играет культурная память, которая позволяет интеллигенции сохранить свою целостность» [Здравомыслова, Кутукова, 2020: 7], при том, что образующие ее ценности, в том числе «свобода, справедливость, стремление к истине (через просвещение и образование), воспитанность, высокие моральные качества», отношение к образованию и чтению (а следовательно, нарушается трансляция образов художественной литературы) практически сдали свои позиции» [Здравомыслова, Кутукова, 2020: 13]. Авторы делают вывод, что это может быть показателем, исчезновения субъекта, осуществляющего функции просвещения для реализации задачи поддержания в России высокого развития науки и культуры. При этом говорить об утрате интеллигенции как социального слоя преждевременно, скорее идет речь о кризисе идентичности интеллигенции, особенно в глазах представителей разных поколений.

В работах ряда исследователей отмечается размывание роли и статуса современной интеллигенции, хотя и признается за ней функция интеллектуальной работы по сохранению ценностного ядра, трансляции исторически значимых культурных кодов новым поколениям, просвещения всех слоев общества, осмысления вариантов развития российского общества. Наряду с поиском места интеллигенции, происходит поиск среднего класса и культурных элит, статус которых в современном российском обществе также весьма размыт. Если первые социальные группы имеют социально-политическое и культурно-историческое значение, то вторые связаны больше с обретением политико-экономической стабильности, а третьи - скорее с креативным динамичным компонентом, обеспечивающим трансляцию старых и со-

здание новых смыслов, интегрирующих общество.

Роль субъекта социальных преобразований, проводника перемен и агента исторической памяти может быть принята, на наш взгляд, не только довольно абстрактным слоем образованных и рефлексизирующих людей, и даже феноменом сообществ в социальных сетях (например, в Фейсбуке), но и профессиональных групп, конструирующих особые смыслы и эксплуатирующих архетипические образы, исходя из конкретных прагматических задач. Речь в данном контексте может идти о создании информационных поводов и о средствах информационной пропаганды как инструментов в руках профессионалов, формирующих видение особой реальности, в которой особо остро представлены отдельные силы, их возможности, угрозы и перспективы, способные мобилизовывать, контролировать, управлять массами, процессами формирования региональной и национальной, гражданской идентичности.

Остановим внимание на представлениях об архетипах и образах культурно-исторической памяти, лежащих в основе национальной идентичности. Понятие исторической памяти, коммеморации исследовалось в трудах Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1991] об индивидуальном и коллективном сознании, и о «рамках» памяти, М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2007] о социальной памяти и коллективном времени и пространстве, Я. Ассмана о культурной памяти, отличающейся от истории [Ассман, 2004], Ю. Лотмана о культурной, коллективной памяти этнонациональных сообществ [Лотман, 2000], П. Коннертона о механизмах культурного и исторического забвения [Connerton, 2008].

Е.О. Бегунова ставит задачу методологического определения предметного поля исторической, культурной и социальной памяти, причем агентами исторической памяти считает исследователей профессиональных сообществ, а ее существование относит к институциональным формам [Бегунова, 2019]. Л.А. Тюкина отмечает разнонаправленные явления коммеморации и рекоммеморации как инструменты исторической памяти [Тюкина, 2020]. В.В. Касьянов и С.А. Чупрытников, сравнивая соотношение понятий исторической (претендует на избирательную объективность, хронологию знания о прошлом) и социальной (ценностная оценка событий, мировоззренческий характер, основана на архетипах, мифах) памяти, подчеркивают «осмысление значений прошлого с целью поиска и определения ценностно-смысловых ориентиров в настоящем» [Касьянов, Чупрытников, 2020: 54], на основе процессов запоминания, сохранения, воспроизведения и референции. Аналогично Н.И. Шестов видит необходимость различать историческую и политическую память, делая акцент на том, что «социально-политическое мифотворчество выступает как раз таким постоянно действующим

щим механизмом инвестирования наиболее годных для этого элементов «исторической памяти» в политическую повседневность» [Шестов, 2010: 29], что приводит к фиксации поколенческих модификаций в описании исторических событий.

Анализируя образы классической русской литературы, связанные с отношениями народа и власти, и их значение в смене парадигмы политического манипулирования на культурное просвещение, С.А. Никольский отмечает, что «стране давно необходима программа духовной реформации, касающейся не столько технических средств и материальных условий, сколько целей, ценностей, смыслов деятельности. И начинать предстоит с радикальной замены всех форм пропаганды, культивирующей милитаризм, религиозную архаику и дикость культурным просветительством» [Никольский, 2018: 132]. При этом автором подчеркивается проблема разорванности «исторического процесса непрерывного просвещения» [Никольский, 2018: 132], что приводит к обеднению ценностного ядра современного российского человека и уничтожению культуры.

Что же можно считать архетипами и культурными кодами российской культурной матрицы? Вопрос очень неоднозначный и относит нас корнями и к православию, и к богатой русской литературе, и к переживанию исторически знаковых событий, сплывающих многонациональную страну, особому видению патриотизма и любви к Родине. Культурные элиты, интеллигенция и интеллектуалы, работники умственного труда занимают в процессе воспроизводства социокультурных смыслов ведущую роль.

Т.Г. Шумкина видит задачу сохранения исторической памяти как дело государственного уровня, которое реализуется органами государственной власти через законодательные инициативы, работу специальных комиссий, музейное дело, подготовку учебников истории и гражданско-патриотическое воспитание молодежи, назначение и проведение государственных праздников как формы трансляции смыслов национального наследия, консолидации общества [Шумкина, 2021]. При этом есть значительная выгода формирования новых музеефицированных объектов, что потенциально выгодно для социально-экономического и туристического развития регионов. Внешнеполитические угрозы утраты контроля над исторической памятью связываются автором с агрессивной политикой памяти ряда стран постсоветского пространства, возникновением новых мемориальных войн, динамичностью миграционных процессов, приводящих к ослаблению «традиционных маркеров политики памяти».

Нередко задачи сохранения исторической практики связывают-

ся с сохранением особо значимых смыслов в отношении конкретного исторического события. Например, И.И. Резник видит проблему искажения исторического значения победы в Великой отечественной войне средствами информационной войны современности, а также задачу воспроизводства культурно-исторических смыслов Великой Победы на базе структур института образования [Резник, 2020]. О.Б. Леонтьева демонстрирует конфликтный потенциал памяти о Гражданской войне, когда идея установления памятника legionерам Чехословацкого корпуса вызвала общественный резонанс и «побудила гуманитарную интеллигенцию Самары искать новые стратегии «разговора о прошлом»» [Леонтьева, 2019: 46].

Архетипический брендинг как одно из современных направлений маркетинга и развития территорий, изучаемый М.Р. Арпентьевой, С.В. Брайцевой, нацелен на преемственность и последовательность продвижения брендов средствами коммеморации, историй и ритуалов, архетипов как отражения коллективного бессознательного, образцов повседневного образцового поведения. Среди архетипов авторами отмечаются четыре группы, содержащие набор специфичных функций и ролей: «отражающие тоску по потерянному раю» (невинность, мудрец, исследователь), «желание оставить после себя след» (разбойник, волшебник, герой), «единство с другими людьми» (любовник, шут, обыватель), «желание разложить все по полочкам» (опекун, правитель, творец) [Арпентьева, Брайцева, 2018]. Таким образом, использование коммеморации и архетипов в экономико-прагматических целях характерно для современного общества потребления, где профессиональные группы актуализируют воспроизводство и модификацию культурно-исторических символов, создавая на их основе новые смыслы для центров притяжения, интеграции, актуализируя как потребительские практики, так и этнокультурные, региональные идентичности.

Говоря о примерах исторической памяти, воспроизводимой городской саратовской интеллигенцией и властями города в памятниках, а также в задачах брендинга городских и региональных территорий, стоит указать создание пешеходных маршрутов в исторической части города, установку памятников землякам (О. Янковскому, О. Табакову, Ю. Ошерову) и знаковым фигурам Саратовской земли (Ю. Гагарин, П. Столыпин), расширение музейных и мемориальных комплексов на территории Парка Победы (мемориал «Журавли», аллея «Дни воинской славы России», историко-патриотический комплекс «Музей боевой и трудовой славы»), этнопарк «Национальная деревня народов Саратовской области»). Многие современные проекты проходят предварительную процедуру обсуждения с местной общественностью, определения

приоритетных объектов городского благоустройства, создания и одобрения культурно и исторически значимых эскизов арт-объектов. Так, на основе обращения к исторической памяти, знаковым событиям и фигурам, конструируется современное ценностно и мировоззренчески наполненное смысловое поле, меняющее не только физический облик городов, но и содержательно и эмоционально нагруженность территории и точки общественного пространства. Это является основой для формирования городской и региональной идентичности, патриотических установок, ретрансляции знаний об исторически значимых для территории событиях и личностях. Агентами и проводниками перемен, опирающимися на культурно-историческую матрицу города и региона, российской историю становятся довольно широкие массы, включенные в обсуждение перспектив развития города на основе сохранения памяти, традиций, архетипов, ценностей.

Позиция, определяющая интеллигенцию как социальный слой ушедшей эпохи, сформированный в особых и неповторимых исторических российских условиях, отсылает нас не только к признакам наличия высшего образования и активной гражданской позиции, ответственности, но и статистически значимой численности ее носителей, а самое главное – сформированной идентичности. Для определения положения современной интеллигенции, важно видеть понятийные рамки отличия от среднего класса как экономически обеспеченной группы, и политически значимой силы, а также от культурной, политической элиты. Задача опоры на традиционные ценности при проектировании планов развития в масштабах города, региона и страны предполагает в первую очередь ориентацию на сплочение общества общими идеями, видением ценности общего прошлого, настоящего и будущего, что опирается на возможности формирования и модерирования площадок для общественного обсуждения значимых проблем и способов их решения с участием ключевых субъектов исторической, социальной, культурной памяти.

Подводя итог, проводники перемен и агенты исторической памяти могут быть субъектами института образования, СМИ, музейного дела, специалистами сферы культуры и просвещения, научными исследователями, представителями государственной власти, политиками, общественными деятелями, профессионалами сферы маркетинга и связей с общественностью. Их объединяет активная стратегия работы с историко-культурными и социальными механизмами воспроизводства культурно-исторических смыслов, с практиками коммеморации, которые определенным образом создают современное видение истории государства, народов, отдельных этнических и социальных групп, по-

колений, резонируя процессы социального сплочения или отчуждения. Представляется, что данным группам социальных акторов частично соответствует объединяющее понятие интеллигенции в части качеств и свойств образованности, преобразовательной природы усилий, критического анализа и осмысления событий как настоящего, так и прошлого, планирование и предвидение изменений. Ключевым для определения роли интеллигенции в процессе историко-культурного воспроизводства представляется ценностно-нравственная позиция таких субъектов, их внутренняя установка на сохранение жизнеспособности российской культурной матрицы, ее воспроизводство в будущих поколениях, трансляцию культурных архетипов и сохранение исторической памяти.

Литература:

- Арпентьева М.Р., Брайцева С.В.* Архетипы и ролевые модели в визуальном брендинге // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №2(28).
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Бегунова Е.А.* Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. №48.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Здравомыслова О.М., Кутукова Н.В.* Интеллигенция как вызов: идентичность российской интеллигенции в XXI веке // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 1(13).
- Касьянов В.В., Чупрынников С.А.* Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. №4(269).
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
- Леонтьева О.Б.* «Белые пятна» и конфликтные зоны региональной памяти: гражданская война в исторической памяти Самары // Пятые Ядринцевские чтения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. П.П. Вибе. 2019.
- Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразований // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Никольский С.А.* Интеллигенция, народ и власть // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. №3.
- Поздняков Н.К.* Политическая элита, средний класс, интеллигенция // Вестник Омского университета. 2004. №3.
- Резник И.И.* Важность исторической памяти // Национальные приоритеты России. 2020. №1(36).
- Тюкина Л.А.* Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №1 (20).
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое Изд-во, 2007.
- Шестов Н.И.* Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи // История и историческая память. 2010. №1.
- Шумкина Т.Г.* Государственная политика Российской Федерации по формированию и сохранению исторической памяти: проблемы реализации // Вопросы всеобщей истории. 2021. №24.
- Экштут С.* Интеллигента век недолог. Почему слово «интеллигенция»,

произнесенное 150 лет назад Львом Толстым, перестало быть синонимом совестливости. URL: <https://rg.ru/2019/11/18/doktor-filosofskih-nauk-semen-ekshtut-intelligenta-vek-nedolog.html> (дата обращения: 02.02.2022).

Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. Vol. 1, Issue 1.

Проблемы формирования культурной и гражданской идентификации российской молодежи

Е.А. Гришина

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета
(г. Москва)

Поскольку существует множество пониманий и интерпретаций соответствующих терминов, автор настоящей статьи полагает, что стоит пояснить, что в данной статье будет пониматься под терминами «культура», культурная «идентификация» и «гражданская идентичность». Наверное, в первую очередь культура - это система смыслов, значений, с помощью которых люди объясняют и понимают окружающий мир, и которые люди предписывают различным знакам и символам: предметам, действиям или явлениям. Сами по себе они лишь артефакты, они могут быть поняты лишь в контексте той или иной культуры с присущей ей собственной системой ценностей, норм, и выстроенных на этом основании образцов поведения, посредством которых выстраиваются и регулируются отношения людей.

Соответственно – культурная идентификация – это процесс освоения и интериоризации этих норм и ценностей, представленных в культурном пространстве общества определенными знаками и символами. Автор не ставит себе задачей интеллектуальную игру с терминами и понятиями, поэтому заранее соглашается со всеми возражениями по поводу возможных пониманий их иерархии и интерпретации. Авторские позиции уже давно высказаны в соответствующих публикациях. Но попробуем выделить несколько базовых составляющих, на основании которых формируются культурная и гражданская идентичность российской молодежи.

Прежде всего – это язык. Родной язык - это основа, культурной идентичности. Если использовать современную терминологию - язык – это «информационная база» любой культуры, строй сознания и выразитель национального менталитета. Язык сегодня перенасыщен

англицизмами. Заимствования обогащают язык. Но такое массовое «англизирование», скорее даже американизация русского языка за такой короткий срок (20-30 лет) выглядит уже как инокультурная экспансия, угроза национальному культурному коду. В апреле 2021 года ВЦИОМ провел всероссийский опрос, посвященный отношению населения к иностранным словам в русском языке [Русский язык...2021]. Представители возрастной группы (18-24 года) на вопрос «Надо ли в русский язык заимствовать иностранные слова?» более 40% отвечают «да», и говорят, что используют иностранные слова каждый день в повседневном общении. Специалисты квалифицируют постоянное и активное использование иностранных слов в коммуникативных практиках молодежи как речевые девиации при общей ограниченности словарного запаса [Могутова, 2019]. Англицизмы пронизывают вербальное пространство российского общества – названия ресторанов, магазинов, товаров, клубов и т.д. и т.п., Обилие англицизмов и эрративов в СМИ поражает, чистая, грамотная, литературная русская речь встречается все там реже и реже.

Известно, что культурная идентичность молодежи базируется на освоении таких базовых составляющих отечественной культуры, как история, литература, искусство. Не хотелось бы впадать в излишнее критиканство, но, к сожалению, наличие такого «интеллектуального протеза» как Интернет¹, приводит к тому, что реальных знаний в этих сферах многие молодые люди практически лишены. Тому есть множество одиозных примеров, которые приводят нет необходимости. Опыт большинства преподавателей, и автора настоящей статьи в том числе, показывает, что студенты становятся с каждым годом все более невежественными практически во всех областях знания, которые они должны усваивать в средней школе.

Семантика и семиотика культурного пространства современного русского общества выглядит не просто противоречиво, а в определенных информационных слоях просто абсурдно. Российская культура испытала на себе колоссальное «инокультурное вторжение» постмодерна, «новой нормальности», «постправды» и т.д. и т.п. Значимость традиционных ценностей подвергается сомнению, стираются нравственные запреты, происходит размывание границ между такими глобальными основаниями человеческого бытия, как «добро» и «зло». Все это обрушивается на молодое поколение, которое формировалось в условиях безопасности и относительного материального благополучия² и активного развития высоких, в том

1 Опрос студентов, проведенный автором в 2021-2022 годах показал, что в качестве «справочного источника» абсолютное большинство из них используют Википедию.

2 Уровень дохода и потребления в российских регионах существенно различается. Но

числе цифровых технологий. Последние немало способствовали созданию «виртуальной реальности», которая стала ценностным, информационным и, фактически, жизненным пространством для молодых людей. «Виртуалка» почти поглотила все их интересы и формирует картину мира у молодежи.

Понятие гражданская идентичность формируется в контексте культуры и находится в тесной связи с такими понятиями, как общество, государство, страна. Именно идентификация с обществом, государством и страной лежат в основе гражданской идентичности. Гражданская идентичность молодежи в обществе выступает важным условием социального воспроизводства. Качество гражданской идентичности определяет качество социальных практик, и, соответственно, качество социального воспроизводства. В данном случае и гражданство, и гражданственность, и патриотизм включаются как элементы в понятие гражданская идентичность, «которое выступает как комплексная статусно-идентификационная база для формирования массовых социальных практик, конституирующих и воспроизводящих данное общество как самостоятельную и специфическую социокультурную систему». [Гришина... 2003]

В сознании молодых людей не отождествляются, практически противопоставляются «страна» и «государство». Что касается страны - молодежный сленг сегодня содержит в себе и активно использует слово «Рашка». Соответствующий запрос в поисковую систему Яндекс показал 5 млн. результатов (ссылок, страниц). В электронном словаре молодежного языка - «Рашка, также Раша (от англ. Russia - Россия) – ироничное (нередко с пренебрежительным оттенком) название Российской Федерации, используемое преимущественно в среде молодых людей либеральных политических взглядов» [Словарь современной лексики...2020]. Это не означает, что молодые люди не патриотичны. Но ... Социологи и культурологи давно говорят об огромном влиянии на молодежь непосредственно американской и американизированной западноевропейской культур. Молодые люди предпочитают смотреть американские фильмы, скачивать со стриминговых сервисов западную музыку. И если в конце 90-х и начале 2000-х годов в гуманитарной среде высказывались активные опасения по поводу «вестернизации» молодежной культуры, то сегодня на эту тему раздаются лишь отдельные робкие голоса.

Что молодежь думает о своем государстве? Данные различных опросов рисуют весьма противоречивую картину. Опросы ВЦИОМ показывают, что, по мнению абсолютного большинства молодежи, «...в обозначенные в статье тенденции вполне универсальны и однонаправлены, хотя их выраженность и интенсивность могут различаться

нашей стране человек может сам, благодаря только своим способностям преуспеть, добиться высокого положения...»[Абрамов...2021] практически во всех сферах – в политике, бизнесе, на государственной службе. То есть отношение к государству благожелательное, ощущение себя в обществе комфортное. Исследования Левада – центра показывают почти противоположную картину – молодежь считает, что власти «думают только о себе», «не пускают новых людей во власть», считают их «второсортными», «честных выборов нет», а «Конституция не работает» [Волков...2021].

Молодежь не доверяет официальным источникам информации, свое мнение о происходящих событиях у поколения Z формируется на основании информации, полученной из социальных сетей. Нет необходимости в данной статье подробно останавливаться на характеристиках «блогосферы». Кратко остановимся лишь на двух аспектах – лидеры мнений, которым доверяет молодежь и культурные паттерны, которые ими транслируются на молодежную аудиторию. По данным опроса РОМИР рейтинг популярности (и доверия) в 2021 году возглавил Моргенштерн [Моргенштерн возглавил...2021]. Этот одиозный персонаж имеет только в социальной сети «В контакте» 2 млн. подписчиков, в Инстаграм их около 6 млн. число просмотров исчисляется десятками миллионов. По классификации блогеров он попадает в группу «макро», которая характеризуется как «знаменитости, эксперты с большим авторитетом» [Рыкова...2022]. Соответственно, его авторитет влияет на мировоззрение аудитории его подписчиков и поклонников. Приведем несколько его высказываний:

«У меня насущный вопрос – выбрать себе Rolls-Royce или Royce-Rolls?» [Моргенштерн...2020]

«Школы – это домики, из которых выходят рабы...»[Звезды и знаменитости...2021]

«[Путину веришь?] Нет.

[Кому веришь?] Из политиков? Никому.» [Дудь ...2020]

Культурный паттерн, который задают эти и множество сходных высказываний «инфлюэнсеров», можно охарактеризовать как нигилистически-потребительский⁹. Вспомним известную теорему Томаса. Мы уже видим, как этот грандиозный симулякр, виртуальная «картина мира», влияет на реальное поведение молодежи и, по большому счету, на существование нашей страны. И частичная блокировка социальных сетей, которая предпринимается в связи информационной атакой западных СМИ, уже мало, что может изменить – картина мира уже, в значительной степени сформирована. По данным различных источников, поколение Z (2000-2007 годы рождения) проводит в

социальных сетях от 4 до 8 часов в день. На протяжении последних 20 лет информационное пространство, в котором существовала молодежь, было перенасыщено инокультурными образцами, которые с высокой степенью модальности навязывали утилитарно-прагматические клише мировосприятия и модели поведения, демонстрировали пренебрежение к стране и государству, с помощью циничного обмана настраивали молодых против институтов государственной власти. В результате - слабо отрефлектированные протестные настроения и демонстрации. Автор склонен согласиться с тезисом Д. Розенау, высказанном в его статье «Меняющиеся индивиды как источник глобальной турбулентности» еще в конце прошлого века о том, что «...поведение индивидов на микрополитическом уровне имеет определяющее значение для развития событий, разворачивающихся на макрополитическом уровне...» [Rosenau... 1990] В данном случае речь может идти о поведении молодежи, гражданская идентичность которой весьма противоречива. Поколение, подсаженное на виртуальную «иглу», после блокировки части социальных сетей будет испытывать своего рода «ломку», это может вылиться в раздражение и агрессию, в том числе и в публичном пространстве.

И последнее - представляется, что в ближайшем будущем наше общество будет проходить очередной этап свертки неконтролируемых «свобод». Не хотелось бы до коллапса.

Литература:

- Абрамов К.В. Молодежь и общество: социологическое измерение. Электронный ресурс. URL // <https://www.levada.ru/2021/02/03/smena-pokolenij-ne-budet-bystroj-i-beskonfliktnoj> (Дата обращения 01.03.2022)
- Гришина Е. Идеология порядка как политический ресурс власти в регионах, Тула, 2003
- Гришина Е.А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия в 2 т.-М., 2003, т.1, с.336.
- Волков Д. Смена поколений не будет быстрой и бесконфликтной. Электронный ресурс URL // <https://www.levada.ru/2021/02/03/smena-pokolenij-ne-budet-bystroj-i-beskonfliktnoj/> (Дата обращения 01.03.2022)
- Дудь В. Моргенштерн о работе с властью. Электронный ресурс. <https://www.rar.ru/news/13866> (Дата обращения 02.03.2022)
- Звезды и знаменитости; истории, фото, сенсации. Электронный ресурс. URL: <https://fishki.net/3415150-morgenshtern-izvinilsja-za-svoi-slova-pro-obrazovanie.html> (Дата обращения 02.03.2022)
- Могутова О.А. Социокультурные девиации в вербальном поведении учащейся молодежи: социологический анализ // Общество, социология, психология, педагогика, 2019, № 3. http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2019/3/sociology/mogutova.pdf
- Моргенштерн возглавил рейтинг доверия у молодежи. Электронный ресурс. URL <https://esquire.ru/news/society-news/27-08-2021/284943-morgenshtern-vozglavil-rejting-doveriya-u-molodezhi> (Дата обращения 03.03.2022)
- Русский язык: развитие, обогащение, распространение. Электронный ресурс .URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-jazyk-razvitie-obogashchenie-rasprostranenie-1> (Дата обращения 03.03.2022)
- Рыкова В. Лидеры мнений: кто это, как выбрать, где найти. Электронный ресурс. URL: <https://vlada-rykova.com/lidery-mnenij-v-instagram/> (Дата обращения 01.03.2022г.)
- Словарь современной лексики, жаргона и сленга. Электронный ресурс URL <https://argo.academic.ru/4476/%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B0> (Дата обращения 01.03.2022)
- MORGENSHTERN ТИМОТИ EL PROBLEMA. Электронный ресурс URL: <https://pesnihi.com/lyrics/m/morgenshtern/el-problema.html> (Дата обращения 03.03.2022)
- Rosenau J.N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. - Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1990. - 480 p.

Искусственный интеллект и его влияние на функционирование интеллигенции

Б.Г. Нагорный

доктор социологических наук, профессор
Луганского государственного университета им. В. Даля (г. Луганск)

Чтобы интеллигенция как специфическая социальная группа сохранила свои традиционные просветительские, культурные, образовательные функции, необходимо максимально использовать появившиеся работы, которые показывают огромные резервы использования интеллекта человека.

Отрадной является формирующаяся тенденция, на фоне обостряющейся дискуссии об агрессивном вытеснении Искусственным Интеллектом с рынка труда традиционного работника, обнадеживающих исследований о направлениях существенного повышения эффективности использования естественного интеллекта человека [Брокон, 2020; Койл, 2020; Ламберт, 2020].

На протяжении многих лет Джон Брокман, известный издатель и популяризатор науки, после обстоятельных бесед с известными учеными, выпускает регулярные сборники о будущем человечества в связи с развитием Искусственного Интеллекта. Вот и в последнем сборнике «Искусственный интеллект – надежды и опасения» он снова собрал именитых собеседников. Уверен, что многим читателям запомнится статья Макса Тегмарка, физика Массачусетского технологического института, президента Института «Жизнь в будущем» (одно из его опасений: «человечество может вскоре вымереть вследствие самоуничтожения, вызванного способностью наших технологий развиваться быстрее, чем мы с вами обретем должную мудрость»).

Даже такого опытного издания как Дж. Брокмана поразило откровение Тегмарка о том, что в Лондоне в ходе презентации его очередной книги, он разрыдался на станции метро после посещения Музея науки, где представлены все технические достижения человечества. «Не окажется ли этот поразительный прогресс напрасным?» [Брокман, 2020: 117-130].

В печати начали появляться публикации с осторожными

восторгами по случаю открытия миелина – микроскопической мозговой субстанции. Если дальнейшие исследования подтвердят ее наличие у каждого человека, то это будет одним из значительных открытий XXI века. Оно существенно изменит многие сферы человеческой деятельности, некоторые исследователи считают, что благодаря ему мы сможем открыть код таланта.

Даниел Койл, например, считал, что «когда мы стимулируем нервные цепи нужным образом – тренируемся на спортивной площадке или играем на кларнете, – нервные волокна оборачиваются миелином и с каждым слоем сигнал проходит все быстрее, а наши навыки совершенствуются. Чем толще слой миелина, тем лучше изоляция, тем быстрее проходит сигнал по нерву и точнее наши движения и мысли [Койл, 2020: 11].

Койл вводит понятие «очаги талантов», о природе которых не догадываются даже местные жители. «Теннисисты, певцы и художники имеют между собой мало общего, но все они могут постепенно улучшить скорость, точность и координацию, совершенствуя свои нервные цепи и укрепляя миелиновые оболочки, руководствуясь кодом таланта». А три базовые элементы кода – углубленная практика, озарение и учительское мастерство [Койл, 2020: 12].

Такие работы, раскрывающие механизмы деятельности мозга и повышение его эффективности, позволяют по-новому посмотреть на творчество писателей-фантастов, таких как братья Стругацкие, которые предвидели, что в обозримом будущем среди обычных людей появятся представители нового типа – людей, которым будут присущи такие сверхспособности, как телекинез, телепортация, телепатия. У Стругацких будущее – это «вертикальный прогресс», который, как ни странно, имеет общие элементы и со взглядами Циолковского и Вернадского, которые предвидели сложную трансформацию от Человека Земного к Человеку Космическому. А пока...

Келли Ламберт, одна из ведущих современных специалистов по поведенческой нейробиологии, одну из последних работ по нейробиологии здравого смысла выпустила с подзаголовком «Правила выживания и процветания в мире, полном неопределенности». В аннотации к этой книге подчеркивается тезис о том, как важно в повседневной деятельности уметь просчитывать результаты решений и действий в разных обстоятельствах. Наш мозг обладает удивительной способностью анализировать и обрабатывать прошлый и текущий опыт, чтобы принять оптимальный выбор. Ламберт считает, что некоторые обстоятельства нашей жизни могут искажать процессы нейронной обработки опыта.

Автор подчеркивает, ссылаясь на свой тридцатилетний опыт изучения поведенческой неврологии, что человеку для поддержания психического здоровья нужно практиковать надлежащие образцы поведения [Ламберт, 2020: 27].

Специалисты по биомедицине редко сотрудничают с социологами. В одном опросе среди биомедиков около половины признали, что «не воспринимают» общественные науки. Остальные в большинстве своем высказывания неоднозначно. Основной причиной неприятия была названа бессистемность социологических исследований по сравнению с привычными медикам контролируруемыми экспериментами. И поэтому, когда возникает эпидемия, вызванная новым патогеном, начинается поиск биомедицинских причин и решений, тогда как социально-политические факторы рассматривается в последнюю очередь [Шах, 2021: 278-279].

И все же, какие бы «прорывные» результаты не получают современные нейроспециалисты, они обязательно опираются на фундаментальные исследования академика В.М. Бехтерева и продолжательницу бехтеревской династии Н.П. Бехтереву, которая в 1990-2008 гг. была научным руководителем Института мозга РАН [Бехтерева, 2008].

Еще раз сошлемся на статью Макса Тегмарка, президента Института «Жизнь в будущем» помещенную в сборнике Дж. Брокмана. Один из разделов этой статьи содержит тревожный вопрос: «Почему мы спешим себя губить, но избегаем говорить об этом?». Заключительные страницы статьи содержат вряд ли оптимистический прогноз: «Итак, если наши технологии опережают обретение мудрости, благодаря которой мы с ними справляемся, это обстоятельство может привести к нашему исчезновению По некоторым оценкам. Оно уже привело к исчезновению от 20 до 50 процентов всех видов живых существ на Земле, и было бы странно не оказаться мы сами следующими в очереди».

Но как опытный исследователь и автор популярных книг «Наша математическая вселенная» и «Жизнь 3.0: быть человеком в эпоху искусственного интеллекта» он знал, что нельзя завершать очередную публикацию так пессимистически. Он нашел более оптимистическую концовку: «Вдобавок будет жаль, если так случится, учитывая возможности Общего Искусственного Интеллекта – поистине астрономические, сулящие процветание жизни на протяжении миллиардов лет, не только на Земле, но и во многих участках космоса... В физических законах смысл не закодирован и не стоит пассивно ждать пока наша Вселенная ниспослет его нам, давайте признаем и порадуемся, что именно мы, сознательные существа, придаем смысл нашей Вселенной. Давайте

создавать наши собственные смыслы, содержащие нечто более важное, нежели наличие рабочих мест. Общий Искусственный интеллект может помочь нам наконец-то стать хозяевами своей судьбы. Давайте сделаем эту судьбу по-настоящему прекрасной!» [Брокман, 2020: 129-130].

И все же, обобщая профессиональные попытки специалистов в различных отраслях социологии обосновать необходимость обновления тезауруса, можно сделать следующие выводы.

Современное общество становится все больше обществом, производящим риски (О.Н. Яницкий) и обществом травмы (Ж.Т. Тощенко), причем сложность возникающих проблем объясняется новыми группами рисков, обладающих синтезированными угрозами. Даже беглый экспресс новых категорий, возникающих при анализе новых тенденций в социальной сфере в основном связан с ключевыми категориями социологии: общество – личность – группа.

Очередная технологическая революция взломала традиционную социальную структуру. Цифровое общество, отодвинувшее на обочину истории традиционного человека, уже сформулировало новые виды социального неравенства.

«...Самое опасное явление постсоветского времени – нравственная деградация, ставшая возможной, поскольку старые социальные нормы исчезли, а новые еще не возникли. Кризис идентичности оказался ничуть не менее серьезной угрозой для целостности государства, чем угроза военная» [Шестопал, Селезнева, 2018].

Интеллигенции, как специфической социальной группе, предстоит нелегкое испытание, выдержав натиск Искусственного интеллекта, социальных сетей, чтобы сохранить свое право на выполнение своих образовательных, прогностических, культурных функций.

...Зима 2021-22 года войдет в память как «зима тревоги нашей», когда на второй план отодвинулась даже тревожная ковидная статистика. Когда все чаще и чаще упоминалось слово «война», и когда известное изречение Воюнда о трагедии внезапности смерти человека можно было перенести на все человечество. И многие вспомнили о Часах Судного Дня, которые предложили ученые-атомщики еще в 1947 году, чтобы предупредить человечество, что до атомной конечной полуночи совсем немного времени... Что противоборствующим сторонам нужно вовремя остановиться, чтобы этот полдень не наступил. И по состоянию на 23 января 2020 года они показывали 23:58:20 (до полуночи оставалось всего сто секунд). Совсем по-новому понимаешь сейчас многое. В том числе и известные слова Булата Окуджавы: «Пока Земля еще вертится. И это ей странно самой...».

Литература:

Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М., 2020.

Искусственный интеллект – надежды и опасения. Сборник. Пер.с англ. Под ред. Джона Брокмана. М., 2020.

Койл Д. Код таланта: Гениями не рождаются. Ими становятся. Пер. с англ. М., 2020.

Ламберт К. Нейробиология здравого смысла. Правила выживания и процветания в мире, полном неопределенности. Пер. с англ. М., 2020.

Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных инфекций. Пер. с англ. М., 2017.

Шестопал Е., Селезнева А. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018, № 10. С.90-99.

Случай А. Тепляковой: образовательная траектория и ее акторы

В.В. Солодников

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета
(г. Москва)

И.В. Солодникова

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета (г.
Москва)

О Судьбах одаренных детей. Ими всегда интересовались и даже создавали условия (сибирская математическая школа, «Сириус»). И всегда существовали проблемы. Вот такую проблему мы рассматриваем на примере судьбы Алисы Тепляковой.

Кейс 9-летней А. Тепляковой, поступившей на факультет психологии МГУ в 2021 году «взорвал» интернет. Так, по запросу «Алиса Теплякова» в поисковой машине Яндекса на 6 января 2022 г. выдавалось 2 миллиона результатов. Запрос «Алиса Теплякова ЕГЭ» давал уже 10 миллионов результатов.

Поскольку наука, как и образование, являются весьма инерционными социальными институтами (что не обязательно является отрицательной характеристикой), пройдет немало времени, пока появятся (если появятся) надежные исследования этого отдельного случая. Возможно, предварительный анализ, предпринятый ниже, окажется полезным при проведении будущего исследования его и/или подобных социальных феноменов. Пока же попробуем безоценочно проанализировать этот случай, по возможности, опираясь на верифицированные источники информации.

Прежде всего, обозначим сюжеты, обильно представленные в интернете (главным образом в блогах): личности родителей и их детей (включая образовательные траектории первых и оценку их психического здоровья); внутрисемейные отношения Тепляковых (включая

межсупружеские, детско-родительские, а также повседневные потребительские практики); педагогические технологии родителей; смыслы медийной активности родителей (включая конспирологические версии о возможных спонсорах).

Постараемся сосредоточиться на ключевых событиях образовательной траектории А. Тепляковой и действиях основных акторов (в большинстве случаев рекрутируемых из «интеллигенции»), обозначая «проблемные поля» функционирования средней (преимущественно на последних ступенях обучения) и высшей школы (на ее начальных ступенях). При этом, поскольку доступная в открытом доступе информация не всегда является авторизованной и точной, будем уделять этому специальное внимание.

Перевод на семейное обучение. Первые знаковые события в образовательной траектории А. Тепляковой начались задолго до окончания средней школы. В 4-летнем возрасте родители хотели отдать ее в 1-й класс (она уже считала до ста и обратно, читала по 120 слов в минуту). Школа отказалась ее принять. Родители решили перейти на семейное образование, взяв на себя роли учителей [Шутько, 2022].

При этом отметим один факт и два норматива:

1. Уже в 4,5 года девочка была зарегистрирована на сайте реестра Рекордов России как самая юная 3-классница [Реестр..., 2022]. Там же есть еще 4 записи: самая юная участница двух олимпиад (муниципальной и всероссийской) и вновь самая юная школьница, получившая аттестат за 9-й класс, а также освоившая программу 11 классов.

2. Школе, к которой прикреплена девочка, предписано приказом Министерства просвещения (к сожалению, в редакции 2021 года¹) осуществлять [Приказ..., 2021] текущий контроль успеваемости и промежуточную аттестацию, определяя их формы, периодичность и порядок проведения (ст.25).. На сегодня об этом ничего неизвестно. Возможно, это связано с охраной персональных данных, в качестве которых выступает «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»². Поскольку А. Теплякова является несовершеннолетней, ее отец активно использует эту норму.

3. Ученики, получающие семейное образование, имеют право [Приказ..., 2021] пройти экстерном промежуточную и государственную итоговую аттестацию в школе, имеющей государственную аккредитацию по образовательным программам соответствующего уровня

1 Приказ Министерства просвещения РФ от 22 марта 2021 г. № 115. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400563548/> (дата обращения: 7.01.2022).

2 Ф3 № 152 от 27.07.2006 г. «О персональных данных» (ст. 3). URL: <https://base.garant.ru/12148567/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf7/>

(ст.27). Вместе с тем, видимо, «имеют право» не означает «обязаны».

Сдача ЕГЭ и получение аттестата о среднем образовании. Аттестат о среднем образовании 8-летней Алисы по результатам ЕГЭ был выдан Московской средней школой № 625. Остается неясным, как часто и в какой форме осуществлялся учителями текущий контроль успеваемости и проведение промежуточной аттестации. Кроме того, в условиях «пандемийного» 2021 года Министерством просвещения [Объявлены изменения..., 2022]³ были внесены коррективы в процедуру сдачи ЕГЭ (для поступления в ВУЗ стало достаточно сдать ЕГЭ по русскому языку на «3», а ЕГЭ по математике базового уровня был отменен), но процедура осталась очной.

Но очный и индивидуальный формат прохождения Алисой экзаменационных испытаний вызывает сомнение. По ее словам, которые цитирует журналист: «По биологии я решила целую кучу. Я решила все задания из тестовой части, а когда переписывала, уже оставалось мало сил, и папа говорил (выделено мной – В.С.), что можно капельку порисовать. Я нарисовала один торт, а потом дописала» [Шутько, 2022]. Поскольку интервью было опубликовано 13.07.2021, речь, видимо, идет о ЕГЭ, а не дополнительных вступительных испытаниях (ДВИ) ВУЗа.

Кроме того, Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) среднего общего образования подробно прописывает результаты освоения таких предметных областей, как «русский язык и литература», а также «иностранные языки» [Приказ Минобрнауки РФ от 17.05.2012 N 413]⁴. Между тем, по непроверенной информации блогеров⁵, отец Алисы упоминал, что они эти предметы «пропустили». Остается неясным: является ли полнота освоения образовательной программы средней школы обязательным условием получения аттестата о среднем образовании? Есть ли исключения из такой нормы и по каким основаниям?

Поступление в ВУЗ. Еще до оглашения результатов вступительных испытаний ректор МГУ В. Садовничий посчитал поступление Алисы «весьма вероятным», а отец не сомневался в этом [Назван результат..., 2021]. Высказывалось мнение, что, по мнению родителей, она будет учиться заочно [Шутько, 2022].

Однако в результате абитуриентка была зачислена на платное обучение (дневную форму) факультета психологии МГУ (результатов ЕГЭ 3 (дата обращения: 10.01.2022).

Объявлены изменения... URL: <https://edu.gov.ru/press/3285/obyavleny-izmeneniya-poryadka-provedeniya-ege-i-gosudarstvennoy-itogovoy-attestacii-vypusnikov-9-i-11-klassov-v-2021-godu/> (дата обращения: 7.01.2022).

4 Приказ Минобрнауки РФ от 17.05.2012 N 413. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387057#h419> (дата обращения: 11.01.2022).

5 Здесь и далее такая информация будет помечена знаком *.

не хватило для поступления на бюджет) по специальности «психология служебной деятельности», пройдя через «дополнительные вступительные испытания» (ДВИ) по биологии. Результат ДВИ – 48 баллов (из 100) [см.: Прием на факультет психологии..., 2022а], к которым были прибавлены «баллы ЕГЭ» [Назван результат..., 2021].

На сайте факультета психологии МГУ отмечается, что для поступления в 2021 году по названной специальности требуются результаты ЕГЭ (по биологии, математике (профильный уровень) и русскому языку), а также прохождение ДВИ по биологии [Прием на факультет психологии..., 2022б], который, согласно правилам поступления, должен был проходить письменно.

Возникающие вопросы: действительно ли ДВИ проводился письменно на общих основаниях – индивидуально и письменно (потому что позднее именно к форме проведения экзамена у отца возникли возражения)? На каком основании к результатам ДВИ были прибавлены баллы ЕГЭ (по каким предметам), и являлось ли это действие исключением из правил?

Обучение в ВУЗе и первая сессия. Далее информация в силу конфликтности ситуации во многом является неverified информацией. Постараемся использовать ее минимально, по возможности апеллируя к официальным источникам. Кроме того, скорость событий, реакций на них и последующих обсуждений стала нарастать. Остановимся на ключевых событиях образовательной траектории студентки.

Посещаемость учебных занятий А. Тепляковой (до 8 сентября) была минимальной, при этом сначала ее отец настаивал на своем очном присутствии*. Противоречивая информация об освоении дисциплины «иностранный язык»: родители настаивали на изучении китайского языка (?), отказавшись от изучения английского с начального уровня (напомним, что Алиса в средней школе иностранный язык «пропустила»)*.

В интернете приводилась первая страница распоряжения проректора МГУ об утверждении индивидуального плана обучения А. Тепляковой (без приложения, в котором детализировались конкретные условия - посещаемость, форма (в т.ч. комиссия) и сроки сдачи экзаменов; допуск к ним...)*. Видимо, формирование такого плана для первокурсника-«платника» с самого начала обучения тоже является исключением из общих правил.

Первый экзамен «Русский язык и культуру речи» был сдан на «удовлетворительно». При этом остается неясным осуществлялся ли промежуточный контроль по этому предмету? Если да, то в какой форме (без очного присутствия студентки; письменно/устно)? Это же

касается собственно экзамена.

Сдача экзамена по предмету «Введение в психологию» специально созданной комиссии вызвала конфликт отца студентки и преподавателей. Комиссия посчитала знания студентки «фрагментарными» (с чем позднее публично полемизировала мать Алисы) и поставила оценку «неудовлетворительно»*. В интернете стало распространяться видео физической борьбы отца (протестовавшего якобы против письменной процедуры экзамена и «незаконного удержания несовершеннолетнего ребенка»* с охраной факультета психологии МГУ⁶. Пресс-служба факультета психологии МГУ опубликовала развернутый комментарий, отметив, что «...коллектив факультета психологии считает неприемлемыми неадекватные действия, в том числе любого рода давление на преподавателей и распространение информации клеветнического характера в адрес Московского университета, его сотрудников и студентов со стороны Теплякова Е. В. и рассчитывает на скорейшую правовую оценку его действий». Там же была выражена надежда, что «общими усилиями ситуация изменится в конструктивную сторону и будет способствовать гармоничному, соответствующему возрастным и индивидуальным особенностям, счастливому развитию Алисы» [Факультет психологии высказался..., 2021].

На экзамен по «Анатомии центральной нервной системы» студентка не явилась, несмотря на ожидавшую ее экзаменационную комиссию.

Далее последовало открытое обращение А. Г. Асмолова⁷ в три адреса⁸, в котором обучение А. Тепляковой в МГУ было названо «не апробированным социально-психологическим экспериментом», который в интересах ребенка необходимо прекратить [Председателю совета по развитию..., 2021]. Позднее оно было дополнено его интервью на «Ра-

6 На 14.01.2022 по запросу «Теплякова экзамен по Введению в специальность в МГУ» поисковая машина Яндексa выдает 11 млн результатов.

7 доктор психологических наук, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор-исследователь НИУ ВШЭ, директор Школы антропологии будущего Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель Экспертно-стратегического совета и научный руководитель Благотворительного фонда «Вклад в будущее», заслуженный профессор Московского университета, вице-президент Российского психологического общества, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

8 Председателю Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ В.А. Фадееву; уполномоченному по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой и уполномоченному по правам ребенка при Президенте РФ М.А. Львовой – Беловой.

дио России», в котором аргументировалась заявленная позиция, с предложением индивидуализировать образовательную траекторию Алисы, например, за счет посещения Школы юного психолога. Более того, позднее в общем плане он выразил мнение, что «подобные ситуации не будут разрешены, если не будет расширено вариативное развивающее смысловое дошкольное и школьное образование, поддерживающее индивидуальный прогресс развития личности каждого ребенка» [Ситуация с 9-летней Алисой..., 2022].

Детский омбудсмен оперативно отреагировала на обращение. Она подчеркнула, что законные представители (т.е. родители – В.С.) имеют преимущественное право в решении вопросов своих детей, а также призвала дополнить договор о платном обучении индивидуальным учебным планом студентки, заметив, что «органы опеки и попечительства по месту жительства А. Тепляковой не видят сегодня угрозы жизни и здоровью ребенка» [Детский омбудсмен вмешалась..., 2021]. Отметим, что, видимо, такой план существовал с начала обучения А. Тепляковой.

Между тем стали высказываться экспертные оценки представителей педагогического сообщества вне МГУ. Так, К. А. Ямбург⁹ признал, что «родитель, к сожалению, имеет право морально калечить своих детей...», выразив надежду, что МГУ скорректирует свой устав и больше не будет принимать детей младше 15 лет [Колодонова, 2021].

Л.А. Кацва¹⁰ выразил еще более радикальное мнение, предложив изолировать Алису от отца и вернуть в начальную школу [Известный учитель предложил..., 2021].

Ректор МГУ В. Садовничий в своем последовавшем интервью признал ситуацию непростой, уникальным случаем (для психологов) и призвал «проявлять крайнюю осторожность и внимание к девочке...но все же...наш студент должен быть взрослым» [Садовничий: к обучению Алисы..., 2022].

Ситуация с обучением Алисы на 14.02.2022 остается неопределенной. Перевод московских студентов на дистанционное обучение только добавляет неопределенности.

Выводы. Сложившаяся неоднозначная и активно обсуждаемая в интернете ситуация с обучением несовершеннолетней студентки в ВУЗе высветила ряд «лакун» в организации российского среднего и высшего образования.

Отец несовершеннолетнего ребенка, взявший на себя роль домашнего учителя, в условиях пандемии COVID-19 стал «творчески» подхо-

9 заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук, академик РАО, директор Центра образования № 109 (Москва).

10 российский педагог московской школы № 1543, автор учебников и пособий по истории России.

дять к интерпретации ФГОСа среднего общего образования, ускоряя обучение дочери и «пропуская» некоторые учебные предметы. Этот кейс мог стать стимулом для корректировки закона об образовании, но пока версия его обновления, касающегося различных форм такого образования [Федеральный закон от 29.12.2012..., 2022], является достаточно косметической.

О выражаемых надеждах оперативной корректировки уставных документов ВУЗов, подразумевающих повышение нижнего возрастного предела абитуриентов, пока ничего неизвестно.

Обозначение в публичной сфере рассмотренного кейса как «социально-психологического эксперимента», с одной стороны, позволяет не усиливать конфликтность задействованных акторов. Но в то же время его применение к сложившейся ситуации дискредитирует в глазах общественного мнения само понятие «эксперимента» в социальных науках.

По-видимому, нуждается в уточнении применительно к образовательной сфере, в т.ч. в отношении несовершеннолетних ФЗ «О персональных данных», обозначая пределы конфиденциальности личной информации об успеваемости / результатах аттестаций (несовершеннолетних) школьников и студентов.

Далее. При использовании дистанционной формы итоговых аттестаций – в школах и/или ВУЗах – встает серьезная проблема разработки и внедрения программного обеспечения прокторинга (контроля над ситуацией тестирования).

Наконец, в широком обсуждении нуждается идея об индивидуальной траектории обучения от детского сада до ВУЗа: пределы вариативности; ответственность сторон; разрешения конфликтных ситуаций; акторы; присваиваемая квалификация в аттестате/дипломе; соотношение со стандартами обучения и т.п.

Наконец, отметим различный «вес» ключевых акторов российского среднего и высшего образования. Из предпринятого анализа отдельно, но очень яркого кейса складывается впечатление, что роль акторов (учителей/преподавателей), непосредственно взаимодействующих со школьником/студентом минимальна. Принятие ключевых решений (выдача аттестата о среднем образовании, условия приема в ВУЗ) осуществляется акторами, обладающими большим должностным/административным «весом». В то же время при возникновении конфликтной ситуации происходит обращение лидеров общественного мнения (ЛОМов) к внеобразовательным социальным институтам или высказывание ими экспертного мнения общественности через средства массовой коммуникации. Последнее дополняется комментариями быстро

меняющейся ситуации со стороны пресс-службы образовательной ин- ституции.

Литература:

Федеральный Закон № 152 от 27.07.2006 г. «О персональных данных» URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 10.01.2022).

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/affd388ac5d286d2ddbd5a1fc91c0d9b0bc06984/ (дата обращения: 4.02.2022).

Детский омбудсмен вмешалась в скандал в МГУ из-за 9-летней Тепляковой. URL: <https://news.rambler.ru/community/47834963-detskiy-ombuds-men-vmeshalas-v-skandal-v-mgu-iz-za-devyatiletney-teplyakovoy/> (дата обращения: 4.02.2022).

Известный учитель предложил изолировать Теплякову от отца и вернуть в школу. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/28/alisa/> (дата обращения: 11.02.2022).

Колодонова В. «Родитель, к сожалению, имеет право морально калечить своих детей». URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20211227-roditel-k-sozaleniyu-imeet-pravo-mora> (дата обращения: 11.02.2022).

Назван результат экзамена в МГУ сдавшей ЕГЭ восьмилетней Алисы. URL; <https://www.mk.ru/social/2021/07/28/nazvan-rezultat-ekzame-na-v-mgu-sdavshhey-ege-vosmiletney-alisy.html> (дата обращения: 6.01.2022).

Объявлены изменения порядка проведения ЕГЭ и государственной итоговой аттестации выпускников 9-х и 11-х классов в 2021 году. 25 декабря 2020. URL: <https://edu.gov.ru/press/3285/obyavleny-izmeneniya-poryadka-provedeniya-ege-i-gosudarstvennoy-itogovoy-attestacii-vypusknikov-9-i-11-klassov-v-2021-godu/> (дата обращения: 7.01.2022).

Председателю совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ ... URL: https://t.me/rian_ru/136686 (дата обращения: 4.02.2022).

Прием на факультет психологии МГУ в 2021 году (а). URL: http://psy.msu.ru/educat/dnevn/entrance/2021/results_bio_dvi_2021-07-14-19.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

Прием на факультет психологии МГУ в 2021 году (б). URL: <http://psy.msu.ru/educat/dnevn/entrance2021.html> (дата обращения: 14.01.2022).

Приказ Министерства просвещения РФ от 22 марта 2021 г. № 115 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/>

doc/400563548/ (дата обращения: 7.01.2022).

Приказ Минобрнауки РФ от 17.05.2012 N 413. Об утверждении Федерального государственного Образовательного стандарта среднего общего образования (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 29.12.2014 N 1645, ... , от 24.09.2020 N 519, от 11.12.2020 N 712) URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387057#h415> (дата обращения: 11.01.2022).

Реестр Рекордов России. URL: <https://reestrrekordov.ru/?s=%D0%A2%D0%B5%D0%BF%D0%B%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (Дата обращения: 7.01.2022).

Садовничий: к обучению Алисы Тепляковой нужно подходить с осторожностью. URL: <https://rg.ru/2022/01/18/sadovnichij-k-obucheniiu-alisy-teplyakovoj-nuzhno-podhodit-s-ostorozhnosti.html> (дата обращения: 4.02.2022).

Ситуация с 9-летней Алисой Тепляковой вновь привлекла внимание общественности // Вести образования. 21.01.2022. URL: https://vogazeta.ru/articles/2022/1/21/CHto_proiskhodit/19042-situatsiya_s_9_letney_studentkoy_mgu_alisoy_teplyakovoy_vnov_privlekla_vnimanie_obschestvennosti (дата обращения: 11.02.2022).

Факультет психологии МГУ высказался о «беспрецедентной ситуации» на экзамене 9-летней девочки. URL: <https://psy.su/feed/9695/> (дата обращения: 4.02.2022).

Шутько А. Алиса Теплякова вундеркинд сдала ЕГЭ. URL: <https://anticwar.ru/alisa-teplyakova-vunderkind-sdala-ege> (дата обращения: 6.01.2022).

Интеллигентность в практиках заботы: по материалам интервью с социальными работниками¹

В.Н. Ярская-Смирнова

доктор философских наук, профессор Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (г. Саратов)

Е.Р. Ярская

доктор социологических наук, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Подлинно интеллигентный человек, говорит Дмитрий Лихачев в «Письмах о добром и прекрасном», может «понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а поняв <...> помочь ему, не проявит грубости, равнодушия, злорадства, зависти <...> проявит уважение к культуре прошлого <...> ответственность в решении нравственных вопросов» [Лихачев, 2006: 35-36]. В этой статье мы покажем, что понимаемая так интеллигентность является ключевой характеристикой помогающих профессий на примере социальной работы. В нашей статье мы раскрываем эту способность при помощи понятий эмоционального и социального интеллекта. Однако, эти качества не должны приниматься по умолчанию. Их формирование является не только теоретической, но по большей части практической задачей, которую решают в своей трудовой рутине работники социальных служб в российских регионах. Исследование построено на данных интервью, собранных в 2021 г., с социальными работниками в Казани, Томске и Саратове (n=15). В нарративах наших собеседников звучат лейтмотивы о роли эмоциональной работы, терпении и понимании, проблемах границ и баланса с ростом рисков и нестабильности в период пандемии.

Эмоциональный и социокультурный интеллект как основа построения отношений в социальной работе

В социальной работе и – в более широком смысле – институционализированной социальной заботе ключевую роль играют

¹ При поддержке РНФ, грант № 18-18-00321

особые компетенции, в том числе, способность выстраивать отношения с получателями услуг, коллегами, родственниками клиентов и другими акторами сети поддержки и использовать эти отношения для удовлетворения потребностей пользователей. Этот навык задействует так называемый эмоциональный интеллект, т.е. умение распознавать эмоции в себе и других, понимать, как работают эмоции, управлять ими. Такие умения востребованы как в терапевтических форматах социальной заботы, так и в профилактике, в процессах оценки, переговоров и мониторинга [Morrison, 2007]. Работники, обладающие эмоциональным интеллектом, способные постоянно развивать его, более успешно строят отношения, договариваются и сотрудничают, менее подвержены стрессам и выгоранию. Кроме эмоционального, в литературе выделяют социальный или социокультурный интеллект, или социокультурную компетентность – способность взаимодействовать с людьми, стремясь к пониманию их чувств, мыслей и поведения с учетом культурного и внутригруппового разнообразия и межкультурного взаимодействия [Edwards, 2016].

Упомянутые компетенции созвучны этическим принципам профессии. Глобальные этические принципы социальной работы, принятые Международной федерацией социальных работников летом 2018 г., затрагивают вопросы границ во взаимоотношениях с клиентами [Global Social Work..., 2018]. Уважение к людям, признание достоинства и ценности каждого человека выражается в установках, словах и поступках социальных работников. При этом, однако, убеждения и поступки тех, кто не ценит или стигматизирует самих себя или других людей, подлежат критике [п. 1]. От социальных работников ожидается также критика угнетающих и несправедливых структур политики и практики, направляемая в адрес работодателей, чиновников, политиков и общественной ситуации в целом, причем социальных работников нельзя за это уволить [п. 3.4]. Социальные работники должны осознавать, что есть ситуации, которые могут угрожать их безопасности, и делать осознанный выбор в таких условиях. Они не обязаны навлекать на себя риски [п. 3.4]. Социальные работники уважают и продвигают права людей на их собственный выбор и решения, при условии, что это не нарушает права и не вредит интересам других людей [п. 4], стремятся к повышению самооценки и расширению возможностей людей, отстаивая их полное участие во всех аспектах решений и действий, которые затрагивают их жизни [п. 5].

Социальные работники должны действовать целостно. Это подразумевает не нарушать их позиции власти и отношений доверия с людьми, с которыми они взаимодействуют. Они признают границы

между личной и профессиональной жизнью и не злоупотребляют их полномочиями ради личной материальной выгоды [п. 9.4]. Работники признают, что они подотчетны по своим действиям к людям, с которыми они работают, с их работодателями, их профессиональными ассоциациями, местными, национальными и международным законодательством и конвенциями, теми подотчетностями, с которыми они могут конфликтовать, которые должны быть оговорены, чтобы минимизировать вред всем людям. Решения должны руководствоваться эмпирическими доказательствами, практической мудростью, а также этическими, нормативно-правовыми и культурными соображениями [п. 9.7].

В исследовании мы поставили вопрос о том, как социальные работники используют и укрепляют свой эмоциональный и социокультурный интеллект в выстраивании отношений и границ в профессиональной практике заботы. Анализируя интервью, мы принимаем в расчет чувствительность темы и реактивность поля, влияющие на характер полученных данных. В разговоре о рисках, возникающих в практике его работы, один из информантов сформулировал свою озабоченность следующим образом: «Ну конкретно какой-то пример сказать – это будет неправильно и некультурно, это же мое личное мнение» [Интервью 1]. Это высказывание, с одной стороны, указывает на качества интеллигентности – такт и взвешенность суждений, а с другой стороны, может интерпретироваться как нерелевантность практики.

Отношения между работниками и клиентами чреваты рисками властного дисбаланса, поэтому здесь складываются гласные и негласные регламенты, которые, в зависимости от степени институционализации практик распознаются как стандарты и рекомендации на уровне профессиональных объединений и организаций или же передаются изустно на низовом уровне, среди работников, и могут разделяться и поддерживаться администрацией сервисов, по-прежнему оставаясь неофициальными договоренностями. В такого рода отношениях возникает множество дилемм, причем ситуация усложняется в тех странах, где социальная работа и система надомных услуг по уходу развиваются не так давно. Работники не всегда имеют специализированную подготовку в области психотерапии или иных компетенций профессионализированной заботы, и социализация в практику работы во многих случаях происходит, минуя формальные структуры обмена знанием. Правила поведения и процедур в таких случаях не стандартизированы и не всегда рефлексированы, а вырабатываются в процессах рутинизации трудовых практик,

развивающихся из построения отношений с людьми и включенности в их проблемы. Эти практики сопряжены с эмоциональной работой в сфере заботы, однако они вызывают проблемы доверия и дисбаланса запросов клиентов и возможностей работников. Нас интересует, что делают практики, чтобы устанавливать границы, поддерживая собственное благополучие вместе с благополучием клиентов.

Разговор об управлении этими проблемными ситуациями задействует множество пространственных метафор: дистанция, безопасное расстояние, ограничения, барьеры, рамки, причем главным тезисом традиционно выступает идея о жесткости границ. Его истоки – в конвенциях медицинской профессии о разделении врача и пациента как залого научной рациональности и объективности [Cooper, 2012]. Феминистская этика заботы, критический и постструктуралистский пересмотр властных отношений в практике помогающих специалистов выносят на свет творческий подход к границам, которые представляются пористыми, гибкими, интерсубъективными, а отношения – партисипаторными и инклюзивными [O’Leary et al., 2012], причем характеризуются с помощью темпоральных метафор: динамика, изменения, текучесть.

Свойства символических границ

Границы могут быть жесткими и текучими, они постоянно пересматриваются, ощущаются и деформируются – как ввиду колебаний нагрузки, так и по причине непредсказуемых и слабо поддающихся управлению отношений с некоторыми клиентами. Правила и границы обсуждаются при первом знакомстве с клиентом: «Я, когда прихожу знакомиться к новому человеку, сразу оговариваю, что это моя работа. И здесь есть правила. И если эти правила нарушаются, то мы прощаемся. Для этого есть договор, и, если я его нарушу, меня отругают.... Иногда просят ночью прийти. ... Есть договор, она может рассчитывать на то, что, если вдруг ей плохо станет, я, конечно, прибегу. У меня были такие случаи, когда звонили подопечные и говорили, что им плохо. Поэтому бежишь к ним» [Интервью 4]. С ночными вызовами в разных службах поступают по-разному. Некоторые руководители решительно снимают эту проблему: «мы озвучиваем, что если вы будете нам звонить ночью, то мы больше к вам не приедем. Человек продолжает звонить... Сразу просто отказ. Мы уже быстро считываем это все, все понятно в первую секунду. Если человек не понимает правила нашей игры, то...» [Интервью 5].

В некоторых организациях работники проходят подготовку, имеют возможность обсудить и достичь договоренностей о своих правах и ограничениях с начальством, тогда как в других случаях такие

регуляции остаются делом конкретного работника. Наша собеседница рассказывает о том, как она сама пришла к пониманию наиболее сложных случаев в своей практике: «конечно, [с теми, у кого болезнь] Альцгеймера, очень тяжело работать. Они же не понимают до конца, бывают периоды обострения. Когда приносишь пакет с продуктами, и тебе говорят, что из твоих поганых рук мне ничего не надо... но я же понимаю, что она не понимает, что говорит. Если раньше я пыталась что-то объяснить и спокойно разговаривать, то со временем поняла, что с такими клиентами лучше не разговаривать и продолжать делать свою работу. Они потом успокаиваются. Но это, опять же, приходит с опытом. Нас никто этому не обучает, но я вот поняла, что с такими людьми лучше лишний раз промолчать. Продолжать делать свою работу и молчать» [Интервью 2]. С опытом эмоциональный и социальный интеллект работника растет, а чувство ответственности порой делает границы упругими, и в случаях, когда оставаться невозможно, а уйти – рискованно, работники предпринимают тактику «уходя, ждешь под дверью», чтобы удостовериться, что все в порядке; вызывать подкрепление или смену в лице родственников: «раньше, когда ей не хотелось, чтобы я уходила домой, [клиентка] могла упасть на пол, как маленький ребенок, и бить ногами об пол, закатывать истерику, чтобы я оставалась как можно дольше с ней, вот такое было. ... я звоню родственникам, спрашиваю, что мне делать, они мне говорят – спокойно закрывать ее и уходить, ну я спокойно не уйду, конечно, я выхожу, закрываю дверь, жду, когда она успокоится, и потом только уйду, потому что я переживаю...» [Интервью 2].

Нашей информантке удалось интуитивно нащупать приемы упорядочения растущего хаоса в отношениях и в жизни своих подопечных: «она говорит - вот ты уйдешь, а что же я буду делать без тебя? – я предложила ей писать [заметки о передачах по ТВ], теперь она все записывает, кто был в передаче, про что говорили... и если я прихожу, она берет этот листочек и мне рассказывает. Я считаю, что это положительно влияет на ее состояние» [Интервью 2]. Поскольку женщина принимает лекарственные препараты, работница предложила «разлиновать тетрадочку, записывать, в какое время она пьет это лекарство», ставить будильник, чтобы принимать вовремя: «Ну, это вот то, что я придумала, - это работает» [Интервью 2].

Обходительная твердость профессиональных границ для некоторых специалистов социальных сервисов кристаллизуется в четкую и понятную формулу: «бывает такое да, что пациенты приходят и начинают требовать того, что они не смогут получить в стенах нашего заведения <...> в таких случаях мы направляем их в соответствующие

органы, консультируем, успокаиваем прежде всего, конечно <...> даже если человек, допустим находится в каком-то эмоциональном таком состоянии, агрессии, мы все научены и все знаем, что никогда мы не ответим такой же реакцией на реакцию пациента, потому что мы профессионалы и просто не имеем на это права. Спокойно выслушаем, дадим совет, и человек найдет решение своего вопроса в другой компетенции, в другой отрасли, если это не касается нашей компетенции» [Интервью 3].

Границы становились материальными, они обретали физические измерения, и тем сильнее была роль эмоционального интеллекта работников: «Мои отношения с ними всегда теплые. Пандемия не внесла изменения в эту сферу. Я старалась, чтобы пандемия вообще не отражалась на их жизни. Я старалась объяснять, что это просто небольшие трудности. Нужно просто пережить. Поэтому я пока не могу зайти к вам на кухню. Или пройти в зал, как раньше... Главное – объяснять все и улыбаться, сохранять спокойствие. Самое главное – поддержка и добрые, теплые слова. Конечно, когда сняли ограничения, все стало лучше. Бабушка могла передвигаться из комнаты в комнату, а я уже стояла в коридоре, то есть мы сохраняли дистанцию, но при этом могли нормально общаться» [Интервью 4].

Близость, в том числе и телесная, в некоторых случаях росла в ответ на потребности людей, остро ощутивших одиночество в период изоляции: «Я стараюсь держать эмоционально ровные отношения с подопечными. У меня есть одна бабушка. Ей очень важны объятия. Когда я прихожу, она говорит, что: «Я тебя буду обнимать». А пандемия лишает такой возможности. Но когда я приходила, она дотрагивалась [до меня] и говорила, что теперь хоть жить хочется. Но в пандемию приходилось обнимать только морально» [Интервью 4].

Физические и эмоциональные границы в пандемию буквально вибрируют, то расширяясь, то сужаясь. Период пандемии провоцирует депрессию и панические настроения, повышает хрупкость доверия клиентов к социальным работникам. В нарративах высвечиваются эмоциональные переживания, панические состояния, обвинительные модальности, с которыми приходится сталкиваться работникам: «у этих бабушек началась паника: «Не приходите ко мне, ничего мне не приносите, ничего мне не давайте», и негатив тоже был, потому что бабушка эта с утра поехала там куда-нибудь, да, допустим, в поликлинику, общалась там с пятью старушками в очереди, а потом заболела... Ну, пандемия, да? А потом: «Вот, соцработник ко мне ходит, вот, меня и заразили соцработники». Вот такое тоже, бывало такое» [Интервью 6]. Но и то, что пандемия повысила риски здоровью и жизни

социальных работников, - известный во всем мире факт [см. напр. Ashcroft et al., 2021]. И в увеличении этих рисков играет роль пористость границ между работниками и получателями услуг: «у нее температура была под сорок, и сил у нее не было.... И когда я на следующий день пришла, я принесла ей бульон куриный, чтобы хотя бы она что-то поела, из дома. <...> И вызвала еще раз врача. [И потом] мне сообщили, что у нее тест положительный, что ее забирают в больницу» [Интервью 2].

Рамки гибкости

В полевых ситуациях, в доме у подопечного интеллектуальный и социальный интеллект, интеллигентность, творческий подход к жизни социальным работникам жизненно необходим. Наши собеседники рассказывают об индивидуальном подходе, юморе, которые помогают соблюдать баланс между и благополучием клиента, с одной стороны, и собственным благополучием, с другой: «С каждым надо знать, можно ли пошутить. Индивидуальный подход. Но и шутка должна быть в рамках. Даже есть различия в одежде. Я к кому-то могу в платье прийти, а к кому-то только в костюме поостроже плюс защитный халат. Есть у меня и бахилы, и шапочка, перчатки, маска» [Интервью 4]. Прозвучавший в нарративе сюжет со сменой образа, переодеванием – символический ресурс, свидетельствующий о высоком эмоциональном и социокультурном интеллекте рассказчицы, позволяющий строить и укреплять отношения, достигать понимания.

И с такими установками подопечных, по словам нашей информантки, ей приходилось работать все чаще. Справиться со своими задачами ей помогает юмор и взаимопонимание с клиентами: «Я им постоянно говорю одну поговорку: «Главное до ста лет дожить, там будет проще» [смеется]. С одной стороны, они понимают, что это работа, а с другой – я стараюсь человечно относиться. А один мужчина просил, чтобы я нашла ему невесту. Ему, кстати, 90 лет. Я ему говорила, что мы не брачное агентство и этого сделать не сможем... Он тогда стал шутить, что я к нему тогда перееду жить. Говорит, вот закончится пандемия, вернешься к детям. А [сейчас] я тебя буду кормить, будет отдельная комната. А ты мне будешь рассказывать истории. Это все шуточки, конечно, были. Я ему сказала: «Ну что вы. У меня же дети». А он мне: «Так я же у тебя самый главный [ребенок]». Посмеялись, как говорится, и все» [Интервью 4].

Наши информанты – социальные работники и волонтеры социальных сервисов, ухаживающие за пожилыми людьми, – рассказывают о границах и уязвимости своих подопечных, которая следует из дисбаланса власти. Лейтмотивы интервью – это терпение и сочувствие к слабым, одиноким подопечным: «... это чаще всего люди,

которые были без родственников, без поддержки со стороны, часто без документов без всяких. Ну вот, такие брошенные, можно сказать» [Интервью 6].

В процессе переопределения границ у работников складываются повседневные символические классификации клиентов на достойных – заслуженных, уважаемых, но скромных и спокойных; и не столь достойных – тех, которым все должны, истеричных, «энергетических вампиров», «тех, которые злоупотребляют» [Интервью 1]. В некоторых интервью нам рассказывали о людях, оказавшихся на дне, утративших все связи и ресурсы, но «возомнивших о себе», обретя статус пациента: «у него семья есть, но они потеряли уже родственные отношения, то есть вообще никак не общаются, друзей тоже нету. И вот его нашли на полу, значит, в плохом состоянии, он, ну, можно так сказать, ходил под себя и все такое прочее, не ел несколько дней. Сообщают, значит, нам, мы выехали, госпитализировали его, забрали, положили и теперь он в себя поверил, то есть теперь он: «Все! Государство мне должно!» «вот эти, которых поднимешь с пола где-нибудь, да, возвысишь до койки медицинского учреждения, и они там начинают вот из себя вот, требовать все» [Интервью 6]. Так перед нами возникает картина нисходящей моральной карьеры человека, который вел «беспутную жизнь», мало работал, но в одночасье «был возвышен» всемогущей дланью государства. Статус обитателя медицинской койки означает стремительный социальный взлет, однако, возникают ролевые конфликты.

И все же, многие клиенты, по словам наших информантов, «необыкновенные», «интересные» люди, в связи с чем социальные работники могут прощать их нестандартные запросы. Получатели услуг заслуживают уважения, им можно простить их особенности: «Я вот иногда смотрю на них и думаю, что я, права буду качать? Может, я вижу его последний раз... А он такой интересный» [Интервью 7]. В опыт своих подопечных работники порой вглядываются, как в гипертрофированное зеркало: «Девчонки говорят, как ты с ней общаешься? А она много интересного знает, и она 12 лет ухаживала за лежащей матерью. Это адское терпение надо. Она ее, как плеть, носила, надорвалась с ней. А мать ее била и не любила, а она за ней ухаживала - и как к ней можно относиться плохо... Ну, сложная она, да» [Интервью 7]. В этом нарративе на одной чаше весов – сложный, придиричивый характер пожилой женщины, но эта особенность видится рассказчице пушинкой по сравнению с моральным весом оплаченного клиенткой дочернего долга.

Забота о себе

Как же нашим информантам удастся сохранить собственное благополучие, что они делают, чтобы позаботиться о себе? «Я перезагружаюсь, – рассказывает сотрудница КСЦОН. – Я себе дала слово домой приходить не думать вот об этих ситуациях... Читаю, с ребенком много гуляю, а потом ночью просыпаюсь и пишу дневник [Смеется]. ... я со стороны как бы себя вижу тогда ... и понимаю, что сделала так, что сделала не так» [Интервью 6]. Перезагрузка, как переключение на другие дела и отдых с ребенком, сменяется ночными бдениями с дневником, который наша собеседница рассматривает как часть рефлексии своей практики. Другая информантка применяет термин «закрыться в своей раковине», но это ей удается с трудом. Лавируя между функциями заботы в публичном и приватном пространствах своей жизни, она старается хотя бы на один день прятаться от всех: «чтобы потом все хорошо, нормально было. Я могу рутинными домашними делами заниматься. Но не слушать, главное, ничего. Мне за неделю так хватает телефонных звонков подопечных, что я могу не брать трубку в выходные. Потом я к маме захожу, выслушаю, что там Мясников – этот доктор на Первом канале сказал. Приходится слушать, а мне иногда спрятаться [хочется]. А потом понедельник – расходишься как-то...» [Интервью 7].

Этические вызовы социальным работникам, появившиеся и осмысленные в эпоху пандемии COVID-19, обобщены в международном исследовании в 2020 г. [Ethical Challenges... 2020], в результате чего выявлены шесть ключевых тем. Среди них – баланс прав, потребностей и рисков пользователя услуг, с одной стороны, и личных рисков социальных работников и других, чтобы предоставить услуги максимально качественно; признавать и иметь дело с эмоциями, усталостью и потребностью в заботе о себе, работая в небезопасных и стрессовых условиях; делать приоритетом потребности и запросы пользователей, которые растут и становятся более разнообразными из-за пандемии, хотя ресурсы при этом уменьшаются или вообще становятся недоступными, и полное обследование нужд часто невозможно. Один из выводов касается гибкости: решать, следовать ли принятым национальным или организационным правилам, процедурам или руководствам [существующим или новым] или использовать профессиональное усмотрение в условиях, когда существующие правила кажутся неподходящими, запутанными или недостаточными. Но главным остается созидание и поддержание доверительных и эмпатийных – пусть опосредованных и с использованием средств индивидуальной защиты – отношений с пользователями услуг.

В нашем исследовании мы рассмотрели характер взаимоотношений, складывающихся между социальными работниками и их клиентами – пожилыми людьми, в особенности, нас интересовало то, как социальные работники реагируют на вызовы и изменения, которые возникли или усилились в эпоху пандемии, как формируют и укрепляют качества эмоционального и социального интеллекта, интеллигентность своей профессиональной практики. В своей повседневной деятельности они пытаются выстраивать, пересматривать, переопределять и осмысливать границы в отношениях с клиентами. Лейтмотивы интервью – это сочувствие и терпение, причем в случаях, когда оставаться невозможно, а уйти – рискованно, работники предпринимают тактику «уходя, ждать под дверью», чтобы удостовериться, что все в порядке; вызывать подкрепление или смену в лице родственников. Одни обращаются к творчеству и юмору для балансировки и гибкости границ, другие используют возможность «закрыться в своей раковине», лавируя между функциями заботы в публичном и приватном пространствах своей жизни.

В некоторых ситуациях единственным решением становится выход из общения, закрытие и кристаллизация границ. Эти и другие техники совладания с вызовами, нестандартными запросами получателей услуг, неуправляемыми и нестабильными в эмоциональном плане клиентами помогают работникам установить или реконструировать, усилить или нащупать границы внутри собственной жизни. Близость, в том числе и телесная, в некоторых случаях растет в ответ на потребности людей, остро ощутивших одиночество в период изоляции. Одновременно вырастают и риски. И хотя ценность безопасности увеличивается, но с появлением новых запретов обнаруживаются и обходные пути. Во многих случаях правила не формализованы – соответствующие решения принимаются на каждом уровне индивидуально.

Пространственные метафоры в разговорах об отношениях в социальной работе переплетаются с темпоральными, границы становятся текучими, дистанции изменчивыми, но эти изменения обрамляются рефлексивными условиями. Развивая в себе способность к пониманию, восприятию, терпимое отношение к миру и к людям, социальные работники выполняют «главный социальный долг человека — быть интеллигентным» [Лихачев, 2006: 37]. Отсутствие у многих из них высшего образования не является здесь барьером. Интеллигентность, понимаемая как способность к пониманию, к восприятию, как «терпимое отношение к миру и к людям» [там же] является ключевой характеристикой идеального образа социальной

работы. То, как эти идеалы воплощаются на практике, что препятствует, а какие условия помогают сформировать нужные качества, - ответы на эти и другие вопросы лишь намечены в данной статье, требуя дальнейшего обсуждения.

Литература:

- Лихачев Д. Письма о добром и прекрасном. М., СПб: Наука, Логос, 2006.
- Ashcroft R., Sur D., Greenblatt A., Donahue P. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Social Workers at the Frontline: A Survey of Canadian Social Workers // *The British Journal of Social Work*, 1-23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcab158>
- Cooper F. Professional Boundaries in Social Work and Social Care: A Practical Guide to Understanding, Maintaining and Managing your Professional Boundaries. Jessica Kingsley Publishers, 2012.
- Edwards J.B. Cultural Intelligence for Clinical Social Work Practice // *Clinical Social Work Journal*. 2016 44: 211-220.
- Ethical Challenges for Social Workers During Covid-19: a Global Perspective [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.ifsw.org/ethical-challenges-for-social-workers-during-covid-19-a-global-perspective>
- Global Social Work Statement of Ethical Principles // IFSW. July 2, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.ifsw.org/global-social-work-statement-of-ethical-principles/>
- Morrison T. Emotional Intelligence, Emotion and Social Work: Context, Characteristics, Complications and Contribution // *The British Journal of Social Work*, 37[2]: 245–263. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcl016>
- O'Leary, P., Tsui, M.-S., Ruch, G. [2012] The Boundaries of the Social Work Relationship Revisited: Towards a Connected, Inclusive and Dynamic Conceptualisation, *British Journal of Social Work* 43[1]:135-153, DOI: 10.1093/bjsw/bcr181

Полевые данные

- Интервью 1. Казань, волонтер НКО, м., 27 лет.
- Интервью 2. Саратов, социальный работник КСЦОН, ж., 42 года.
- Интервью 3. Казань, специалист по социальной работе муниципальной социальной службы, ж., 29 лет.
- Интервью 4. Саратов, социальный работник КСЦОН, ж., 37 лет.
- Интервью 5. Саратов, директор НКО, ж., 30 лет.
- Интервью 6. Томск, специалист по социальной работе КСЦОН, ж., 53 года.
- Интервью 7. Саратов социальный работник КСЦОН, ж., 55 лет.

Психологическая безопасность личности в контексте современных условий неопределенности

Г.А. Кузьмина

преподаватель Восточно-Сибирского института
МВД России (г. Иркутск)

В настоящее время человечество столкнулось с такой проблемой мирового масштаба как пандемия, которая повлекла за собой серьезные изменения не только в политической, социальной, экономической, культурной и религиозной сферах жизни общества, но и в жизни каждого конкретного человека. В основу этих изменений положена глобальная неопределенность, характеризующаяся полным или частичным отсутствием информации о возможных состояниях тех или иных систем и/или окружающей их внешней среды [Орлова, 2010: 44]. Человек, находящийся под длительным воздействием неопределенности (в данном случае усиленной глобальным влиянием пандемии) из-за вызванных ею состояний и ощущений, таких как стресс, фрустрация, тревожность, страх, растерянность и прочее, теряет ощущение психологической безопасности, которое в значительной степени важно не только для адекватного удовлетворения его потребностей, включая базовые, но и максимально необходимо для полноценной социальной адаптации к окружающей действительности.

Очевидно, что без процессов социальной адаптации, самореализации и самоактуализации невозможно формирование и развитие гармоничной и здравомыслящей личности, особенно, если речь идет об интеллигенции, как о творческих, глубоко мыслящих людях, отличающихся высоким уровнем социально-психологической рефлексии, критическим способом мышления, способностями к трансляции образования и культуры в обществе, а также обладающих высокими духовно-нравственными устремлениями [Будучев, 2019: 148]. В свою очередь, данные процессы практически невозможны без формирования, развития и сохранения ощущения психологической безопасности, которая представляет собой совокупность динамического баланса характеристик внешней среды, социального окружения,

субъективного мироощущения и самосознания, само-понимания личности [Смык, 2021: 52].

Для того, чтобы подробно разобраться в данной проблеме, необходимо проанализировать, соотношение понятий «социальная адаптация», «самореализация», «самоактуализация» и «психологическая безопасность» личности, как они транслируются и интерпретируются в современных условиях сложившейся неопределенности. Понятие «социальная адаптация» принято рассматривать с нескольких позиций. Первая раскрывает сущность социальной адаптации как процесса приспособления человека к взаимодействию с той или иной социальной группой, социальным окружением, в ходе которого происходит «калибровка» своего поведения и сопоставление его с теми нормами и требованиями социальной среды, которые представлены в данном, конкретном обществе [Ростовцева, 2012: 289]. В этом случае адаптация происходит естественным путем, на границе сознания и бессознательного, начиная с рождения человека и вхождения его в общество. Такая адаптация может служить прочным базисом для формирования адекватного ощущения психологической безопасности, а также как фоновый процесс, закладывающий «фундамент» будущих свершений, в т. ч. стремления к само-актуализации и самореализации.

Вторая позиция, с которой имеет смысл рассмотреть социальную адаптацию – это попытка человека контролировать стремительно развивающуюся и ежедневно меняющуюся действительность вокруг него. Речь идет не столько о частной стороне вопроса, сколько о глобальных социальных изменениях [Гюлджян, 2018: 136]. На протяжении всего существования человечества и тем более, в последнее время, темпы развития общества стремительно растут во всех направлениях – техническом, информационном, экономическом, политическом, экологическом и, конечно, социальном. На фоне этого возникает множество нововведений, зачастую порождающих массовые противоречия как общественного, так и внутри-личностного масштабов. Человек просто не успевает за нарастающим прогрессом и изменениями, не может подстроить свою жизнь под них. В связи с этим растет ощущение неопределенности, и, как следствие фрустрация, агрессия, неудовлетворенность собой и жизнью. Все это в значительной мере замедляет, а подчас и вовсе исключает возможность сохранения психологической безопасности, не говоря уже о само-актуализации или самореализации.

Третья позиция, с которой можно рассматривать социальную адаптацию – это актуальная и весьма специфическая стратегия поведения человека, как реакция на происходящие вокруг него измене-

ния. Здесь речь идет уже не о бессознательной и «поточковой», слабо контролируемой адаптации, а о вполне осознанном и регулируемом собственной волей процессе [Свечникова, 2019: 156]. Такая социальная адаптация к условиям неопределенности, при соответствующем уровне развития интеллектуальных, духовных и психофизиологических параметров, в наиболее полной мере способствует раскрытию внутренних ресурсов человека, его развитию, а, соответственно и ощущению психологической безопасности, что в свою очередь ведет к возможности успешной самореализации и само-актуализации.

Переходя к рассмотрению понятий «самоактуализация» и «самореализация», необходимо отметить, что на сегодняшний день в психологии и педагогике не существует однозначного и четкого их разделения. Так, согласно работам американских психологов, самореализация и самоактуализация являются терминами тождественными и предполагают в общем смысле стремление личности к развитию своих талантов и способностей. С позиции некоторых отечественных психологов, эти два понятия представляют процессы движения личности к новому в мире действительности [Расторгуева, 2017: 198]. Однако мы все же попытаемся разграничить два этих личностных феномена.

Термин «самоактуализация» включает в себя слово «актуализация», от которого и происходит. С латинского *actualis* – детальный – понятие, подразумевающее трансформацию возможностей в действительность [Реан, 2009: 305]. Иначе говоря, модификация чего-либо из потенциального состояния в состояние реальное, соответствующее современным условиям. Переходя к понятию самоактуализация, можно сделать вывод, что оно определяет стремление человека к определению своего потенциала, наиболее полному выявлению возможностей своей личности, своего «Я». Сам по себе термин «самоактуализация» относится к гуманистическому направлению психологии и транслирует необходимость стремления к постижению истинных ценностей и, как следствие, подлинной практической деятельности, как необходимый фактор развития человека [Шинкоренко, 2011: 190]. При этом, согласно данному подходу, самоактуализация не должна быть сугубо субъективным, эгоцентричным процессом. Она, в первую очередь, должна быть ориентирована на преобразование общества в целом, его социальных структур, а уже через это и должно осуществляться становление каждой конкретной личности.

Этимологической составляющей понятия «самореализация» является «реализация» – непосредственное воплощение. Согласно Д. Леонтьеву, сущность самореализации заключается в «опредмечивании»

потенциальных сил человека. По его мнению, данный процесс «может принимать форму созидания объектов материальной и духовной культуры или полагание себя в форме личностных вкладов в других людей» [Леонтьев, 1997: 158]. Самореализация личности представляет собой процесс анализа и осознанного принятия человеком своих сильных и слабых сторон, работу над ними с позиции достижения поставленных перед собою целей и задач, и возможна лишь на основе способности быть индивидуумом.

Таким образом, можно выявить некоторое отличие этих двух понятий. А именно, самоактуализация, помимо прочего, представляет собой направленность человека во-вне, способность к социально значимой деятельности, возможность внести вклад в культуру и других людей, в то время, как самореализация является более субъективным понятием, ориентированным на становление и развитие личности человека внутри себя. Соответственно, успех самоактуализации возможен на базе столь же успешной и продуктивной самореализации. Но также это может работать и в обратном направлении.

Роберто Ассаджолли (основатель психосинтеза), в своих работах применяет понятия само-актуализации и самореализации для характеристики двух социально-психологических процессов: первый – это повышение сознательности личности, второй – расширение границ сознания. По Ассаджолли, оба этих процесса, хоть и связаны между собой, но, тем не менее, имеют не только различную природу, но и различные проявления. В своих работах Ассаджолли подчеркивает, что зачастую понятие самореализации включает в себя самоосуществление, то есть личностный рост и развитие, работа со скрытыми возможностями человека. Самоактуализация же, хоть и по этим своим параметрам соответствует самореализации, но также подразумевает сопоставление этих качеств личности с потребностями общества, рассмотрение их с позиции приемлемости в том или ином социальном окружении [Касен, 2014: 65].

Исходя из работ Карла Густава Юнга можно заключить, что обширная реализация «Я» является конечной жизненной целью любого мыслящего субъекта. В связи с этим им выделяется три составляющих стремления к этой цели: индивидуализация, как процесс движения человека в направлении жизненной цели; самореализация, как конечная «точка» развития человека в направлении движения к этой цели; само-актуализация, как воплощение самой жизненной цели, доступная только высокоорганизованным, талантливым и способным людям [Юнг, 2013: 217]. М. Смит также выделял три взаимосвязанных и последовательных составляющих жизненных индикаторов личности:

самореализация, предельные переживания трансцендентных ценностей и самоактуализация [Оганесян, 2011: 25].

Таким образом можно сделать вывод, что самореализующаяся личность проявляет себя в реализации общественной деятельности, позитивном отношении к другим людям и обществу в целом, а личность, стремящаяся к само-актуализации, видит реализацию своего счастливого бытия в способности не только приносить пользу обществу, но и не делить эту пользу между другими объектами и собственным «Я», иначе говоря, получать удовлетворение и развиваться в процессе помощи другим.

Социальная адаптация, самореализация, самоактуализация и психологическая безопасность представляют собой модели поведения личности, которые выстраиваются в логически установленный жизненный сценарий человека.

Начальный период существования любого человека представляет собой неотвратимый этап научения различным адаптивным стратегиям, как методам приспособления к окружающей действительности, притом подчас независимо от желания и воли самой личности (социальная адаптация). Следующий период жизненного пути характеризуется как внешней, так и внутренней постановкой жизненных целей и задач по определению своего места, своих способностей и возможностей, сопоставления их с желаемыми результатами (самореализация). При успешном прохождении данного этапа личностью ставятся более масштабные в плане своего развития задачи, они переходят на новый, общественный уровень – поиск деятельности, в которой данная конкретная личность может быть успешна и приносить пользу обществу, и/или создание ячейки общества для передачи любви, заботы и опыта другим людям (самоактуализация).

И все это невозможно без ощущения психологической безопасности, как совокупности внешних и внутренних факторов, душевного равновесия и гармоничного взаимодействия с окружающей действительностью, опыта и мудрости. В свою очередь, благодаря успешной социальной адаптации, самоактуализации и самореализации, когда личность себя нашла и реализовала не только в субъективном плане, но и в плане общественном и социальном, когда жизненные цели и задачи исполнены в соответствии с ожиданиями личности, еще более укрепляется и сохраняется ее психологическая безопасность, логично «закольцовывая» данный сценарий.

Возвращаясь к рассмотрению данных феноменов в контексте ситуаций неопределенности очевидным представляется вывод о том, что такие ситуации выступают своеобразной «лакмусовой бумажкой»

человеческой сущности. Чем интенсивнее неопределенность воздействует на каждую конкретную личность, тем больше у данной личности шансов проявить себя либо в позитивном аспекте, либо в негативном. Так, если человек обладает рядом характеристик (психологических, психофизиологических и социальных), позволяющих ему успешно переживать и адаптировать под себя даже самые сильные «удары судьбы», то продуктивнее и быстрее пройдет его развитие по всем вышеперечисленным этапам. В этом случае ситуации неопределенности будут своеобразным позитивным катализатором становления сильной и социально-адекватной личности.

С другой стороны, может случиться так, что человек, подвергшийся резкому, интенсивному, либо длительному воздействию условий неопределенности, оказывается в данном конкретном случае к ним не готов (эмоциональное истощение, физическая усталость, психофизиологическое перенапряжение), либо же такие ситуации наносят человеку сугубо личный ущерб, связанный конкретно с его субъективными социальными и психологическими аспектами жизни. Тогда подключается избирательный, защитный механизм психики, который может «повести» человека по пути отрицания сложности сложившихся обстоятельств, нивелирования их негативных аспектов посредством игнорирования и/или обесценивания, тогда все останавливается лишь на механизме социальной адаптации, практически исключая дальнейшее ее преобразование и развитие в самоактуализацию и самореализацию, т. к. человек бессознательно (иногда осознанно), уходит от проблем, не решая их, а просто избегая. Соответственно преобладающее поведение, которое является одним из ресурсов развития и становления психологической безопасности, подавляется, а неопределенность выступает как стагнирующий элемент.

И, наконец, ввиду индивидуальных особенностей, воздействие неопределенности на человека может быть не просто пагубным, но и вызывающим всесторонний ущерб его личности, деформируя и/или разрушая ее. В таком случае либо человек осознанно, не выдержав воздействия негативных факторов, проявит дезадаптивное поведение, которое может выразиться в девиациях, либо же неосознанно начнет заниматься саморазрушением, проявляющимся в безразличии к своему внешнему виду, отсутствию самодисциплины, излишней самокритике, неконтролируемой обиде и агрессии на окружающих, заикливании на собственных неудачах и т.д. В этом случае неопределенность срывает как крайне негативный фактор дезадаптации и деформации личности, который, в случае, отсутствия профилактики или адекватной помощи

со стороны, может не только снизить или вовсе исключить ощущение психологической безопасности, но и, как следствие, подавить стремление человека к самоактуализации и самореализации, а также отрицательным образом сказаться на социальной адаптации личности, трансформируя ее в регресс или в деградацию.

Таким образом, исследование психологической безопасности личности в усугубившихся пандемией условиях неопределенности необходимо продолжать с целью разработки научно-обоснованных методических рекомендаций и программ по формированию, сохранению и укреплению психологической безопасности, а также профилактике и коррекции возможных негативных последствий её отсутствия и/или низкого уровня.

Литература:

Будучев В.А. Интеллигенция в перспективе межкультурных взаимоотношений: роль философии просвещения и французской революции в формировании русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2019. №1.

Гюлджян А.Г. Проблемы социальной адаптации молодежи // Молодой ученый. 2018. №29 (215).

Касен Г.А. К проблеме управления личностными ресурсами человека / Вестник государственного университета имени Шакарима Города Семей. Серия педагогика. 2014. №4 (04).

Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека / Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. 1997. №5.

Оганесян Н.Т. Поэтическое творчество как средство самоактуализации и самореализации личности // Психологическая наука и образование. 2011. №3.

Орлова М.А. Терминология и классификация понятия «неопределённость» // Вестник ТГУ. 2010. №7 (87).

Расторгуева Е.Н. Самоактуализация: самодетерминация или самотрансценденция? // Мир психологии. 2017. №1(89).

Реан А.А. Самоактуализация и самотрансценденция личности / Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер. 2009.

Ростовцева М.В. Философский смысл понятия «социальная адаптация» / Вестник КрасГАУ. 2012. №6.

Свечникова Ю.А. Адаптация как социальная категория // Молодой ученый. 2019. №8 (246).

Смык Ю.В. Потенциал психологической безопасности педагога как условие психологической безопасности школьника // Science for Education Today. 2021. №1.

Шинкоренко А.В. Самоактуализация как фактор профессионального развития педагога общеобразовательной школы // Проблемы и перспективы развития образования. 2011.

Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: Канон+, 2013.

Коммуникативные особенности цифрового поведения в период пандемии

М.А. Пильгун

доктор филологических наук, профессор Российского государственного социального университета (г. Москва)

Введение

В период пандемии резко возросла значимость коммуникаций в киберпространстве, что позволило выявить особенности поведения различных типов акторов и сообществ. До распространения Ковид-19, «цифровой поворот» ('Digital turn') радикально изменил общественную, политическую и экономическую жизнь, трансформировал традиционные модернистские бинарные системы государство - общество, общественное - частное, потребление - производство, труд - досуг, культура - природа, человек - постчеловек. Цифровые скептики опасались усиления доминирования государства с помощью новых форм контроля, слежки, а также сетевого авторитаризма, цифровой дегуманизации, сетевой эксплуатации, даже появилось понятие «отчуждение 2.0». Экономически и социально неблагополучные члены общества и целые сообщества оказались на обочине цифрового мира из-за дискриминации, связанной с доступом к использованию цифрового инструментария, а также из-за уровня владения новыми технологиями [Janssen, 2016]. В частности, использование технологий искусственного интеллекта позволяет повысить эффективность принятия решений и предиктивной аналитики, организовать превентивную адресную социальную помощь, быструю реакцию городских властей на изменения, но повышает риски дискриминации из-за предвзятости алгоритмов, ведет к росту цифрового неравенства [Tao et al., 2021; Hua-wei, 2018; Ferrer, J.N.; Taranic et al., 2021].

Исследователи уже выявили тесную зависимость информационного освещения пандемии с политическими и идеологическими мотивами, а также подтверждают важность соблюдения принципов социальной ответственности. Yanni Zhang, Naveed Akhtar, Qamar Farooq, Yiwei Yuan, Irfan Ullah Khan провели критический анализ дискурса, направленный на исследование диалектических отношений между дискурсом и идеологией для выявления скрытых психологических посланий и

идеологии в информационном освещении пандемии [Zhang et al., 2021].

Очевидно, что изучение коммуникативного поведения различных типов пользователей в период пандемии является актуальной задачей. Одной из особенностей русскоязычного цифрового коммуникативного пространства является выделение акторов, которые относят себя к интеллигенции - общественной группе, сформировавшейся в российском обществе в XIX в. и объединявшей людей с критическим мышлением и стремлением к социально-психологической рефлексии [Сорокин, 1965]. Очевидно, что современные онлайн-коммуникации являются отражением офлайн-взаимодействий, опосредованно показывают специфические характеристики различных сообществ. Условными признаками представителей анализируемой страты могут выступать: уровень образования, занятость в интеллектуальной сфере деятельности, критичность восприятия, стремление к высокому уровню медиаграмотности, как правило, оппозиционная настроенность и др.

Целью исследования является анализ коммуникативных особенностей цифрового поведения интеллигенции в период пандемии.

Данные и методика

Материалом для исследования послужили данные корпусов, социальных сетей, видеохостингов, мессенджеров, микроблогов, блогов, обзоров, форумов, тематических порталов, интернет-СМИ, печатных изданий и ТВ, связанные с пандемией COVID-19.

Период сбора данных: со 2 июня 2020 г. по 16 июля 2021 г.

Таблица 1. Количественные характеристики данных

Количество сообщений	Количество активных акторов	Аудитория
176 334	103 018	581 905 792

Для анализа данных использовался нейросетевой текстовый анализ, сентимент-анализ, анализ лексических ассоциаций и контент-анализ. Данные собирались с помощью алгоритмов Brand Analytics и SketchEngine [Thomas, 2016].

Нейросетевой текстовый анализ проводился с использованием технология TextAnalyst 2.3, которая позволил выделить и проанализировать тематическую структуру базы данных, выявить семантическую сеть и ассоциативную сеть, проанализировать ядро семантической сети и словесных ассоциаций, провести суммаризацию, а также проанализировать уровень агрессии контексте, генерированном различными типами акторов [Kharlamov & Pilgun, 2020]. Контент-анализ [Mayring, 2004; White, 2006; Krippendorff, 2012] был выполнен

с использованием сервиса AutoMap (<http://casos.cs.cmu.edu/>). Анализ тональности проводился с помощью модуля определения тональности Eureka Engine. Для визуальной аналитики применялась платформа Tableau.

Результаты

Анализ данных показывает, что при выборе цифровой площадки для общения акторы предпочитали социальные сети (904 045 226), а также видео-хостинги (177 729 334), и микроблоги (99 856 257) (рис. 1).

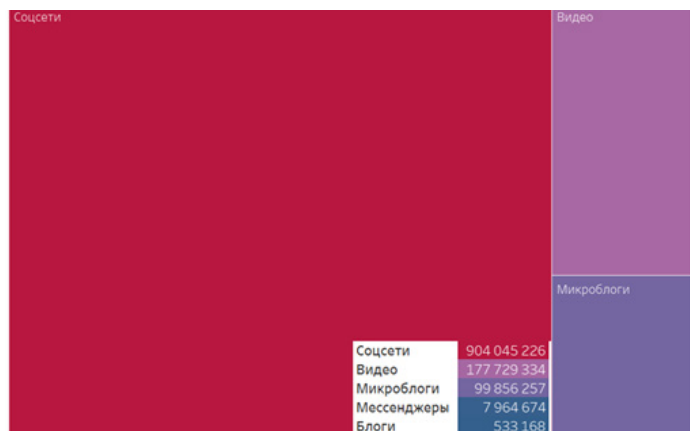


Рис.1. Тип источника

В сводной базе контента преобладают комментарии (585 818 027) и посты (568 581 707), созданные различными типами акторов (рис. 2).

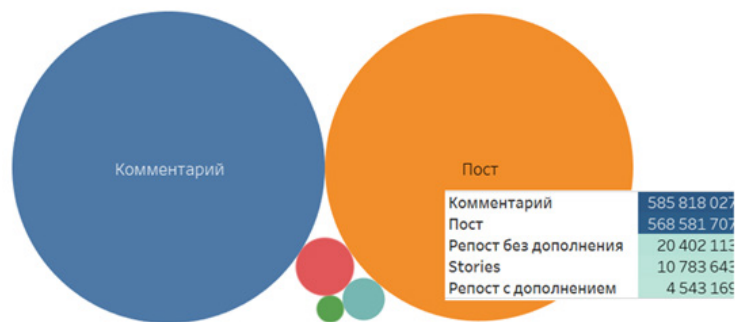


Рис.2. Тип сообщений

Большую часть контента генерируют акторы с личных профилей (820 378 730), аккаунты СМИ (227 086 150) и сообщества (142 164 747) создают значительно меньшую часть релевантных сообщений (рис. 3).

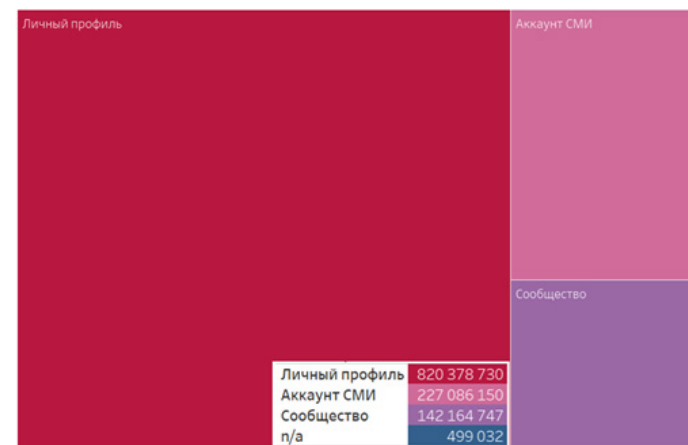


Рис.3. Тип актора

Показательно, что преобладают сообщения с нейтральной тональностью (996 903 716), негативный контент представлен незначительным количеством (125 112 033), а позитивный только - (68 112 910) (рис. 4).

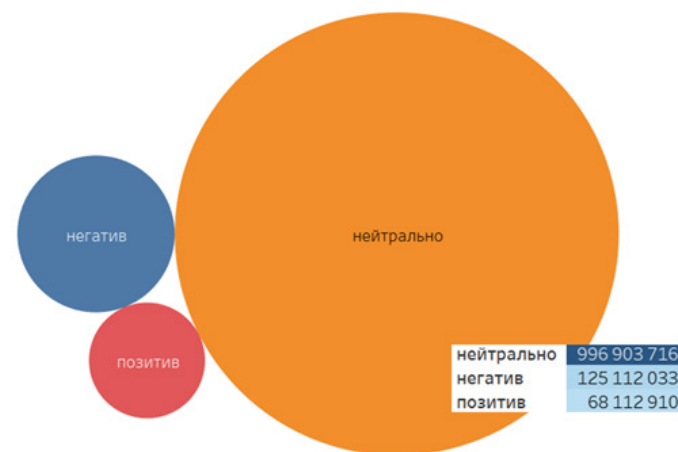


Рис.4. Тональность контента

Анализ тональности комментариев, лайков, репостов и просмотров (Рис. 5), а также изучение тональности цифровых следов различных типов акторов (Рис. 6) подтверждает преобладание нейтрального кластера.

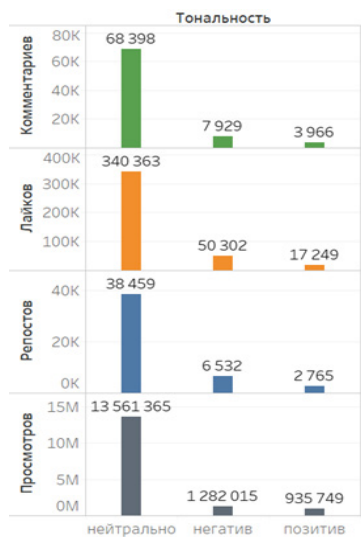


Рис. 5. Тональность цифровых следов

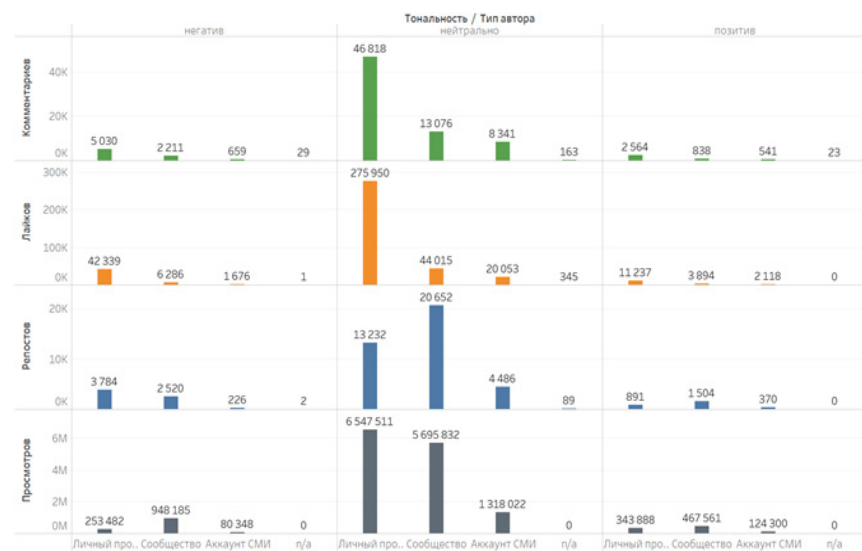


Рис. 6. Тональность цифровых следов разных типов акторов

Между тем, sentiment-анализ цифровых следов в разных типах сообщений показал, что акторы предпочитали проявлять свою оценочность по большей части в постах (Рис. 7).

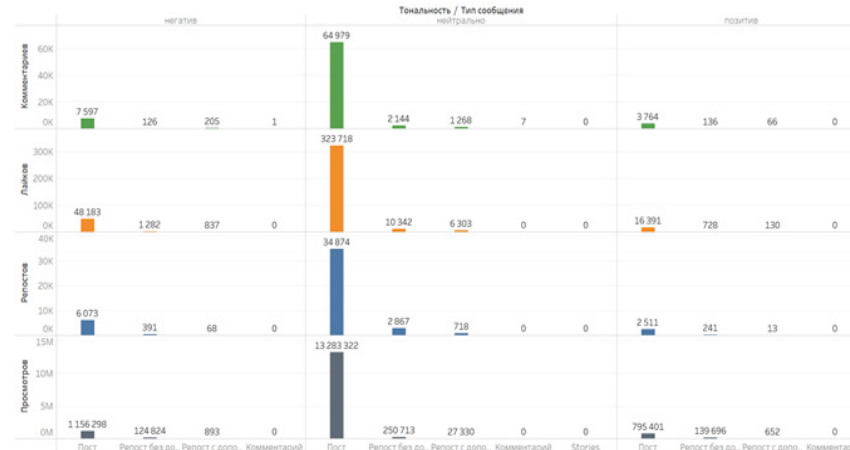


Рис. 7. Тональность цифровых следов в разных типах сообщений

Следует отметить, что sentiment-анализ позволяет выделить кластеры с нейтральной, негативной и нейтральной тональностью и провести первоначальный анализ, выявляющий общее настроение аудитории. Между тем, более детальные выводы, позволяющие судить об оценках и мнениях акторов в отношении определённого события или явления можно делать после исследовании уровня агрессии, представленной в контенте. Несмотря на то, что количественное преимущество имеют цифровые следы, в которых агрессия не зафиксирована, наличие комментариев, лайков, репостов и просмотров с эксплицитно выраженной агрессией, и, что особенно важно, с сильной агрессией, позволяет говорить о достаточно высокой степени конфликтогенности контента (Рис. 8).

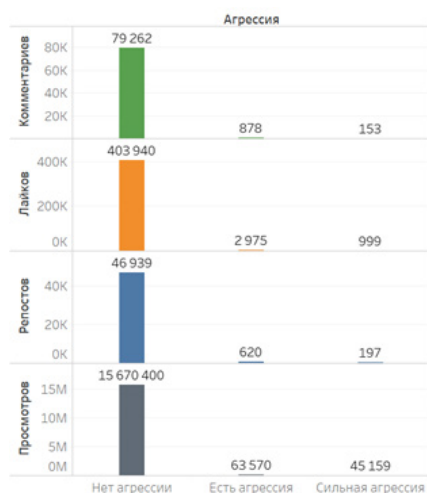


Рис. 8. Агрессия цифровых следов

Следует подчеркнуть, что сильная агрессия фиксируется в цифровых следах личных аккаунтов и в сообществах, то есть характеризует контент, генерированный пользователями (Рис. 9), а также в постах и репостах с дополнениями и без дополнений (Рис. 10).

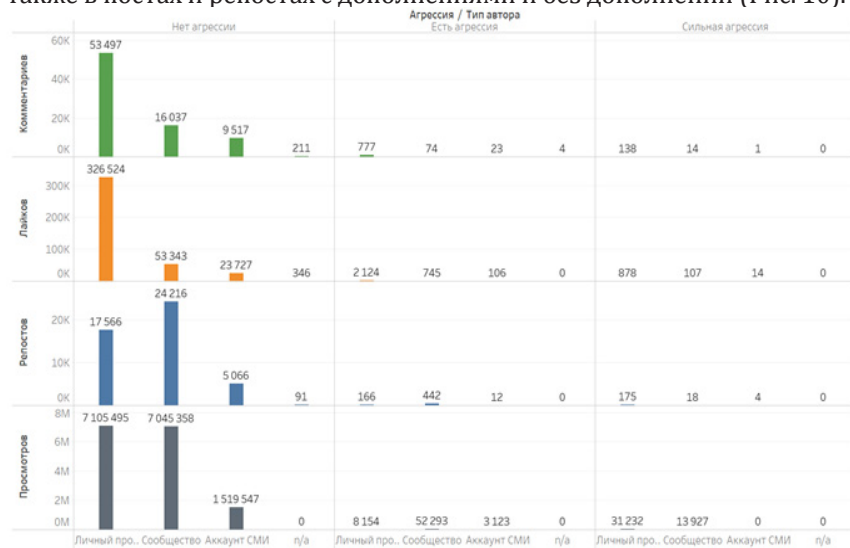


Рис. 9. Агрессия цифровых следов разных типов акторов

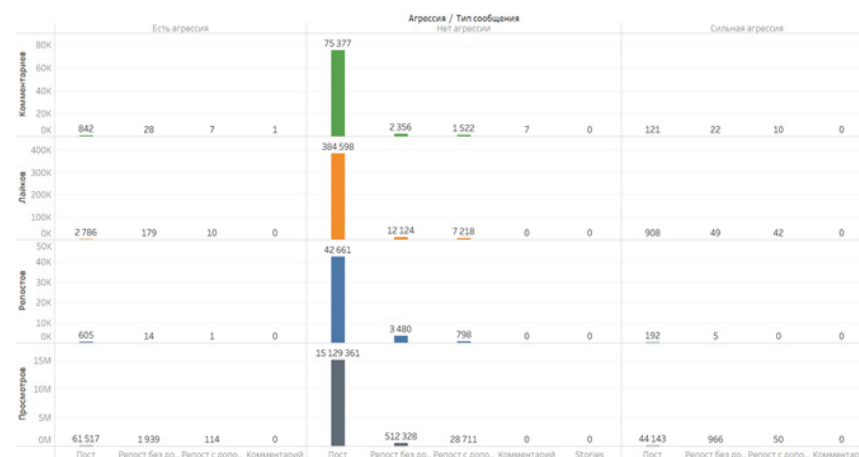


Рис. 10. Агрессия цифровых следов разных типах сообщений

Анализ тематической структуры и семантической сети позволил выявить ключевые темы и семантические акценты, которые являются наиболее важными для акторов.

Заключение

В результате анализа коммуникативных особенностей цифрового поведения интеллигенции в период пандемии (лето 2021 года) были выявлены следующие характеристики:

- Высокий уровень аналитического осмысления и социально-психологической рефлексии, которые позволяют вычленять из полученной информации составляющие и выстраивать иерархию информационных сообщений по значимости.
- Оппозиционная настроенность.
- Негативная оценка действий власти.
- Эксплицитно выраженная критичность к проведению государственными структурами антиковидных мер.
- Стремление к систематизации полученной информации, построению логических умозаключений для интерпретации полученных данных и восполнения недостающих информационных элементов.
- Более критическое отношение к фейкам (Face news) по сравнению с другими типами акторов.
- Повышенный уровень агрессивности контента.
- Избирательность цифровых площадок, которые акторы

выбирали для виртуальных коммуникаций.

- Избирательность в общении.
- Диалоговая коммуникация возникает только с акторами, которые опознаются как «свои», принадлежавшие к данному сообществу и разделяющие определённую аксиологическую парадигму.

Литература:

- Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. — М.—Л.: Наука, 1965. — С. 145. — 566 с.
- Ferrer, J.N.; Taranic, I.; Veum, K. Oosterkamp P., Wilson C. The making of a smart city: policy recommendations. EU Smart City Information System. European Commission. 2019. Available online: https://smartcities-infosystem.eu/sites/default/files/document/the_making_of_a_smart_city_-_policy_recommendations.pdf (accessed on 04 March 2021).
- Huawei. Shenzhen Traffic Police Bureau and Huawei Jointly Create a Futuristic 'City-wide Traffic Brain' for Safe City Driving. Huawei. 2018. Available online: <https://e.huawei.com/topic/leading-new-ict-ru/shenzhen-traffic-police.html> URL (accessed on 27 March 2021).
- Janssen, M., Kuk, G.* The challenges and limits of big data algorithms in technocratic governance. *Government Information Quarterly* 2016. Volume 33, no 3, 371–377.
- Kharlamov, A.; Pilgun, M. (Eds.)* Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications; Cambridge Scholars Publishing; Newcastle upon Tyne, UK, 2020, p. 317.
- Krippendorff, K.* Content Analysis. An Introduction to Its Methodology, 3rd. ed.; SAGE Publications, Inc.: Los Angeles, CA, USA, 2012, p. 441
- Mayring, P.* Qualitative content analysis. A companion to qualitative research, 1, 159-176., 2004.
- Rosman T., Adler K., Barbian L., Blume V., Burczeck B., Cordes V., Derman D., Dertli S., Glas H., Heinen V., Kenst S., Khosroschahli M., Kittel L., Kraus C., Linden A., Mironova A., Olinger L., Rastelica F., Sauter T., Schnurr V., Schwab E., Vieyra Y., Zidak A., Zidarova I.* Protect ya Grandma! The Effects of Students' Epistemic Beliefs and Prosocial Values on COVID-19 Vaccination Intentions. *Front. Psychol.* 12:683987. 2021 doi: 10.3389/fpsyg.2021.683987
- Tao, L.* Shenzhen AI start-up Intellifusion helps city police identify jaywalkers and banned drivers. *South China Morning Post*. Available online: <https://www.scmp.com/tech/start-ups/article/3008700/shenzhen-ai-start-intellifusion-helps-city-police-identify> (accessed on 17 March 2021).
- Thomas, J.* Discovering English with Sketch Engine: a corpus-based approach to language exploration. Workbook and glossary. Brno: Versatile. ISBN 9788026095798. Andrea Baronchelli. The emergence of consensus: a primer. *Royal Society open science*, 5(2), 172189, 2018. <https://doi.org/10.1098/rsos.172189>
- Thomas, J.* Discovering English with Sketch Engine: a corpus-based approach to language exploration. Workbook and glossary. Brno: Versatile. 2016.
- White, M.D., Marsh, E.* Content analysis: A flexible methodology // *Library Trends*, 2006, 1, 22–45.
- Zhang, Y., Akhtar, N., Farooq, Q., Yuan, Y., Khan, I.U.* Comparative Study of Chinese

Деятельность студенческих добровольческих (волонтерских) объединений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции

Т.Э.Петрова

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного
университета (г. Москва)

Высшее образование во всем цивилизованном мире, включая Россию, постепенно становится массовым, придавая студенчеству характер самой значительной по численности группы молодого поколения, которая в скором будущем будет определять лицо нации и формировать экономическую, политическую и духовную элиту общества - интеллигенцию.

Время обучения в вузе в масштабах человеческой жизни совпадает с периодом созревания молодого человека как социально значимой личности. Студенчество в силу возраста и положения гиперактивно и потенциально способно оказывать непосредственное и существенное влияние на характер и направленность социально-экономических и политических процессов в обществе, в том числе в среде интеллигенции.

События 2020 – 2021 гг. продемонстрировали потенциал российского гражданского общества, солидарность в решении возникших проблем в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Добровольческие (волонтерские) объединения, в том числе студенческие, пришли на помощь лицам пожилого возраста, страдающим хроническими заболеваниями, инвалидам (осуществляли адресную помощь, доставку продуктов питания, медикаментов, средств индивидуальной защиты), оказывали поддержку медицинским и социальным учреждениям.

Ответом гражданского общества на распространение новой коронавирусной инфекции стал взрывной рост добровольческой (волонтерской) активности, в первую очередь в студенческой среде. Весной 2020 г. была запущена общероссийская акция взаимопомощи #МыВместе, в рамках которой нуждающиеся в помощи могли попросить

ее, а желающие – оказать. Акция была организована платформой DOBRO.RU, Общероссийским народным фронтом, всероссийским общественным движением «Волонтеры - медики», Ассоциацией волонтерских центров при поддержке Общественной палаты Российской Федерации. В рамках акции работала круглосуточная «горячая линия» помощи пожилым и маломобильным гражданам, своевременное выполнение зарегистрированных заявок осуществляли волонтерские штабы во всех регионах Российской Федерации.

В 2020 г. более 118 тысяч добровольцев (волонтеров) по всей стране оказывали безвозмездную помощь больным, одиноким, пожилым, маломобильным, инвалидам, детям - сиротам, многодетным семьям, ветеранам - доставляли лекарства, продукты, товары первой необходимости, помогали по дому. В 160 медицинских учреждениях 7 тыс. волонтеров – медиков оказывали помощь врачам, выполняли обязанности среднего медперсонала, подвозили врачей на личном транспорте, доставляли продуктовые наборы и средства индивидуальной защиты.

За весь период проведения акции было вовлечено около 119 тыс. добровольцев (волонтеров), обработано более 3,5 млн. обращений граждан, поступило более 9 тыс. предложений помощи от физических и юридических лиц. По итогам Акции помощь получили более 3,2 млн. человек [Письмо Минэкономразвития..., 2021].

Согласно данным Росмолодежи в 2020 году общая численность граждан, вовлеченных центрами (сообществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтерства) на базе образовательных организаций, некоммерческих организаций, государственных и муниципальных учреждений в добровольческую (волонтерскую) деятельность в России, составила более 7,1 млн. человек

По итогам выборочного обследования рабочей силы Росстата в 2016 – 2020 годах происходил устойчивый рост численности населения в возрасте 15 лет и старше, участвующего в добровольческом (волонтерском) движении. Так, в 2016 году численность участников добровольческого (волонтерского) движения составила более 1,44 млн. человек, в 2017 году – более 1,47 млн. человек, в 2018 году – более 1,53 млн. человек, в 2019 году – более 1,79 млн. человек, в 2020 году – 2,03 млн. человек.

Согласно данным Росстата по итогам статистического наблюдения за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций в 2020 году среднесписочная численность добровольцев (волонтеров), участвующих в их деятельности, составила более 3,79 млн. человек, в 2019 году – 3,43 млн. человек,

2018 году – 2,94 млн. человек, 2017 году – 2,71 млн. человек, 2016 году – 2,16 млн. человек [Письмо Росмолодежи...2021].

Также об увеличении числа граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью, свидетельствуют результаты опросов, проведенных в 2020 году Фондом «Общественное мнение». Так, почти 23 % опрошенных считают себя добровольцами (волонтерами) или бывшими добровольцами (волонтерами) согласно опросам 2013 года участие в добровольческой (волонтерской) деятельности принимали только 3 % россиян). При этом 87 % респондентов принимали участие в деятельности, которую можно назвать добровольческой (волонтерской). Из тех, кто не считает себя добровольцем (волонтером), стать добровольцами (волонтерами) думали 29 % опрошенных. В качестве наиболее привлекательных в добровольческой (волонтерской) работе граждане называют социальное и экологическое направления, отмечают необходимость помогать животным, популяризировать здоровый образ жизни (в том числе содействовать оказанию медицинской помощи), развивать донорство крови и осуществлять воспитание детей и молодежи (включая сохранение исторической памяти) [Письмо Минэкономразвития..., 2021].

Минобрнауки России совместно с Ассоциацией волонтерских центров (АВЦ) реализуется программа «СВОИ», нацеленная на развитие добровольческой (волонтерской) деятельности в вузах, а также интеграцию добровольчества (волонтерства) в образовательный процесс. Участниками программы стали 311 сообществ (объединений) на базе образовательных организаций профессионального и высшего образования из 74 субъектов Российской Федерации. В 24 образовательных организациях участниках программы «СВОИ» успешно внедрены образовательные модули по добровольчеству (волонтерству). В 2020 году с целью поддержки волонтерских центров был проведен Всероссийский конкурс на лучший волонтерский центр в вузах, организаторами которого выступили Минобрнауки России, АВЦ и ФГБУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина» (на участие в конкурсе было подано 353 заявки из 179 вузов) [Письмо Минобрнауки...2021].

В 2020 году Минкультуры России проведен всероссийский мониторинг мер поддержки развития добровольчества в сфере культуры региональными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственными организациями. По итогам мониторинга выявлено, что в 79 субъектах Российской

Федерации действует 2 265 волонтерских центров в сфере культуры, из них 1 449 осуществляет свою деятельность на базе учреждений культуры, 640 – на базе образовательных организаций и 155 – на базе некоммерческих организаций.

В 2020 году при поддержке Минздрава России в стране открыты 85 региональных отделений всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» (225 местных отделений), объединяющих более 76 000 добровольцев (волонтеров). Движением организовано взаимодействие с 858 медицинскими организациями, 260 образовательными организациями высшего и среднего медицинского профессионального образования, 1700 общеобразовательными организациями и 5000 организациями-партнерами [Письмо Минэкономразвития..., 2021].

В ноябре 2021 г. Минобрнауки России совместно с АВЦ проведен анализ деятельности добровольческих (волонтерских) объединений в образовательных организациях высшего образования (данные получены от 523 объединений из 450 вузов, в которых обучаются свыше 3,7 млн. человек, 8,33% из которых вовлечены в добровольческую (волонтерскую) деятельность).

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что 66% объединений функционируют в вузах на основе утвержденных нормативных документов (положение, приказ и пр.), 25% - без утвержденных документов, 18,5% объединений являются структурными подразделениями вузов, 7% - некоммерческими организациями при вузах.

Наиболее популярными направлениями добровольчества (волонтерства) являются: социальное - 88%, событийное - 87%, патриотическое - 81%, экологическое - 74%, культурное - 72%, спортивное - 64%, образовательное - 61%, медиаволонтерство - 55%, инклюзивное - 54%, зоозащита - 48%, медицинское - 31%, корпоративное - 31%, волонтерство в условиях чрезвычайной ситуации - 24%, общественная безопасность - 24%, семейное - 14%. Также назывались цифровое, донорство, профориентация, арт-волонтерство, правовое, лингвистическое, научное и киберволонтерство.

Для участников добровольчества (волонтерства) вузами предусмотрены следующие льготы и преференции: повышенная стипендия - 74%, перевод с коммерческой на бюджетную основу обучения - 34%, перезачет практики по итогам добровольческой (волонтерской) деятельности - 28%, зачет по предметам - 20%, скидки на оплату обучения - 12%. Кроме того, материальное поощрение, бесплатные билеты в музеи, на экскурсии, благодарности и грамоты,

предоставление общежития и скидок на оплату питания.

Опыт добровольческой (волонтерской) деятельности учитывается при поступлении в вуз в 71% случаев. Диапазон дополнительных баллов при поступлении в вуз от 1 до 20, где 1 - наиболее распространенный балл, 20 - максимальный. 39% вузов учитывают дополнительные баллы при поступлении за опыт добровольческой (волонтерской) деятельности по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

Абитуриенты подтверждают свой волонтерский опыт: 68% - печатными книжками волонтера, 64% - электронными книжками волонтера, 44% - грамотами за волонтерскую деятельность.

46% вузов внедрили образовательный модуль «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями» в рамках: основной профессиональной образовательной программы высшего образования - 27%, программы ДПО - 16%, факультативного курса или предмета - 26%.

76% объединений при реализации добровольческой (волонтерской) деятельности сотрудничают с некоммерческими организациями разного уровня, 37% - со школьными волонтерскими отрядами (наставничество, подготовка к ЕГЭ, реализация совместных проектов), 83% готовы сотрудничать с ними,

Среди барьеров (проблем) объединений выделяются: финансовые - 41%, материально-технические - 30%, мотивационные - 25%, кадровые - 23%, организационные - 12%, информационные - 11%.

Минэкономразвития России, Росмолодежь совместно с Ассоциацией волонтерских центров осуществлен мониторинг реализации мер поддержки добровольцев (волонтеров), активно участвующих в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции и в преодолении негативных социальных последствий ее распространения, в субъектах Российской Федерации.

Результаты мониторинга свидетельствуют, что во всех субъектах Российской Федерации наиболее распространенными видами нематериального поощрения добровольцев (волонтеров) являются награждение отличившихся добровольческих (волонтерских) объединений, добровольцев (волонтеров) наградами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений, почетными грамотами, благодарностями и дипломами, публикация в СМИ информации об успехах добровольцев (волонтеров) и добровольческих (волонтерских)

организаций, организация участия лучших добровольцев (волонтеров) в межрегиональных и всероссийских мероприятиях за счет средств субъекта Российской Федерации.

Также в ряде субъектов Российской Федерации реализованы дополнительные меры поддержки добровольцев (волонтеров), активно участвующих в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции.

В качестве материальной поддержки предоставляются индивидуальные средства защиты от вирусной инфекции (маски, костюмы, перчатки), помещения для работы штабов, оборудованные необходимой техникой, компенсация расходов на питание, оплату сотовой связи и проезда. Так, в Тульской области единовременная денежная выплата для компенсации затрат добровольцев (волонтеров) составила от пяти до десяти тысяч рублей, в Ямало – Ненецком автономном округе – в размере семьсот рублей в день.

Минобрнауки России в 2020 г. были направлены методические рекомендации по осуществлению учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам высшего образования:

засчитать производственную/учебную практику добровольцам, осуществляющим свою деятельность в фактическом объеме часов волонтерской помощи согласно учебным планам в соответствии с компетенциями практики;

учитывать добровольческий опыт и факт участия в мероприятиях по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в перечне индивидуальных достижений при поступлении в образовательные организации высшего образования.

В период приемной кампании 2020 года образовательные организации высшего образования помимо указанных в методических рекомендациях баллов были вправе начислять дополнительные баллы абитуриентам, участвующим в волонтерской деятельности, направленной на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции.

Литература:

Письмо Минобрнауки России от 13.12.2021 № МН-11/3367.

Письмо Минэкономразвития России от 08.09.2021 № 29890-ТИ/Д04и.

Письмо Росмолодежи от 27.12.2021 № КР/7743-03.

НАШИ АВТОРЫ

Амгаланова Мария Викторовна кандидат культурологии, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ), amgalanova@ Rambler.ru

Бабаян Инна Вячеславовна кандидат социологических наук, доцент Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова (г.Саратов), pashininaei@mail.ru

Бурашниковна Анна Александровна аспирант Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Нижний Новгород), burashnikova-aa@ranepa.ru

Белова Наталья Ильинична кандидат социологических наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), n.i.belova@mail.ru

Бойко Сергей Иванович кандидат политических наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета, (г. Москва), dekanatpolit@rggu.ru

Буланова Марина Борисовна доктор социологических наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), marina_bulanova@inbox.ru

Воробьева Ирина Владимировна кандидат социологических наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), vorobyova.irina@list.ru

Газиева Инна Александровна кандидат социологических наук, доцент, директор Центра общеакадемических образовательных инициатив Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Москва), gazieva-ia@ranepa.ru

Гришина Елена Александровна доктор социологических наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), egrishina@yandex.ru

Денисов Сергей Алексеевич кандидат юридических наук, доцент, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), sa-denisov@yandex.ru

Диманс Сергей Леонидович кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления, экономики и истории физической культуры и спорта Московской государственной академии физической культуры (г. Москва), dimsl51@mail.ru

Звонок Александр Анатольевич кандидат философских наук, доцент Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск), kafedra_soc_rob@mail.ru

Истомина Ольга Борисовна доктор философских наук, доцент заведующий кафедрой Иркутского государственного университета (г. Иркутск), olgaistomina@mail.ru

Колосова Елена Андреевна кандидат социологических наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), the_shmiga@mail.ru

Кузьмина Галина Анатольевна преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск), Gal_k_a@mail.ru

Кукушкина Анна Геннадьевна кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород), anna_kukushkina@yahoo.com

Левичева Валентина Федоровна доктор философских наук профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), levvf@mail.ru

Нагорный Борис Григорьевич доктор социологических наук, профессор, профессор Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск), sotziologii@yandex.ru

Нархов Дмитрий Юрьевич кандидат социологических наук доцент, директор Центра науки и инноваций института физической культуры, спорта и молодежной политики; доцент кафедры организации работы с молодежью Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург), d.y.narkhov@urfu.ru

Нархова Елена Николаевна кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедр управления в сфере физической культуры и спорта; организации работы с молодежью Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург), e.n.narhova@urfu.ru

Осинский Иван Иосифович доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова» (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ), intellige2007@rambler.ru

Осипов Александр Михайлович доктор социологических наук, профессор, профессор Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И.Герцена (г. Санкт-Петербург), osipov.al58@gmail.com

Пашинина Екатерина Игоревна кандидат социологических наук, доцент, доцент Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.» (г.Саратов), pashininaei@mail.ru

Петрова Татьяна Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), peta-63@mail.ru

Пильгун Мария Александровна доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Российского государственного социального университета (г. Москва), pilgunm@yandex.ru

Пугач Виктория Федоровна доктор социологических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО НИТУ МИСиС (г. Москва), vfpugach@mail.ru

Сафронов Андрей Викторович аспирант Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), Saf-master@mail.ru

Сидорова Анна Святославна старший преподаватель Смоленского государственного университета (г. Смоленск), sociologiya-1@yandex.ru

Солодников Владимир Владимирович доктор социологических наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), Solodnikovv@mail.ru

Солодникова Ирина Витальевна доктор социологических наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), 14a20ivs@mail.ru

Тартыгашева Галина Владимировна кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), tarty@yandex.ru

Тощенко Жан Терентьевич член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва), zhantosch@mail.ru

Фадеева Екатерина Викторовна кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), fadeeva.belova@mail.ru

Хохлов Андрей Анатольевич кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России, профессор Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина (г. Саратов), valentina.jarskaja@gmail.com

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна доктор социологических наук, профессор, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва), elena.iarskaia@gmail.com

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научный исследовательский проект «Интеллигенция и современность»

Данный исследовательский проект был создан в 1999 г. в Российском государственном гуманитарном университете под руководством члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Ж.Т.Тощенко. Этот проект предусматривал проведение систематических социологических исследований в рамках теоретической концепции «социология жизни», публикацию статей преподавателей и аспирантов в общероссийских научных журналах, в том числе в «Вестнике РГГУ» (Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»), выступления на международных, российских и региональных (университетских) научных конференциях, подготовку курсовых, дипломных (с 2015 г. выпускных) работ. Одним из важнейших показателей реализации этого проекта стало проведение ежегодных международных теоретико-методологических конференций с публикацией этих материалов.

Библиографическое описание публикаций по материалам конференций

I конференция

Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всероссийской теоретико-методолог. конф., 26-27 апр. 2000 г., Москва / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф. – Москва: РГГУ, 2000. – 160 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 1).

Новаторство материалов сборника связано с несколькими моментами. Во-первых, мы хотели бы сосредоточить внимание на гуманитарной интеллигенции, ее судьбах, ее истоках и перспективах. Во-вторых, мы хотели бы обсудить жизнь людей, избравших своей специальностью гуманитарные науки, во всем их жизненном пространстве – от студенческой скамьи до вершин профессионального мастерства. В-третьих, не ограничиваться только проблемами учебно-педагогической и научной деятельности, а рассмотреть гражданскую позицию гуманитарной интеллигенции в ее взаимоотношениях с властью, с другими официальными структурами. И наконец, определенный интерес представляет аспект жизни университетской интеллигенции, ее заботы по реализации своих учебных и научных целей.

II конференция

Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции:

сб. статей по материалам научных конференций «Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность», РГГУ, 13-14 марта 2001 г.; «Интеллигенция и молодежь: право на лидерство и идеалы», РГГУ, МГСА, 21 марта 2000 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф.; РГГУ, Философ. фак. Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований, МГСА, НИЦ ИМ. – Москва: РГГУ, 2001. – 321 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 2).

Во втором выпуске сборника статей рассматриваются проблемы социологического определения социального статуса гуманитарной интеллигенции, отражения ее образа и положения в общественном мнении. К анализу данного круга проблем обращаются не только социологи, но и исследователи-гуманитарии из России, Польши, Беларуси. Сопоставление подходов, складывающихся в разных национальных школах, позволяет полнее увидеть многогранность поднятых вопросов.

III конференция

Жизненные стили и социальные практики интеллигенции:

сб. статей по материалам научной конференции «Жизненные стили и социальные практики интеллигенции конца XX – начала XXI в.», РГГУ, 23-24 апр. 2002 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Цапко М.С., Росляков А.Б.; РГГУ, Философ. фак., Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2002. – 300 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 3).

Сборник статей посвящен междисциплинарному анализу гуманитарной интеллигенции как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологического обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: проблемность самоидентификации интеллигенции; ангажированность интеллигенции; социально-статусные смещения – от интеллигенции к сообществу интеллектуалов; жизненные стратегии молодой гуманитарной интеллигенции; успешность в академической среде; фантомы поведения российской интеллигенции; интеллигенция в ситуации социальной эксклюзии.

IV конференция

Интеллигенция в обществе риска: сб. статей IV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 27 марта 2003 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2003. – 524 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 4).

Конференция посвящена теоретическому анализу альтернативных научных подходов по объяснению специфического положения интеллигенции в условиях кардинальных социально-экономических и политических изменений. Осуществлено выявление тенденций трансформации социальной активности гуманитарной интеллигенции, их оценки с точки зрения стратегической и тактической перспектив развития общества на основе как сбора статистического материала, так и использования качественных методов изучения социальной группы. Объяснена логика саморегуляции гуманитарной интеллигенции, соотношение форм ее самореализации и характера социальных изменений; определены пределы роста и границы устойчивости гуманитарной интеллигенции в современном обществе и условия сохранения ее качественной определенности.

V конференция

Гражданские позиции интеллигенции: «Камо грядеши?...»: сб. статей V Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2004 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2004. – 359 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 5).

Осуществлен на основе междисциплинарного подхода анализ перспектив развития гуманитарной интеллигенции как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологического обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: «интеллигенция и власть: ситуация после выборов», «интеллигенция и СМИ: доступность информационных каналов диалога с обществом», «интеллигенция и молодежь: сохранились ли ресурсы влияния?»

VI конференция

Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении: сб. статей VI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 6 апр. 2005 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2005. – 296 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 6).

Изучение интеллектуальной собственности в гуманитарном измерении позволило выявить проблемы восприятия общественным сознанием гуманитарного знания. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы и изучены механизмы трансляции, степень престижности и проблемы востребованности гуманитарного знания. Серьезное внимание уделено таким вопросам как результат гуманитарного исследования, качество и защищенность гуманитарного знания, ответственность ученого, коллективное и индивидуальное авторство.

VII конференция

Ценности общества и ценности интеллигенции: сб. статей VII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2006 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2006. – 331 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 7).

Изучение проблемы соотношения ценностей общества и ценностей такой специфической социальной группы как интеллигенция позволило осмыслить сущностные, актуальные и злободневные вопросы в современном российском обществе. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы механизмы трансляции, позиционирования и репрезентации ценностей интеллигенции. Серьезное внимание уделено таким вопросам, как: состоится ли консолидация российской интеллигенции; универсальное и самобытное в ценностях российской интеллигенции; роль и функции интеллигенции в интеграции/дезинтеграции российского общества.

VIII конференция

Интеллигенция в диалоге культур: сб. статей VIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 5 апр. 2007 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2007. – 510 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 8).

В сборнике публикуются научные дебаты относительно роли интеллигенции в социокультурной жизни современного российского общества. Особое внимание уделено следующим вопросам: интеллигенция как субъект культуры (носитель и творец); интеллигенция как коммуникатор; формы межкультурного профессионального взаимодействия; роль интеллигенции в межэтническом диалоге; роль интеллигенции в межконфессиональном диалоге; новые роли интеллигенции в изменяющемся мире; место субкультур в духовной жизни общества.

IX конференция

Интеллигенция и власть: сб. статей IX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 3 апр. 2008 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2008. – 470 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 9).

В данном сборнике статей дан анализ форм политической активности интеллигенции; видов участия интеллигенции в реализации политического проекта современности; власть – интеллигенция – народ: сотрудничество или противостояние; интеллигенция как фактор интеграции/дезинтеграции общества в политической жизни страны; ценность политики и политические ценности интеллигенции; поле политики и поле науки/образования: точки пересечения.

X конференция

Интеллигенция в мире современных коммуникаций: сб. статей X Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2009 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Буланова М.Б., Цапко М.С., Кондов Д.Ж., Росляков А.Б., Великая Н.М., Шевченко И.О.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2009. – 432 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 10).

В данном сборнике предпринята попытка осмыслить теоретико-методологические проблемы мира коммуникаций, его социальное значение, тенденции и направления его изменения. Также предприняты усилия разобраться с субъектами коммуникаций, которые представлены самыми различными ее представителями в процессе производства, распространения и потребления – политическими партиями и движениями, экономическими акторами, социальными группами, инициаторами сдвигов в области духовной жизни и культуры. Мир коммуникации полон проблемами его деформации, когда достижения человеческой мысли используются в интересах определенных своекорыстных групп. И наконец, анализ мира коммуникаций остро поставил вопрос о позиции интеллигенции: с кем, какими методами, с какими убеждениями будут участвовать люди, которые претендуют на звание ведущих в мире интеллекта.

XI конференция

Интеллигенция и идеалы российского общества: сб. статей XI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2010 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол. Буланова М.Б., Шевченко И.О., Кондов Д.Ж., Цапко М.С., Великая Н.М., Белова Н.М., Голосева А.А., Хурумов С.Ю., Росляков А.Б., Маликова Н.Р., Анисимов Р.И., Орлова Л.А., Горбачева В.И.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2010. – 730 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 11).

В публикуемом сборнике основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: каковы идеалы прошлого и настоящего: что исчезло, что модифицировалось, что зарождается; каким образом соотносятся идеалы и идеология в современном российском обществе; существуют ли идеалы, способные объединить всех россиян, а также рассмотрены особенности социального, профессионального и нравственного выбора современного российского интеллигента.

XII конференция

Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора:

сб. статей XII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2011 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Голосеева А.А., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Маликова Н.Р., Уразалиева Г.К., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред.-сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2011. – 600 с. (Интеллигенция и современность; Вып. 12)

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы роли и позиции интеллигенции в решении чрезвычайно важных, острых и противоречивых проблем – этнических, конфессиональных или их комбинации в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено анализу национальных и религиозных идей, их влиянию на решение назревших вопросов в современном этноконфессиональном мире. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учет особенностей которых влияет на точность и достоверность социологической информации.

XIII конференция

«Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное:

статьей XIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 4 апр. 2012 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Великая Н.М., Майорова-Щеглова С.Н., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Стрельникова А.В., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. Фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2012. – 480 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 13).

Рассмотрены актуальные проблемы трансформации ценностного мира, а также ролей и функций интеллигенции, происходящих в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено анализу социальных практик и особенностей образовательной сферы как пространства реализации социокультурного потенциала этой специфической социальной группы. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учету особенностей, присущих как «старой», так и «новой» интеллигенции.

XIV конференция

Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе:

сб. статей XIV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2013 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак.-т., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2013. – 480 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 14).

В настоящем сборнике дан анализ актуальных проблем деятельности интеллигенции в официально существующих и только становящихся государственных и негосударственных общественных организациях. Проанализированы роль, формы и способы участия российской и зарубежной интеллигенции в организациях различных сфер жизни общества: экономической, политической и духовной. В том числе рассмотрены новые механизмы гражданской и профессиональной самоорганизации. Особое внимание уделено предпосылкам и истокам самоорганизации интеллигенции, неудовлетворенности ее сложившимися организациями как не отвечающими потребностям времени.

XV конференция

Интеллигенция: естественнонаучные, социальные и гуманитарные знания на пути интеграции:

сб. статей XV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 1 апр. 2014 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Китайцева О.В., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2014. – 502 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 15).

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы интеграции естественнонаучных и социально-гуманитарных наук. Проанализированы методологические трудности процесса интеграции различных областей знания. Продемонстрированы возможности использования междисциплинарного подхода применительно к различным наукам. Особое внимание уделено практике социологических работ на границе исследовательских полей с экономикой, политикой, экологией и др.: представлены различные рассуждения, анализ и рекомендации по использованию методов.

XVI конференция

Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное: сб. статей XVI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2015 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Майорова-Щеглова С.Н., Стрельникова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2015. – 518 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 16).

В сборнике раскрываются сущность и содержание жизненного мира современной российской интеллигенции. Представлены попытки сопоставить жизненные миры научно-технической и гуманитарной интеллигенции, ее проблемы и задачи, поиски соответствия требованиям современного этапа развития общества. Учитывая многообразие жизненного мира интеллигенции, значительное внимание уделено анализу политических, экономических и трудовых реалий ее жизни. Раскрыта специфика культурной жизни: от общих проблем до конкретных форм участия или воздействия на жизненный мир (кино, театр, литература и др.). Рассмотрены общие проблемы состояния и развития нравственности в деятельности разных групп интеллигенции, а также традиции и новаторство в жизни молодой смены интеллигенции.

XVII конференция

Социология жизни: теоретические основания и социальные практики: сб. статей XVII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2016 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2016. – 463 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 17).

В сборнике рассмотрены теоретические и эмпирические проблемы новой концепции — социологии жизни, концентрирующейся на изучении жизненного мира людей в единстве общественного сознания, поведения и окружающей среды, анализируются опыт разработки и интерпретации основополагающих понятий новой концепции и социологической теории в целом, также представлен анализ современных социально-экономических, политических и культурных практик основных социальных групп российского общества. Особое внимание уделено изучению новых практик организации и осуществления участия людей в различных сферах общественной жизни, объективных и субъективных характеристик качества жизни

россиян.

XVIII конференция

Профессиональная культура российской интеллигенции: сб. статей XVIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 30 марта 2017 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Борисова П.А., Буланова М.Б., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2017. – 444 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 18).

Настоящий сборник посвящен анализу профессиональной культуры российской интеллигенции: ее состоянию, тенденциям и проблемам развития. Рассматриваются общетеоретические подходы к изучению профессиональной культуры, а также функционирование различных профессиональных групп и специфика трудовой карьеры работников сфер экономики, культуры, здравоохранения, государственной службы, армии, правоохранительных органов и др. Особое внимание исследователи уделяют вопросам этики и мотивации трудовой деятельности, анализу роли профессионального образования, поиску способов повышения и развития профессиональной культуры.

XIX конференция

Смыслы жизни российской интеллигенции: сб. статей XIX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 26 апр. 2018 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Круковская А.В., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – Москва: РГГУ, 2018. – 396 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 19).

Сборник посвящен новому для социологии понятию — смыслу, который рассматривается как качественная определенность жизненного мира, состоящего из общественного сознания, поведения и окружающей социальной среды. В центре внимания — смысл жизни современной российской интеллигенции, особенности его реализации во всех сферах современного российского общества — экономической, социальной, политической и духовно-культурной, а также в публичной и повседневной жизни. На этой основе раскрываются устойчивые смыслообразующие ценностные ориентации, а также мировоззренческие принципы, которыми люди интеллектуального труда руководствуются и которые они осуществляют в своих взаимоотношениях с обществом, государством и окружающим миром. Особое внимание уделяется анализу существующих в реальности многообразных жизненных миров групп интеллигенции, которые

олицетворяют различное, в том числе и новаторское смысловое содержание.

XX конференция

Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Белова Н.И., Буланова М.Б., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Тартыгашева Г.В., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – М.: РГГУ, 2019. – 455 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 20).

XX юбилейный выпуск сборника посвящен анализу многообразия жизненного мира российской интеллигенции и ее деятельности в отдельных сферах общества позиций прошлого, настоящего и будущего. Отмечая общие и особенные характеристики изучаемой группы в различные исторические периоды, авторы основное внимание уделяют тому, как живет, что думает, к чему стремится и что поддерживает ныне действующая интеллигенция. На фоне исторических судеб России, Китая, Беларуси, Украины, Казахстана, стран бывшей Югославии становятся различимы проблемы и возможные сценарии будущего людей интеллектуального труда и общества в целом.

Сборник предназначен для социологов и исследователей, работающих в социальных и гуманитарных областях знаний, а также для всех интересующихся судьбами российской интеллигенции.

XXI конференция

Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни: сб. статей XXI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 1 октября 2020 г. / под общей ред. Ж.Т. Тощенко; Редколлегия: Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, Е.А. Колосова, А.В. Кученкова, Г.В. Тартыгашева, М.С. Цапко, И.О. Шевченко. ред.-сост.: Цапко М.С., Зверев Е.В.; РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. – М.: РГГУ, 2020. – 378 с. (Интеллигенция и современность. Вып. 21).

Специфика образа жизни интеллигенции и многообразие ее стилей рассматриваются авторами через призму как теоретического осмысления проблемы, так и через их практическое преломление. Проблемы профессионального и социального характера, проявляющиеся в жизнедеятельности современной интеллигенции, сложное сочетание традиций и новаторства ее стилей жизни, высокие образчики жизни и деятельности представителей интеллигенции прошлого — вот основной круг тем рассуждений участников XXI международной социологической теоретико-методологической конференции.

Для исследователей специфики образа жизни отдельных социальных групп и жизненного мира интеллигенции, преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов, для всех интересующихся особенностями российской интеллигенции.

XXII конференция

Интеллигенция в новой реальности: сб. статей XXII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 30 сент.- 1 окт. 2021 г. /под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; Редактор-составитель Е.А. Колосова. РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2021. – 360 с.

Данный сборник статей, подготовленный к XXII Международной конференции в рамках научной школы «Интеллигенция и общество», посвящен осмыслению новой реальности — пандемии, роли и деятельности интеллигенции во всех сферах общественной жизни. Анализируются специфика трудовой деятельности интеллигенции, ее политические и социальные позиции. Особое внимание уделяется изменениям жизненного мира интеллигенция в сфере образования, культуры, здравоохранения, науки. Осуществлены попытки дать оценку социальным последствиям пандемии и выработать предложения о путях их решения как в общественное (публичной), так и повседневной (приватной) жизни.

Для специалистов, аспирантов, студентов и интересующихся проблемами социальной структуры общества, роли и места интеллигенции в решении проблем, возникших в условиях пандемии.

В 2018 г. на основе всероссийского социологического исследования была опубликована монография:

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, Е.А. Гришина, А.В. Кученкова, Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, И.О. Шевченко; отв. ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. – 352 с.

В основе монографии – данные социологических исследований жизненного мира в 2014 г. и 2016 г., которые в сопоставлении с информацией других социологических центров объясняют противоречивость процессов, происходящих в среде гуманитарной интеллигенции – преподавателей, работников здравоохранения и культуры. Авторы пытаются ответить на дискуссионные вопросы –

можно ли говорить о современной интеллигенции как о реальном феномене, или она становится достоянием истории, как много черт, присущих предшественникам, были сохранены современной российской интеллигенцией – высокая нравственная ответственность, ориентация на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (приватной) жизни. Осуществлен анализ основных смыслов деятельности интеллигенции во всех сферах общественной жизни. Особое внимание уделяется качеству жизни, трудовой деятельности, проблемам занятости, социальному благополучию, которые во многом выявляют черты прекарности (т.е. ненадежности, непрочности) социального положения этих социальных общностей (групп) на современном этапе развития российского общества.

Теоретико-методологическая основа этих исследований нашла отражение в монографии Жана Терентьевича Тощенко:

Тощенко, Ж.Т. **Социология жизни**: монография / Ж.Т. Тощенко. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 399 с. – (Серия «Magister»).

В монографии обосновывается возможность анализа общественных явлений и процессов с позиций новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образуемом триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира.

Анализируются генезис идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной достоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

Научное издание

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
поиск ответов на
вызовы времени

Сборник научных статей

Верстка и препресс:
Е.В. Зверев

Отпечатано с готового
оригинал-макета

Подписано в печать
Формат 145*200мм
Усл. 281 печ. л.
Тираж 50 экз. Заказ 253907

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6